

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 1
серия психология**

Санкт-Петербург
2009

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 1
Основан в 2006 году
серия психология

Учредитель: Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. С. Ермакова, доктор психологических наук, доцент;
В. Г. Казанская, доктор психологических наук, профессор;
А. Г. Маклаков, доктор психологических наук, профессор (отв. за выпуск);
И. А. Мироненко, доктор психологических наук, доцент;
Л. Я. Миссуловин, доктор психологических наук, профессор;
В. А. Худик, доктор психологических наук, профессор;
С. В. Чермянин, доктор медицинских наук, профессор

Отв. редактор А. А. Беляева
Редактор А. А. Титова
Технический редактор Н. В. Чернышева

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел./факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

В. Н. Скворцов, А. Г. Маклаков

Методологические проблемы прогнозирования психического развития..... 5

В. Ф. Петренко

Политическая психосемантика 18

И. А. Мироненко

О перспективах прогресса российской школы в психологической науке..... 29

Б. А. Еремеев

Проблема психологического исследования текста 45

А. П. Супрун

Психофонетический анализ текста 51

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В. Н. Панферов

Психологическая компетенция современного учителя 65

В. Н. Софьина

Акмеологический подход к анализу структуры
профессиональной компетентности 80

А. Н. Колпакова

Об экспериментальной программе преподавания
в контексте личностно образующих творческих циклов 90

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Г. В. Мухаметзянова, А. Н. Грязнов

Психические особенности больных алкоголизмом и наркоманией..... 100

В. А. Аверин

Личностные особенности больных
с заболеванием нижних конечностей..... 114

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

А. Н. Волкова, Е. Г. Якушенко

Одинокое материнство: психологический портрет проблемы 123

О. В. Клопова, М. Г. Королева, В. А. Прокофьева

Гендерные различия и особенности самопредставлений 136

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. А. Куницина, Н. П. Лескинен

Мотивация выбора трудовой деятельности
российских эмигрантов в Финляндии 147

И. А. Шмелева

Ценности как проблема психологии экологического сознания 155

Сведения об авторах..... 168

CONTENTS

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

V. N. Skvortsov, A. G. Maklakov

Methodological problems of mental development prediction..... 5

V. F. Petrenko

Political psycho-semantic 18

I. A. Mironenko

About the perspectives of modern Russian school's progress
in psychological science 29

B. A. Ereameev

The problem of psychological issue of a text..... 45

A. P. Suprun

Psycho-phonetic analyze of a text 51

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

V. N. Panferov

Psychological competence of a present-day teacher 65

V. N. Sofina

Akmeological approach to analyses of the structure
of professional competence 80

A. N. Kolpakova

About experimental program of education in a context
of personal forming creative cycles 90

PSYCHOLOGY OF HEALTH

G. V. Muhametzyanova, A. N. Gryaznov

Particularities of people with drug and alcohol addictions 100

V. A. Averin

Personal characteristics of patient with illness of the lower limbs 114

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT

A. N. Volkova, E. G. Yakushenko

Single maternity: psychological analyze of the problem 123

O. V. Klopova, M. G. Koroleva, V. A. Prokofieva

Gender differences and peculiarities self-representations
of men and women 136

PROVISION OF PROFESSIONAL PSYCHOLOGICAL ACTIVITIES

I. A. Kunitsina, N. P. Leskinen

Motivation of a choice of labour activity
of the Russian emigrants in Finland 147

I. A. Shmeleva

Values as a problem of psychology of ecological consciousness 155

About authors..... 168

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.0725

В. Н. Скворцов, А. Г. Маклаков

Методологические проблемы прогнозирования психического развития

В статье рассматривается одна из наиболее значимых и актуальных проблем современной психологии – прогнозирование психического развития. Приводятся классификации прогностических подходов. Раскрывается проблема учета физиологических и социально-психологических характеристик человека в построении прогноза. Дается характеристика методу анализа временных рядов, а также рекомендации по построению трендов. Приводятся эмпирические данные, характеризующие эффективность прогнозирования психического развития на основе применения методов статистического анализа.

This article discusses one of the most significant and actual problems of modern psychology – the problem of prediction of mental development. The authors present the classification of predictive approaches. They reveal the problem of physiological and socio-psychological characteristics of people in the construction of the projection. A description of the method of time series analysis and recommendations how to build a trend is given in the article. It also presents empirical data on the effectiveness of predicting mental development by applying the methods of statistical analysis.

Ключевые слова: прогноз, прогнозирование, зона ближайшего развития, временной ряд, сезонная составляющая, тренд, статистические методы.

Key words: prediction, predicting; the area of the nearest development, time series, seasonal component, trend, statistical methods.

Прогнозирование разнообразных явлений, в том числе и состояний человека – это самостоятельная наука. Прогнозирование стало неотъемлемой частью современной жизни. Человек предпринимает попытки создавать прогнозы погоды, стихийных бедствий, различных социально-экономических и других явлений. Однако самым сложным является прогнозирование поведения и состояния человека. Это обусловлено тем, что человек – один из самых сложных, с точки зрения кибернетической науки, объектов, его поведение и состояние обусловлено целым рядом внутренних факторов и внешних условий, учесть которые в полном объеме практически невозможно. Именно поэтому, когда речь идет о прогнозировании по-

ступков человека или его состояний, прежде всего следует говорить о вероятностном прогнозировании. Во многих отраслях науки и практики специалисты вынуждены решать подобные задачи.

Например, современная профилактическая медицина активно занимается прогнозированием состояний человеческого организма, которое имеет свои специфические особенности и сложности. Это связано с тем, что цель любого прогнозирования заключается в уменьшении неопределенности будущего, включающего в себя три компонента: детерминированный, вероятностный и случайный [1], а применительно к человеку строго детерминированные события, как правило, отсутствуют. Поэтому основная задача состоит в том, чтобы определить зону возможных состояний системы и выделить зону ее невозможных состояний. Так, на основании выраженности симптомов и знания закономерностей развития болезней врачи прогнозируют вероятность возникновения и развития того или иного заболевания у человека.

В результате накопленного опыта разработано свыше ста теоретических подходов вероятностного прогнозирования, которые используются в самых различных областях науки. Существуют и различные классификации прогностических подходов. Так, Э. Янч выделяет четыре класса методов: интуитивные, изыскательские, нормативные и методы с обратной связью [3], С.А. Саркисян и Л.В. Голованов на основе источника информации – два основных класса прогностических методов: эвристические и факторографические [2], В.А. Лисичкин – три класса методов: общенаучные, интернаучные и частнонаучные.

Следует отметить, что довольно часто исследователь или специалист-практик, решая какую-либо задачу, даже не задумывается о том, что пытается прогнозировать вероятностное событие. Например, сдача вступительных экзаменов в высшее учебное заведение является элементом прогнозирования. Предполагается, что абитуриент, успешно сдавший вступительные экзамены, будет успешно обучаться в вузе. В данном случае набранный на вступительных экзаменах балл является информационной базой для построения прогноза успешности обучения. Хотя из практического опыта известно, что точность прогноза успешности овладения учебной программой в вузе, построенная только на результатах вступительных экзаменов, будет недостаточной, поскольку такой прогноз не содержит информации о целом ряде важных факторов: насколько обучение в вузе будет отличаться от обучения в школе; как быстро будущий студент освоится в новом для себя качестве и примет новые требования; каковы его реальные способности, а не знания, полученные с помощью репетиторов, и др.

Прогнозированием активно занимаются не только педагоги, но и психологи. Частным случаем прогноза является профессиональный психологический отбор. Суть профотбора сводится к оценке соответствия уровня развития профессионально важных качеств кандидата требованиям предстоящей профессиональной деятельности. Предполагается, что для успешного выполнения той или иной деятельности человек должен обладать определенным набором качеств, которые должны иметь соответствующий уровень развития. Если же этих качеств нет или они развиты недостаточно, то вряд ли человек сможет успешно выполнять профессиональные обязанности. Как правило, прогностичность мероприятий профессионального психологического отбора в большинстве случаев составляет 65–75 %, а в некоторых и выше – до 85 %.

Профессиональный психологический отбор как частный случай прогнозирования основывается на знании условий предстоящей профессиональной деятельности и тех качеств, которыми должен обладать человек, выполняющий данную деятельность. Поэтому точность прогноза на основе мероприятий профессионального психологического отбора будет зависеть, с одной стороны, от того, насколько точно и правильно будут выявлены профессионально важные качества, а с другой – как точно будет оценен уровень развития профессионально важных качеств у кандидата на замещение вакантной должности. Таким образом, эффективность профессионального отбора и его прогностичность зависят прежде всего от методологии и методик, используемых при организации отбора.

Сам по себе профессиональный психологический отбор как вариант прогнозирования события, связанного с деятельностью человека, может быть отнесен к нормативно-факторографическим методам прогнозирования. Знание факторов, определяющих успешность деятельности и норм развития профессионально важных качеств позволяет построить прогноз в отношении успешности предстоящей деятельности. Однако данный метод прогнозирования, как и любой другой, также ограничен, поскольку нельзя предвидеть все случайные события и учесть все случайные факторы, с которыми может столкнуться человек в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей.

Еще с более тяжелыми проблемами сталкивается исследователь, когда пытается прогнозировать характер и динамику психического развития человека. Предсказать, кем будет человек, какими будет обладать возможностями через год или два, крайне сложно, если не сказать больше – практически невозможно. Тем не менее

попытки прогнозировать развитие психики человека, хотя и косвенные, предпринимались. Так, в психологии развития и педагогической психологии известно такое понятие, как «зона ближайшего развития». Как известно, понятие «зона ближайшего развития» оформилось в культурно-исторической теории Л.С. Выготского после того, как были разработаны методологические основы концепции психического развития ребенка. Фактически нет книг, в которых Л.С. Выготский рассматривал бы это понятие. Однако в 1932–1934 гг. в лекциях по педологии, прочитанных им в Ленинградском педагогическом институте, были широко представлены его идеи о законах психического развития ребенка, в том числе о зоне ближайшего развития.

Согласно Л.С. Выготскому, развитие ребенка (в отличие от других видов развития) происходит посредством присвоения человеческого опыта в сотрудничестве со взрослым. На каждом этапе своего развития ребенок накапливает определенные знания. У него формируются умения и навыки, причем на каждом этапе ребенок достигает определенного уровня развития, который проявляется в его индивидуальной деятельности. Данный уровень развития называется актуальным. Однако в совместной деятельности со взрослым достижения ребенка всегда оказываются выше. Именно эти достижения и определяют зону ближайшего развития: «Область незрелых, но созревающих процессов ...». Таким образом, понятие зоны ближайшего развития основано на идее о доминирующей роли обучения в развитии человека.

Вместе с тем до настоящего времени нет единого мнения о том, как диагностировать эту зону ближайшего развития. Как известно, традиционно диагностика психического развития ребенка ориентируется на определение актуального уровня развития. Но прогноз, составленный на основе подобных методов, недостаточно надежен. Как уже было отмечено выше, на примере сдачи вступительных экзаменов в вуз, для определения перспективы развития необходимо знать, с чем ребенок столкнется в ближайшем будущем. Неизвестно, как он поведет себя в новых условиях, как будет строить отношения с со своим окружением, в каких условиях будет протекать его деятельность и др. Именно потому, что будущее связано не только с присущими конкретному ребенку закономерностями развития, но и неопределенностью ожидаемых событий, измерение готовности к школе на основе уже сформированных у ребенка способностей оказывается недостаточным. Таким образом, проблема диагностики развития остается одной из наиболее значимых и трудных задач психологии развития. Актуальность данной проблемы не вызывает

сомнения, что обуславливает целесообразность поиска методов и способов ее решения.

Однако если рассматривать данную проблему с операционально-технической точки зрения, т. е. с позиции практического решения задачи прогнозирования психического развития, то, вероятно, можно прийти к выводу о невозможности практического осуществления поставленной задачи. Слишком значительной и разносторонней информацией необходимо обладать, чтобы спрогнозировать развитие психики конкретного человека. В настоящее время можно описать ту информационную базу, которую необходимо иметь для того, чтобы решать задачи прогноза психического развития человека и определить те условия, при которых имеющаяся информационная база может быть с успехом использована на практике.

Чтобы понять, какую информацию необходимо иметь для адекватного прогнозирования психического развития человека, прежде всего необходимо определить позиции, с которых следует рассматривать человека как объект научного познания. В отечественной психологии ответ на этот вопрос для большинства исследователей очевиден: человек – это биосоциальное существо. Признание биосоциальной сущности человека означает, что для прогнозирования его развития необходимо учитывать как физиологические, так и социальные факторы.

На первый взгляд может показаться, что учет физиологических особенностей человека в построении прогноза – наиболее простая задача. В настоящее время известно значение разнообразных патологий, в том числе и врожденных патологий нервной системы, для последующего развития психики индивида. Однако простота решения данного аспекта задачи прогнозирования развития кажущаяся. Человека никак нельзя отнести к разряду статических объектов. Он постоянно изменяется. С этой точки зрения показатели физиологического состояния и развития конкретного индивида не могут рассматриваться как надежные показатели долгосрочного прогноза. Физиологические показатели могут быть использованы лишь для построения весьма кратковременного прогноза – на сутки, неделю или на несколько лет.

Данное обстоятельство весьма убедительно доказано в диссертационном исследовании С.В. Чермянина (1997), который изучал особенности динамики психофизиологического состояния лиц, перенесших воздействие в период их реабилитации, и установил, что физиологические показатели не являются достаточно прогностичными для построения долгосрочного прогноза. По мнению

С.В. Чермянина, более точный прогноз можно построить на основе изучения личностных характеристик.

Однако построение долгосрочного прогноза развития психики человека на базе социальных и социально-психологических характеристик – еще более сложная задача. Это обусловлено тем, что при учете разнообразных социальных детерминант, способных оказывать влияние на развитие психики человека, существует фактор, который практически невозможно учесть – это фактор вероятностной неопределенности. Очень трудно предсказать, что может произойти с человеком сегодня или завтра, с какими социальными факторами он может столкнуться в своей жизни. Например, ребенок из благополучной среды развивается достаточно активно, но произошла трагедия, и ребенок остался без родителей. Что будет дальше с этим ребенком? Какова будет динамика развития его психики? Ответить на эти вопросы очень сложно. Еще труднее предсказать вероятность событий, которые кардинальным образом могут изменить весь ход развития психики человека.

Таким образом, прогнозирование развития психики конкретного человека в настоящее время представляется весьма сложной и, учитывая вероятностную достоверность такого прогноза, практически невозможной задачей. Вместе с тем, используя достижения современной науки, можно прогнозировать развитие психики значительных по численности масс людей. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, развитие человека связано с объективно существующими социальными законами и подчинено определенным закономерностям. При этом следует подчеркнуть, что сегодня наука не может описать все существующие законы и закономерности развития психики, но их влияние и проявление можно учесть при анализе результатов массовых лонгитюдных исследований с использованием современных методов математико-статистической обработки полученных данных.

С этой точки зрения одним из весьма перспективных направлений может быть расширение перечня методов статистической обработки данных, используемых в психологии. Современная психология уже немыслима без математико-статистического анализа экспериментальных данных. Ни одно исследование невозможно осуществить без опоры на математическую статистику. Однако перечень математико-статистических данных, используемых в психологии, достаточно ограничен. Хотя существуют методы, которые вполне могут быть использованы в психологии и в том числе в психологии развития с целью прогнозирования закономерностей и динамики развития как одного конкретного человека, так и группы людей. К числу таких методов относится метод анализа временных рядов, доста-

точно широко используемый в экономике, социологии и других науках, но практически не используемый в психологии.

В отличие от анализа случайных выборок, анализ временных рядов основывается на предположении, что последовательные значения данных связаны с течением времени и могут наблюдаться через определенные его промежутки (тогда как в других методах привязка наблюдений ко времени отсутствует или не учитывается). Существуют две основные цели анализа временных рядов: определение природы ряда и прогнозирование, заключающееся в предсказании будущих значений временного ряда по настоящим и прошлым значениям. Вторая цель особо интересна с точки зрения рассматриваемой проблемы [4].

Причем у метода анализа временных рядов есть весьма важная специфическая особенность. Так, независимо от целей исследования модель ряда должна быть идентифицирована и формально описана, т. е. найдена математическая закономерность. Как только модель определена, то с ее помощью можно интерпретировать рассматриваемые данные, например, обосновать какие-либо закономерности или даже построить теорию. Более того, на основе найденной модели можно экстраполировать ряд, т. е. предсказать его будущее значение. Соответственно для психологии развития метод анализа временных рядов позволяет прогнозировать развитие субъекта.

Более того, весьма значимой особенностью данного метода анализа является то, что для прогнозирования необязательно выявлять и идентифицировать все факторы, оказывающие влияние на ход развития объекта. Предполагается, что при построении временного ряда нет необходимости определять все факторы, влияющие на показатель. Так, если предположить, что показатель не случаен, а подчинен определенным закономерностям, то привязка к фактору времени позволяет, не выявляя природу этих закономерностей, проследить динамику изменения показателя и спрогнозировать возможные изменения в будущем.

Как и большинство других видов анализа, анализ временных рядов предполагает, что имеющиеся данные содержат систематическую составляющую, отражающую суть явления и случайный шум (ошибку), который затрудняет обнаружение регулярных компонент. При решении практических задач в первую очередь обращают внимание на регулярные компоненты, стараясь максимально снизить влияние ошибки на общий результат. Большинство регулярных составляющих временных рядов принадлежит к двум классам: они являются либо трендом, либо сезонной составляющей. Тренд представляет собой общую систематическую линейную или нели-

нейную компоненту, которая может изменяться во времени. Сезонная составляющая – это периодически повторяющаяся компонента. Оба эти вида регулярных компонент могут присутствовать в ряде одновременно. Например, с точки зрения психологии развития, тренд может характеризовать общую динамику психического развития, а в качестве сезонной составляющей могут рассматриваться периоды кризисов, повторяющиеся у конкретного человека с большей или меньшей регулярностью или вообще отсутствующие.

Как отмечают специалисты в области математической статистики, не существует «автоматического» способа обнаружения тренда в временном ряду, т. е. тренд определяется самим автором путем подбора функции, наиболее точно характеризующей динамику изменения данных. Причем если тренд является монотонным (устойчиво возрастает или устойчиво убывает), то анализировать такой ряд достаточно легко. Однако если временные ряды содержат значительную ошибку, то первым шагом выделения тренда является сглаживание. Сглаживание всегда включает некоторый способ локального усреднения данных, при котором несистематические компоненты взаимно погашают друг друга.

В настоящее время существует много научной литературы, в которой рассматриваются общие вопросы построения трендов и способы сглаживания. Однако большинство этих трудов посвящено прикладным вопросам статистики в экономике и несколько реже – в социологии. Одна из причин, объясняющих отсутствие примеров использования тренда в психологических исследованиях, заключается в специфике построения временного ряда.

Временной ряд – это совокупность значений, привязанных к определенным временным отрезкам. Получить в рамках психологических исследований значения, которые могут быть использованы при построении временного ряда, возможно лишь в случае проведения многолетнего лонгитюдного исследования. Причем следует иметь в виду, что для осуществления прогнозирования хотя бы на один временной отрезок вперед, необходимо иметь результаты исследований на трех предшествующих отрезках времени, а на период в два временных отрезка – шесть или хотя бы пять. Таким образом, для прогнозирования развития конкретного человека или группы людей необходима база данных, сформированная на основе длительного многолетнего исследования. Проведение подобного исследования, как правило, требует значительных материальных средств и человеческих ресурсов. Вероятно, именно поэтому никогда не вставал вопрос об использовании в психологии математических методов прогнозирования на основе временных рядов. Однако с развитием практической психологии и созданием психологических служб в различных государственных и коммерческих организациях,

создаются объективные предпосылки для создания и накопления баз данных.

С появлением возможности формирования баз данных, содержащих информацию о психологических особенностях конкретных людей, встает вопрос о том, какую именно информацию следует накапливать и собирать. Не вызывает сомнения, что эта информация должна иметь большое значение для решения разнообразных практических задач. При этом накапливаемая информация в каждой конкретной организации во многом будет зависеть от условий деятельности и специфики данной организации. Однако, скорее всего, большинство психологов предприятий и организаций предпочтет накапливать сведения об интеллектуальных характеристиках своих сотрудников, а также сведения о каких-то чертах личности, особенностях мотивации и др.

В качестве примера можно привести опыт работы сотрудников факультета психологии Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Начиная с 2001 г. на факультете проводятся психолого-педагогические олимпиады выпускников общеобразовательных школ Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Ежегодно в них принимают участие от 200 до 300 человек. Все участники олимпиад проходят психологическое тестирование, причем перечень психологических методик практически на протяжении всех шести лет был неизменен.

Особое внимание уделялось изучению интеллектуального уровня развития. Для этого использовались различные параллельные варианты теста КР-3-85. Он содержит шесть субшкал, которые условно называются: «Аналогии», «Арифметический счет», «Зрительная память», «Вербальная память», «Пространственное воображение», «Установление закономерностей». Каждый субтест содержит 30 заданий. На основании суммы выполненных заданий по всем субтестам можно судить об общем уровне интеллектуального развития (ОИР). Следует также отметить, что все параллельные варианты субтестов данной методики прошли тщательную проверку на сопоставимость результатов. Поэтому можно быть уверенным в том, что независимо от варианта тестовой батареи результаты характеризуют объективный уровень общего интеллектуального развития.

Необходимость оценки уровня ОИР обусловлена тем, что он – один из важнейших прогностических факторов успешного обучения в вузе. Многочисленные работы отечественных и зарубежных исследователей убедительно доказывают, что без соответствующего уровня интеллектуального развития успешное освоение учебной программы в вузе невозможно. Не менее значимым показателем для успешного обучения в вузе являются личностные характери-

ки студента, обеспечивающие его адаптацию к условиям высшего учебного заведения. Поэтому в ходе психологического обследования потенциальных студентов использовался тест МЛО «Адаптивность», оценивающий уровень развития личностного адаптационного потенциала. При этом есть основания полагать, что и уровень ОИР и уровень развития ЛАП – это не случайные показатели. Их уровень развития у того или иного поколения людей не случаен, поскольку обусловлен не только индивидуальными особенностями людей, но и социальными условиями, в которых данное поколение развивалось.

В результате шестилетнего исследования была сформирована база данных, содержащая информацию о выпускниках общеобразовательных школ Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Каковы возможности данной информационной базы, что можно оценить и какой прогноз построить с ее помощью?

Данный вопрос не случаен, поскольку адекватность прогноза зависит от того, насколько правильно будет интерпретирована имеющаяся информация. Например, можно ли на основе данной базы оценить уровень интеллектуального развития выпускников школ Ленинградской области и Санкт-Петербурга? Конечно нет, поскольку объем накопленной базы характеризует всего лишь 0,1 % всех выпускников школ Ленинградской области за период 2001–2007 гг. Однако накопленной информации достаточно для того, чтобы спрогнозировать характеристики учащихся выпускных классов, которые придут поступать в данный конкретный вуз в следующие два года.

Не секрет, что выбор выпускником школы того или иного вуза обусловлен целым рядом факторов, которые можно разделить на две основные группы: группа факторов, обуславливающих выбор будущей профессии, и группа факторов, определяющих выбор вуза. Обе группы включают в себя как случайные элементы, так и компоненты, отражающие определенные закономерности. Причем если детально сравнивать эти группы факторов, то можно обнаружить, что больше всего случайных элементов среди факторов выбора профессии, а среди факторов выбора вуза преобладают компоненты, отражающие определенные закономерности.

Так, к числу основных закономерностей при выборе вуза следует относить: престижность вуза и тип диплома (государственный или негосударственный), получаемый по его окончании; стоимость обучения (доступность получения образования); месторасположение и др. Определенные закономерности проявляются и при выборе профессии, например, на гуманитарные специальности традиционно стремятся поступать те, у кого в школе были проблемы с математикой и физикой. Следовательно, подавляющее большинство

абитуриентов – это не случайный набор отдельных личностей, а группа людей, сформированная на основе закономерных факторов. Поэтому динамика психического развития данной выборки людей, вероятно, также подчинена определенным закономерностям. Таким образом, построив временной ряд, можно попытаться спрогнозировать уровень развития интеллектуальных характеристик у тех, кто придет поступать в будущем.

Технически решить задачу прогнозирования на основе построения тренда при наличии информационной базы относительно легко. Для этого необходимо ввести данные по интересующим характеристикам в электронную таблицу Excel и воспользоваться встроенными в данную программу функциями. В данном конкретном случае прогнозирования возможных изменений уровня интеллектуального развития и адаптационных характеристик будущих абитуриентов факультета психологии ЛГУ им. А.С. Пушкина 2008 и 2009 гг. необходимо рассчитать средние значения за каждый из шести предыдущих лет и ввести их в таблицу Excel.

В результате вышеописанных действий был получен временной ряд и построен тренд, отражающий закономерности динамики уровня интеллектуального развития у абитуриентов факультета. На рис. 1 представлен вариант тренда отражающий закономерности изменения ОИР у абитуриентов факультета психологии.

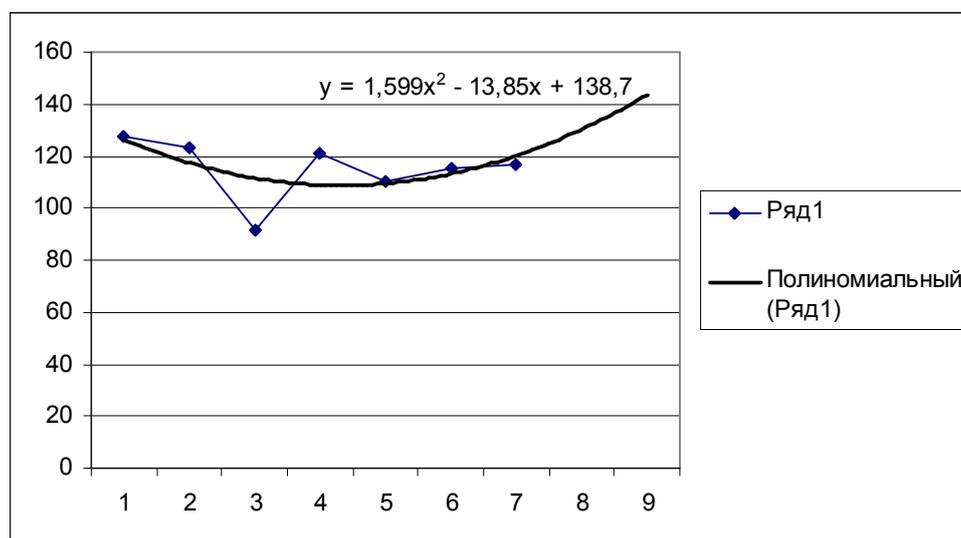

Рис. 1. Динамика и закономерности изменения ОИР у абитуриентов факультета в период 2001–2007 гг. и на прогнозируемый период 2008–2009 гг.

Как следует из рис. 1 в период 2001–2003 гг. (1–3 временной период) отмечалось снижение показателей ОИР, однако в дальнейшем наблюдается постепенное их увеличение. В результате, на основе анализа имеющихся данных можно ожидать, что уровень интеллектуального развития выпускников школ Ленинградской об-

ласти и Санкт-Петербурга, которые будут поступать на факультет психологии ЛГУ им. А.С. Пушкина, будет несколько выше, чем у их предшественников.

Примерно аналогичные данные были получены на основе анализа временного ряда построенного по результатам выполнения теста МЛО «Адаптивность» участниками психолого-педагогических олимпиад 2001–2007 гг. Результаты данного анализа представлены на рис. 2.

Как следует из рис. 2, полученный тренд в целом говорит об ожидаемом снижении показателей у абитуриентов 2008–2009 гг. по тесту МЛО «Адаптивность». Как известно, шкалы данного теста конструктивно построены так, что чем ниже показатель, тем выше реальный уровень развития ЛАП. Таким образом, снижение показателей тренда, представленное на рис. 2, указывает на вероятное улучшение характеристик личностного адаптационного потенциала у будущих абитуриентов факультета психологии 2008–2009 гг.

Вместе с тем, если сопоставить эти два тренда, то можно сделать вывод о том, что более вероятен прогноз, отражающий уровень развития ОИР, поскольку величина достоверности аппроксимации (R^2) у него существенно выше. Однако обеспечение достоверности прогноза является общей проблемой прогнозирования. В отношении анализа временных рядов и построения тренда справедливо следующее утверждение: чем больше замеров, тем более точен прогноз.

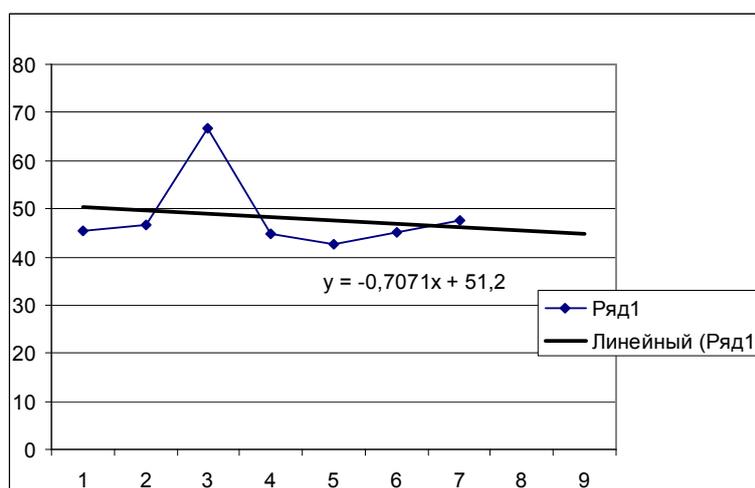

Рис. 2. Динамика и закономерности изменения показателей личностного адаптационного потенциала у абитуриентов факультета в период 2001–2007 гг. и на прогнозируемый период 2008–2009 гг.

Следует обратить внимание, что приведенный выше пример прогноза основывается на данных регулярного обследования абитуриентов за 2001–2007 гг. Осуществленный в 2008 г. набор студентов для обучения на факультете психологии подтвердил достоверность сделанного прогноза. Действительно, анализ результатов психологического обследования студентов, поступивших на факультет в 2008 г., показал, что уровень интеллектуального развития и личностного адаптационного потенциала выше, чем у предшественников. Данная закономерность целиком соответствует ожиданиям прогноза.

Также следует отметить, что, вероятно, аналогичный тренд можно построить в отношении одного конкретного человека, за которым велось наблюдение на протяжении ряда лет, что в свою очередь обосновывает целесообразность использования данного инструмента математико-статистического анализа в решении задач психологического сопровождения профессиональной деятельности.

Таким образом, появление и развитие психологических служб в разных государственных и коммерческих организациях создает объективные предпосылки для создания и формирования информационных баз, содержащих сведения о психологических особенностях значительного количества людей. Данное обстоятельство будет способствовать повышению интереса современных исследователей к проблемам психологии развития и поиску новых методов прогнозирования. В связи с этим метод анализа временных рядов является одним из наиболее перспективных методов изучения закономерностей психического развития и прогнозирования изменений психологических характеристик людей.

Список литературы

1. Добров Г.М. Прогнозирование науки и техники. – М.: Наука, – 1970.
2. Саркисян С. А., Голованов Л.В. Прогнозирование развития больших систем. – М.: Статистика, 1975.
3. Janch E.(Янч Э.) Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1971.
4. Электронный учебник StatSoft. URL: [http // www.statsoft.ru](http://www.statsoft.ru)

Политическая психосемантика¹

Статья посвящена рассмотрению проблем политической психологии. Рассматриваются особенности анализа политических и социальных представлений различных групп населения России. Описываются особенности применения психосемантических методов для изучения политического менталитета граждан России.

The article discusses problems of political psychology. Particularities of analyze of political and social presentations of different population's groups of Russia are characterizing. Particularities of using psycho-semantic methods in studying of Russian citizens' political mentality are given.

Ключевые слова: политическая психология, психосемантика, политический менталитет.

Key words: political psychology, psycho-semantic, political mentality.

Человек – существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности, не только социальное, стремящееся занять достойное место в обществе, где область «моего я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе; на мой город, мою страну), но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов, где помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияния, идет еще конкуренция в метальном семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку и интерпретацию исторических событий, словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира, того или иного индивидуального или коллективного субъекта. Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «я» и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное «я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, через идентификацию с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному, непреходящему, обретает смысл собственного существования. Наконец, рели-

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ, грант № 08-06-001-176

гиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смыслов существования как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире. В этом плане для изучения политики того или иного государства, прогнозирования его развития и места в мировом сообществе важен не только экономический и политический анализ его ресурсов, оценка его военной мощи, состояния социальной сферы (образования, культуры, медицины), но и (тесно связанная с последней) оценка состояния общества в духовной сфере, его пассионарность (в терминах Л. Гумилева), степень доверия в обществе, степень милосердия к нуждающимся в его опеке и поддержке. Иными словами, «состояние умов», «качество населения», «социальный капитал» и «ментальный ландшафт», «общественные установки» и «национальные отношения», «религиозная веротерпимость» и «толерантность общества» – необходимые компоненты в политическом прогнозе развития того или иного государства. Эти аспекты «ментального картографирования» составляют предмет области, известной под названием «психосемантика сознания», «психосемантика ментальности».

Чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные фигуры сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того, чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря, крестьяне, имеющие свое отношение к земле и труду, погруженные в мир представлений сельской общины и ее традиционный уклад, и, наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий.

Чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи развитого социализма), необходима особая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл) или «кентаврического сознания» (М. Мамардашвили), где нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и конституционно закрепленными в конституции правами, а некими негласными правилами, нарушение или даже попытка обсуждения которых каралась инквизицией двадцатого века – спецслужбами НКВД, КГБ. Специфика сложной семиотической игры декларируемого и реально действующего породила специфический тип еретика-правозащитника, ориентированного в своей правозащитной деятельности именно на соблюдение конституционных прав граждан.

Помимо социальных представлений (в терминах С. Московичи), в механизм социального взаимодействия входят и эмоциональные состояния. Например, чувство религиозного воодушевления во времена крестовых походов; эсхатологические ожидания близкого конца света в Византии накануне первого тысячелетия, или доминирующее чувство страха во времена разгула инквизиции в Средневековье или в современном тоталитарном обществе.

Современная Западная Европа и Северная Америка, коммунистический Китай и Черная Африка, Арабский Восток и Индия отличаются не только и не столько промышленными технологиями и обликами городов, которые в условиях глобализации имеют тенденцию к стандартизации, сколько системой ценностей и картиной мира людей, их населяющих. Множество аспектов бытия определяют национальную психологию и картину мира населения тех или иных государств, тех или иных регионов. Это и географические (север/юг, климат, ландшафт, наличие водных артерий, плодородие почв, наличие природных ископаемых и т. п.), геополитические (расположение государства, наличие естественных преград для вражеского вторжения, транспортные коммуникации и т. п.), а главное история, культура и религия этого государственного образования.

России же, по меткому выражению, «страна с непредсказуемым прошлым», где за одно прошлое столетие трижды кардинально менялась идеология, экономическая и социальная политика. В результате разные социальные, возрастные, этнические, религиозные и региональные слои населения представляют собой «вавилонское смешение народов», вобрав в себя противоречивые ценностные установки различных исторических эпох России (от монархического православия и тоталитарного мировосприятия «гомо советикуса» до авторитаризма «управляемой демократии» и либертарианских идей в экономике). Не меньший хаос или феномен «кентаврического сознания» присутствует в голове среднестатистического россиянина. По нашим исследованиям, (Образ экономической и политической реформы в сознании россиян» (Петренко, Митина, 1997)), только четверть населения имела более или менее непротиворечивые политические установки, совпадающие с идеологией, имевшихся на то время политических партий. Большая часть населения демонстрировала синкретическое мышление, в котором желание рыночной экономики и выборности власти соседствовало с ностальгической тоской по «сильной руке» и требованием государственного регулирования цен.

В условиях колоссальной неоднородности общества и его крайней дифференциации не только по экономическому статусу, но и по мировоззрению и политическим, ценностным установкам (что, с одной стороны, чревато возможностью социального взрыва, но с дру-

гой, обеспечивает, исходя из «принципа необходимого разнообразия» Эшби, возможность динамических трансформаций) чрезвычайно важной становятся проблемы терпимости (толерантности), достижения консенсуса и доверия друг к другу отдельных социальных, национальных и религиозных групп, проблема доверия общества к институтам власти, к экономическим институтам и институтам суда и права. Как показали исследования лауреата Нобелевской премии по экономике американского психолога Дэниела Канемана (2006), психологические установки, прогнозы и ожидания, а также доверие населения к экономическим институтам и органам власти влияют на состояние экономики не в меньшей мере, чем ее, собственно, «объективные» детерминанты.

Политическая психология, предмет, задачи

Кардинальные экономические и политические изменения нашего общества и вызванная ими трансформация общественного сознания создали потребность в психологическом осмыслении и рефлексии происходящих на наших глазах глобальных социальных процессов и анализа изменений политического менталитета отдельного человека как субъекта этих процессов. Ответом на этот социальный запрос стало появление практически новой для отечественной психологической науки области – политической психологии (см. Шестопал, 1988; Петренко, Митина, 1991; Юрьев 1992; Дубов, Пантелеев, 1992; Шмелев, 1992; Лебедева, 1993; Егорова-Гантман и др., 1993; Дилигенский, 1994; Гозман).

Предметом политической психологии, по мысли Е. Шестопал, выраженной в «Психологическом словаре» (под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко, М., 2003), следует считать «двухсторонний процесс влияния психологических факторов на политическое поведение и политических действий на психологические состояния» (Шестопал, 2003, с.392). «Политическая психология, продолжает она, исследует широкий круг проблем как внешней политики (психология войны и мира, терроризм, принятие политических решений, этнические и межгосударственные конфликты, взаимное восприятие партнеров по переговорам), так и внутривнутриполитической жизни (мотивация политического участия в традиционных институтах и новых движениях, дискриминация меньшинств, психология формирования политической идентичности и т. д.)».

Объект «политической психологии» – «политика» – выступает как особая деятельность людей по реализации коллективных интересов одной сколь угодно большой группы людей (вплоть до государства или группы государств), сотрудничающих или противодействующих интересам другой социальной, этнической или профессиональной группы. Предмет науки, как мы знаем из соци-

альной эпистемологии и науковедения, строится на базе объекта науки, в первую очередь исходя из особенностей метода и специфики языка данной области знания.

Методы политической психологии заимствуются из психологии личности и теории общения, рефлексивных игр и психотерапии, из синергетики и теории катастроф, психолингвистики и теории дискурса, этнопсихологии и кросс-культурной психологии, теории личностных конструктов и психосемантики. Общим здесь является только размытое и плохо определенное поле «политической деятельности».

В этом плане ситуация в «политической психологии» напоминает положение в советской школе в тридцатых годах прошлого века, когда практиковался так называемый «комплексный подход» в обучении. Комплексность заключалась в том, что на уроках давался последовательно комплекс знаний о некотором объекте. Например, изучается объект «корова». На одном уроке дети изучали, как пишется это слово, на другом – какой продукт она дает, на третьем – к какому биологическому классу она относится и т. д. То есть организация обучения шла по «объектному», а не дисциплинарному основанию.

Близкое положение мы наблюдаем и в объединении проблематики политической психологии, в качестве которой рассматриваются, например, ситуация политических переговоров и широко применяются методы дискурс- и интен-анализа. Объектом рассмотрения и применения методов контент-анализа могут быть и сами политические декларации, манифесты, тексты соглашения и т. п. Объектом анализа могут быть и сами «высокие переговоривающиеся стороны», особенности их характера, стереотипы поведения и особенности принятия решения, и тогда могут использоваться биографический, психоаналитический методы, методы эмпатийного моделирования (вплоть до наведения гипнотической идентичности) личности другого человека, методы проективного анализа «живого» поведения или его видеозаписи. Идеи Г. Ласуэлла оказали значительное влияние на создание спецслужбами разных стран «психологических портретов» политических лидеров (от Мао Дзедуня и Хрущева до Киссенджера и Жириновского).

Другая область политической психологии связана с анализом политических и социальных представлений как конкретных социальных, этнических, религиозных групп населения, участников или контрагентов неких общественных процессов, так и широких масс населения, являющихся электоратом в демократических обществах. Эта область изучения политического менталитета общества.

Политический менталитет включает картину мира субъекта, систему ценностей, его политические установки. Провести четкую грань между политическими и иными формами сознания вряд ли

представляется возможным. Как выразился применительно к своему времени немецкий канцлер О. Бисмарк, «Франко-германскую войну выиграл прусский учитель», и уровень образования, когнитивная сложность населения могут выступать одним из значимых параметров политического сознания, или менталитета. Последние два термина для нас скорее синонимичны, и если в философской литературе о содержательном наполнении картины мира принято говорить в терминах сознания, то в психологии в силу фрейдовского разведения сознательного и бессознательного, уместнее термин «менталитет», включающий как сознательные, так и бессознательные пласты картины мира, политические установки, настроения, стереотипы, имиджи и прочие, плохо рефлекслируемые компоненты политического опыта.

Психосемантический подход в политической психологии

Психосемантический подход в своей основе восходит к методу Семантического Дифференциала Ч. Осгуда (Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957), теории личностных конструктов Дж. Келли (Kelly 1955) и методу репертуарных решёток (Келли, 2000; Франселла, Баннистер, 1987).

В психосемантике операциональной моделью сознания, описывающей категориальную структуру сознания субъекта и личностные смыслы субъекта относительно некоторой содержательной области, выступают субъективные семантические пространства (Петренко, 1983, 1997, 2005). Субъективные семантические пространства представляют собой обобщения исходного языка описания, присущего субъекту (респонденту), где первичные дескрипторы (термин лингвистики), шкалы (в терминах Ч. Осгуда) или конструкты (в терминах Дж. Келли) группируются с помощью статистических процедур (факторного, кластерного анализа или методов структурного моделирования) в содержательно более емкие категории-факторы).

При геометрическом представлении категории-факторы выступают осями некоторого n -мерного семантического (как правило, декартового) пространства, а личностные смыслы субъекта по поводу анализируемых объектов задаются как координатные точки внутри этого пространства, создавая своеобразную «ориентировочную основу действия» (термин Гальперина) – в нашем случае эмпатического встраивания, вчувствования в сознание другого или других. В этом смысле психосемантический подход близок к проективным методам и, как и последние, чувствителен к проблемам интерпретации, но в отличие от проективных методов имеет дело с компактно представленными данными, включающими такие параметры, как когнитивная сложность (число независимых категорий-факторов), перцептуальная сила признака (выражаемая во вкладе фактора в

общую дисперсию и отражающая субъективную, связанную с мотивационной сферой значимость данного основания категоризации категорий-факторов (как взаимосвязь различных оснований категоризации) и т. п.

Рассмотрим ряд типовых задач в области политической психологии реализуемых методами психосемантики.

1. Построение семантических пространств политических партий (см.: Петренко, Митина, 1991, 1992, 1997, 2005).

Для решения этой задачи в качестве дескрипторов (суждений) мы используем декларации политических партий, фрагменты выступлений известных политических лидеров, выдержки из конституции, документов ООН, ЮНЕСКО и т. п. Респонденты (испытуемые), коими являются руководящий состав различных партий, выносят свое согласие или несогласие с каждым из суждений из списка или то, насколько каждое суждение (обычно несколько сотен дескрипторов) соответствует позиции представляемой им партии.

Позиции каждой партии представляют не менее десяти респондентов из руководящего состава (а, как правило, несколько десятков респондентов, что зависит как от массовости партии, так и меры открытости ее общественному мнению, прессе, социологическим исследованиям и т. п.), что позволяет оценить величину дисперсии в ответах как меру, обратную степени идеологического единства. Факторизация матрицы данных позволяет выделить будущие факторы сходства/различия политических партий, определить размерность политического пространства как показателя дифференцированности политической жизни общества и когнитивной сложности общественного сознания, а также (проинтерпретировав содержание каждого фактора) выделить ведущие линии социального напряжения. Позиции каждой партии в семантическом пространстве представлены как координатные точки внутри этого политического пространства и можно определить (через проекцию позиции партии на оси категорий-факторов), насколько в позиции партии выражен тот или иной политический аспект, представленный содержанием фактора. Расстояния между координатами партий в семантическом пространстве обратно пропорциональны сходству их политических установок. И, используя кластеранализ, можно построить дендограммы или кластер-структуры, отражающие группировку партий, исходя из сходства их политических установок, и предсказать, таким образом, их возможные политические альянсы.

2. Семантическое пространство имиджей партий (см.: Петренко, Митина, 1997; Петренко, 2005).

В отличие от предыдущей задачи, где в роли респондентов выступают сами члены (как правило, лидеры) той или иной партии, выступающие носителями идеологии данных партий, в роли

респондентов для построения имиджей политических партий выступают рядовые избиратели, наблюдающие политику партий, так сказать, с «внешних позиций». В задачу респондентов (испытуемых) входит оценка списка партий по широкому диапазону шкал-дескрипторов (например, «партия имеет широкую поддержку у населения», «партия отражает интересы мелкого и среднего бизнеса», «партия пользуется поддержкой президента», «партия – носитель левой идеологии» и т. п.). При такой процедуре оценка партий оказывается более субъективной (чем в первой задаче) и зависимой от политической пропаганды, средств массовой коммуникации, политической рекламы. В отличие от политически более однородных респондентов – членов партий, оценки партий населением («людьми улицы») более разнообразны, их дисперсия выше, и представляется разумным для ряда специфических задач (например, для оценки образа партий различными социальными группами) строить семантические пространства имиджей для однородного контингента респондентов.

3. Оценка электоральной мощности политических партий (см.: Петренко, Митина, 1992, 1997).

Оценка степени поддержки населением той или иной партии осуществляется нами с помощью процедуры проекции позиций избирателей на семантическое пространство партий. Каждый респондент отвечает на все пункты опросника, на которые уже отвечали представители политических партий. Проведя, таким образом, своеобразную политдиагностику, можно определить координаты политической позиции данного субъекта в пространстве политических партий. Определить, к какой партии он ближе по политическим установкам. Эта процедура, умноженная на число респондентов, дает своеобразное электоральное облако политических позиций населения, что в свою очередь позволяет определить, вокруг каких партий наиболее высока плотность избирателей, т. е. определять степень популярности каждой партии у населения, а используя детерминационный анализ (см. Чесноков, 1982), выделять социально-демографический портрет избирателей данных партий. Как показали наши исследования (Петренко, Митина, 1994, 1997) электоральная плотность партий, определенная методами психосемантики, высоко коррелирует с непосредственными данными парламентских выборов.

4. Выделение типологии политического менталитета населения

Типовое построение семантического (в нашем случае политического) пространства подразумевает факторизацию (кластеризацию, применение метода многомерного шкалирования, структурного моделирования и т. п.) двухмерной матрицы данных. Полученное на

основе групповых данных семантическое политическое пространство отражает позиции людей, стоящих на совершенно разных политических позициях. Построение таких общегрупповых пространств (на основе репрезентативных выборок), отражая настроения в обществе, позволяет совершать эвристичный прогноз парламентских или президентских выборов, но с методологической точки зрения соответствует «среднегрупповой температуре по больнице».

Этот же методологический упрек может быть отнесен и социальной процедуре оценки рейтинга политических лидеров, учитывающей сторонников, но не учитывающей позицию людей, отвергающих этих лидеров. Процедура семантического многомерного рейтинга (Петренко, 2002, 2003, 2005; Петренко, Митина, 2004) дает, на наш взгляд, более адекватную оценку рейтинга лидеров.

Для широкого круга социально-психологических и социально-политологических исследований важно изучать не усредненное мнение населения, а политические идеи (идеологемы), политические конструкты, распространенные в обществе. Ставится задача построения политической типологии населения, выделения типов политической ментальности. Для решения этой задачи мы обращаемся ко всей базе данных (а не к двумерной матрице), образованной тремя переменными: шкалы-дескрипторы; объекты анализа; респонденты.

Такая база данных представляет собой куб (а вернее, параллелепипед) данных, и для решения ряда задач с использованием многомерной статистики можно проводить сечение этого куба по разным основаниям: по испытуемым, объектам, шкалам (см.: подробнее Петренко, 1997, 2005). Для решения этой же задачи (построения типологии политического менталитета) нами (Петренко, Митина, 1997) разработан алгоритм, где политическая позиция респондента представлена единой атрибутивной матрицей, и последующая факторизация (по испытуемым) матрицы сходства матриц позволяет выделить группировки респондентов, имеющих сходные политические установки. Дальнейшее построение семантических пространств для политически однородных групп респондентов, позволяет выделить когнитивную сложность политического сознания этих респондентов, а проведя содержательную интерпретацию факторов, описать политические идеологемы и конструкты, присущие этим людям. Использование основанного на теории множеств детерминационного анализа (Чесноков, 1982; Петренко, Митина, 1997; Петренко, 2002) позволяет составить социально-демографический портрет респондентов (электората) – носителей того или иного политического менталитета.

5. Анализ динамики политического менталитета

Данный анализ необходим для предсказания развития политических процессов, происходящих в обществе, целенаправленного выбора «модели потребного будущего» (термин Н. Бернштейна) из сценарного веера возможного, и осознанных действий по элиминации нежелательных сценариев развития. Тем не менее описание «живого движения», эволюции и развития системы – одна из наиболее сложных методологических проблем науки. Как полагает Анри Бергсон, научные методы анализа динамических процессов способны дать только синхронические (фотографические, в терминах Бергсона) срезы процесса.

Для описания политической жизни общества методы психосемантики (как и любой лонгитюд в психологическом исследовании) позволяют получить серию синхронических срезов политического процесса (в нашем случае, в форме семантических пространств), и возникает вопрос, как от синхронических срезов перейти к описанию динамики. Проблема усложняется еще и тем, что со временем меняется не только менталитет, но и самое общество. Меняется политический контекст (дискурс), на передний план выступают новые проблемы, и выстраивая семантические пространства, релевантные времени, исследователь использует новые дескрипторы, а подчас вводит в исследование новых политических субъектов (государства, политические партии, политические персоналии).

Задачу установления генетической взаимосвязи семантических пространств, отражающих менталитет общества в различные временные этапы, мы решаем, устанавливая коррекционно-факторные связи дескрипторов в предположении малой изменчивости идеологии партии (т. е. объектов) на достаточно малом интервале времени, а затем в объединенном пространстве дескрипторов описываем динамику самих объектов анализа с помощью аппарата разностных дифференциальных уравнений. Психосемантика нелинейных динамических процессов находится еще в стадии развития, и нами делаются попытки использования аппарата синергетики и теории диссипативных структур для описания динамики менталитета общества (см.: Митина, Петренко, 1996; Петренко, Митина, 1997, 2003).

6. Анализ геополитических представлений населения позволяет увидеть (и оценить) внешнюю политику государства глазами его граждан. Вместе с советской идеологией ушло в прошлое (но осталось у старшего поколения на уровне установок) деление стран мира на социалистические, капиталистические и развивающиеся («страны третьего мира»). Российское общественное сознание мучительно ищет свою новую геополитическую идентичность, свое место в содружестве государств (см. Солженицын 1994). На смену

идеологическому родству (подпитываемому многомиллиардными невозвратными займами и поставками оружия) пришли прагматические внешнеполитические отношения согласно известному принципу Черчилля – «в политике нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы». В этом контексте представляется интересным, а для поддержки внешнеполитического курса важным, анализ представлений населения о геополитической карте мира; анализ образов (имиджей) различных стран; оценка степени дружественности по отношению к России и её граждан со стороны правительств и граждан этих стран и, наконец, анализ аутостереотипов, т. е. анализ образов России и ее населения в восприятии (глазами) самих российских граждан.

В психологической науке проблеме этнических ауто- и гетеростереотипов посвящено огромное количество исследований фаворитизма и этноцентризма (Дробижева, Аклаев, Солдатова, 1996; Лебедева, 1997; Berry, 1990; Taifel, Turner, 1986; Triandis, 1994). Значительно менее представлены (по крайней мере, на материале российского менталитета) исследования стереотипов восприятия стран – субъектов международной политики, так же как и исследования той системы категорий, через призму которой осуществляется восприятие и оценка этих стран. Эта задача решается путем построения семантических пространств (см. Петренко, Митина, Бердников, Кравцова, Осипова, 2000; Петренко, 2005), где объектами оценок по множеству дескрипторов, (характеризующих уровень развития экономики, культуры, политических свобод и демократических принципов, состояние вооруженных сил, религиозность общества и т. п.) выступают имиджи стран (их ауто- и гетеростереотипы). Специфика психосемантической картографии геополитического пространства (Мира, Европы, СНГ и т. п.) заключается в том, что путем наложения субъективных семантических пространств на географические карты, мы получаем визуальные геополитические пространства, где, раскрашивая эти карты по степени выраженности того или иного фактора, мы получаем визуально читаемый, целостный образ России в содружестве стран (по тем или иным экономическим и политическим аспектам), например, карты толерантности, дружественности по отношению к России окружающих её государств.

Список литературы

1. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. – Ростов н/Д., 1996.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М., 1994.
3. Дубов И.Г., Пантिलеев С.Р. Восприятие личности политического деятеля // Психол. журн. – 1992. – № 6. – С. 25–33.
4. Егорова Е.В. и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим лидером. – М, 1993.

5. Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психол. журн. – 1991. – № 6. – С. 55–77.
6. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). – М., 1997.
7. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. доп. – М.; СПб., 2005.
8. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. – СПб., 1992.
9. Шмелев А.Г. Психология политического противостояния: тест социального мировоззрения // Психологический журн. – 1992. – № 5. – С. 26–36.
10. Kelly G. A. The psychology of personal constructs. – N.Y., 1955.
11. Osgood Ch., Susi C., Tannenbaum P. The measurement of Meaning. Urbana, 1957.
12. Petrenko V., Mitina O. The Psychosemantic Approach to Political Psychology // States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology / Ed. D. Halpern & A. Voicounsky. 1997. – N. Y. Oxford Univer. Press. – P.19–48.

УДК 159.9:37

И. А. Мироненко

О перспективах прогресса российской школы в психологической науке

В статье рассматриваются перспективы прогресса российской психологической школы в мировой науке. Рассматриваются факторы, способствующие и препятствующие развитию современной российской психологической школы. Дается оценка достижения современной российской психологии.

The article discusses perspective of modern Russian psychological school in context of world's science. Factors, which are help and prevent development of modern psychological school are analyzing. Appraisal of modern Russian psychology's progress is given.

Ключевые слова: прогресс, российская психологическая школа, мировая наука.

Key words: progress, Russian psychological school, World's sciene.

В ходе острых современных дискуссий о прогрессе психологической науки особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достигнутого отечественной наукой, и о перспективах психологии в ближайшем будущем. На фоне несимметричного срастания отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, произошедших в российской психологической школы в

постсоветский период, среди российских коллег достаточно широко распространено как весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода, так и мнение о недостаточной перспективности продолжения теоретико-методологических традиций данного периода.

Чтобы оценить перспективы отечественной школы психологии, представляется необходимым ответить на два простых вопроса: почему психологическая наука переживает такие болезненные сомнения по поводу наличия/отсутствия прогресса в ее развитии; каковы источники и причины ее «методологических комплексов»?

Оценивая состояние и успехи нашей науки, психологи нередко обращаются к сравнению ее с естественными науками как с неким эталоном. Замечательным примером является статья А.В. Юревича «Методологический либерализм в психологии» (Юревич, 2001). «Одна из главных особенностей методологического самосознания психологов, сопровождающая их науку с момента ее официального рождения, состоит в перманентном ощущении кризиса», – пишет А.В. Юревич, и далее: «В основе кризисного самосознания психологии... лежит сравнение с "благополучными"... естественными науками, как правило, имеющее результатом "комплекс" непохожести на них и прочие методологические "комплексы"» [15, с. 6]. А.В. Юревич последовательно анализирует «методологические комплексы» психологии и приходит к выводу, что рациональных оснований для того, чтобы констатировать существенные отличия психологии от естественных наук, нет ни по одному из названных параметров. Психология «не имеет сколь-либо принципиальных отличий от естественных наук, и *когнитивные* основания для вынесения ей тяжелого диагноза – о том, что она находится в глубоком кризисе, – отсутствуют. Основания же для этого – преимущественно психологические: психология, не имея принципиальных методологических отличий от других наук, обладает специфическим и неадекватным *самовосприятием*» [15, с. 12]. А.В. Юревич рекомендует психологии «*рациональную методологическую терапию*, в основе которой должна лежать коррекция, во-первых, ее Я-образа, во-вторых, образа естественных наук» [15, с. 13]. В контексте «рациональной методологической терапии» А.В. Юревич обращается к образу прошлого и будущего психологии, и приходит к выводу, что «...общая траектория развития психологической науки – это не бесконечное топтание на месте, а постоянный прогресс» [15, с. 14].

Решение проблемы прогресса психологической науки лежит не в плоскости сравнения психологии с другими науками, но в контексте проблем более общего порядка, порожденных современностью. Психология является частью науки в целом, наука – часть человеческой культуры, культура, в свою очередь, представляет собой

один из аспектов бытия человечества. Сомнения в прогрессе психологии возникают не тогда, когда мы оцениваем её прогресс относительно других наук. Они являются закономерным проявлением затруднений, возникающих сегодня при попытках дать оценку прогрессу науки в контексте развития человеческой культуры и оценить прогресс современной культуры как таковой.

Здесь обнаруживается ряд острых противоречий, актуальных и болезненных проблем, возникших в результате радикальных изменений, которым подверглась и подвергается на протяжении последних десятилетий жизнь людей. Эти актуальные проблемы современности самым непосредственным образом затрагивают психологию, как в части ее предметной области, так и в части практического применения и «методологического самосознания». Это и порождает те самые «методологические комплексы», то самое «перманентное ощущение кризиса», атрибутом которого являются сомнения в прогрессе нашей науки, которые проявляются, с одной стороны, как ощущение сомнительности происходящего в ней «прогресса» и, с другой – в форме сомнений в реальности и перспективах подлинного прогресса психологии.

1. Сомнительность прогресса?

Во-первых, к мысли о сомнительности прогресса психологии приводит дивергенция представлений о ценностях в контексте развития современной культуры. Как писал еще Н.К. Михайловский (1842–1904 гг.), наука, которая обращается к анализу человека как личности, к анализу социальных явлений, неизбежно не просто вскрывает причины и необходимость исследуемого процесса, но и оценивает его с точки зрения «желательности», «идеала». Он так пояснял эту мысль: «Коренная и ничем неизгладимая разница между отношениями человека к человеку и к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором – цель эта не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения» [1, с. 28]. И далее: «Мы не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно» т. е. через идеал справедливости. Поэтому в качестве первой из причин, вызывающих сомнения в отношении прогресса психологии, следует назвать то смятение в отношении идеалов и ценностей («целей» у Н.К. Михайловского), свидетелями которому мы являемся в современном мире, осознающем собственную мультикультурность, множественность цивилизаций, основанных на различных системах ценностных ориентаций. Сказки об общечеловеческих ценностях уже мало кого

убаюкивают, в то же время налицо отсутствие психологической готовности людей адекватно понимать друг друга и взаимодействовать в ситуации множественных и неопределенных ценностных ориентиров. Психологическая наука как никакая иная прямо поставлена самой жизнью перед фактом отсутствия общечеловеческих ценностей, по отношению к которым можно было бы оценивать прогресс, в том числе собственно научный.

Сама психологическая наука, как становится очевидным, весьма разнородна в отношении ценностных ориентаций как терминальных, так и инструментальных. В концепциях разных школ существенно различаются представления о том, что является основной функцией психики, для чего и почему психика возникла в эволюции (свидетельством чему является, в частности, ведущаяся на страницах отечественных журналов дискуссия о предмете психологии). Различаются представления о сущности и идеале человеческой личности в различных психологических теориях. В процессе интеграции мировой науки обнажаются аксиоматические основания различных теорий, по сути своей ценностных, соотнесенных с идеалами культуры, в контексте которой та или иная теория создавалась. Не менее остро стоит проблема дивергенции ценностей в психологической практике. Так широко обсуждается сегодня необходимость декларирования целей психологом-консультантом, чтобы клиент мог осознанно осуществить выбор вида предлагаемой психологической помощи. Таким образом, можно отметить, что сама разработка психологией актуальных вопросов дивергенции ценностных ориентаций в современной культуре становится источником болезненных субъективных переживаний в области профессионального самосознания психолога и служит основой соответствующего «методологического комплекса».

Во-вторых, важным источником сомнений в прогрессе психологии являются остро обозначившиеся в современном мире противоречия между культурой и цивилизацией, между прогрессом материальным и духовным.

Все более отчетливо звучит в трудах современных культурологов мысль о том, что современное развитие цивилизации, понимаемой сейчас прежде всего как материальная сторона жизни общества, научно-технический прогресс, уровень жизни общества и потребляемые блага, в определенных случаях и аспектах разрушает культуру, влечет за собой снижение ее уровня. Стало уже стереотипом общественного сознания, что «приобщение к цивилизации» обществ, которые вели достаточно примитивный в материальном отношении образ жизни, нередко приводит к духовному опустошению и снижению облика их членов до уровня подлинного варварства.

Становится также очевидным, что в сложившемся противостоянии культуры «массовой» и культуры «высокой», элитарной, т. е. подлинной, цивилизация тяготеет именно к массовой. Само понятие массовой культуры как чего-то качественно отличного от культуры подлинной порождено цивилизацией. Массовая культура в этом смысле совсем не то, что культура народная, которой цивилизация традиционно противопоставлялась¹. Можно утверждать, что именно современная цивилизация превратила имеющиеся в каждом обществе неоформившиеся ростки культурных тенденций, в чем-то архаичных, в мощного и опасного монстра, подобно тому, как человеческим гением из ДНК лягушек и древних окаменелостей были созданы динозавры в «Парке Юрского периода» С. Спилберга.

Болезненные проблемы столкновения и противоречий тенденций в развитии цивилизации и культуры в современном обществе как никакую другую науку поражают и буквально разрывают на части психологию, область которой, как известно, лежит на перекрестке естественнонаучного знания, в большей степени реализуемого в области «цивилизации», и гуманитарного, непосредственно отнесенного к «культуре». Это также становится основой соответствующего «методологического комплекса» и порождает сомнения в прогрессе нашей науки.

Обратимся теперь к еще одному, третьему в нашем анализе, источнику сомнений в прогрессе психологии, к еще одной актуальной проблеме, занимающей умы современников, – к противоречиям в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества и в целом к утрате веры в благотворность развития науки для человечества. Эти противоречия непосредственным образом затрагивают психологию как в отношении ее предметного поля, так и в отношении методологического самосознания.

Следует отметить, что в истории философии существует три взгляда на направленность и качество развития общества. Это теории прогресса, регресса и циклического развития. Однако с древности до последнего времени – всегда – вера в будущее человечества основывалась на вере во всемогущество рационального мышления, перспективы человеческого общества связывались с развитием разума, с развитием науки и культуры. Даже такой мыслитель, как З. Фрейд, убежденный в том, что «человеческий интеллект бессилен в сравнении с человеческими влечениями», надежды на прогресс человечества связывал все же именно с интеллектом, с развитием науки. В одной из поздних своих работ «Будущее одной иллюзии» он утвер-

¹ Цивилизация – категория, используемая антропологами в противопоставлении понятию примитивной или народной культуры человечества [9, с. 12–14].

ждает, что хотя человеческий интеллект слаб, но «...есть что-то необычное в этой слабости: голос интеллекта тих, но он не успокаивается, пока не добьется, чтобы его услышали. В конечном счете, ничто не может противостоять разуму и опыту...» [11, с. 140]. Фрейд приходит к оптимистичному заключению: «мы верим в то, что наука в труде и исканиях способна узнать многое о реальности мира, благодаря чему мы станем сильнее и сможем устроить свою жизнь» [11, с. 141].

На протяжении жизни ныне живущего поколения¹ впервые в истории вера в благотворность цивилизации и культуры, общий взгляд на науку как на опору и основу прогресса человечества были поколеблены. На фоне возрастающего влияния науки на жизнь людей возникло и распространилось представление о том, что рациональное познание несет в себе угрозу человечеству. Потенциальная сила воздействия отдельных решений, принимаемых людьми, непосредственно связанными с «рычагами» научно-технического прогресса, на ход событий в масштабах планеты растет вместе с ускорением хода истории. В середине XX века Курт Воннегут в романе «Колыбель для кошки» показал ученого, который совершил открытие, приведшее к гибели мира, буквально не ведая, что он творит. Сознание творца «льда-9» вмещало лишь академическую сторону его исследований и детали собственной частной жизни. Это был роман-предостережение, которым писатель хотел привлечь внимание современников к проблеме. К концу XX века переворот в общественном сознании совершился. Человечество достигло понимания того, что наука и технический прогресс не являются абсолютным благом не только для отдельного человека или сообщества, которые могут пострадать так или иначе в процессе приобщения к «цивилизации», но и для человечества в целом. Тема зла, которое несет наука, одна из наиболее популярных сегодня на рынке стереотипов массовой культуры: в сценариях фильмов и т. п.

Миф о безотносительной полезности науки развеян, и ему на смену уже пришел новый миф – о сверхценности «природных», отчасти утраченных с развитием цивилизации, приемов и способов выживания. О том, в какой мере мифологична идеализация «природных» способностей человека к выживанию и насколько человечество своим положением доминирующего вида на Земле

¹ Известный американский футуролог А. Тоффлер предложил последние 50 тыс. лет существования человечества измерить числом поколений, каждое продолжительностью жизни в среднем 62 года. Получилось около 800 таких поколений, из которых 650 жили в пещерах. Лишь два последних поколения людей пользуются электромотором, а подавляющее большинство всех материальных ценностей и приспособлений, которыми мы пользуемся, были созданы на протяжении жизни лишь последнего.

действительно обязано науке как особой форме детерминистского, рационального, эмпирически проверяемого познания, можно судить, например, по следующим фактам: «Ускоренный рост численности населения начался примерно 8000 лет назад с развитием земледелия, благодаря которому стала возможной жизнь в городах. В нынешнюю фазу, характеризующуюся колоссальным ростом численности населения и освоением все новых районов человечество вступило лишь в самое последнее время, с развитием индустриализации... Общее число людей в эпоху неолита определяют примерно в 5 млн, а в период появления первых крупных городов – в 20–40 млн. Современному виду *Homo sapiens* потребовалось около 20 000 лет, чтобы достичь численности 200 млн (во времена Римской империи). В последующие 1500 лет (к 1600 г. н. э.) население земного шара возросло до 500 млн, спустя еще 200 лет – более чем удвоилось (около 1 млрд к 1800 г.). В наши дни на земле проживает около 3 млрд человек» [12, с. 582]. Не стоит забывать и о колоссальном увеличении продолжительности жизни человека на протяжении жизни последних нескольких поколений.

Авторы изданной Оксфордским университетом в 1977 г. монографии «Биология человека» (Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Тэннер, Н. Барникот, В. Рейнолдс) отмечают: «Человек как биологическое существо добился решающего успеха лишь недавно, лишь в самое последнее время. Люди обычно забывают или недостаточно ясно представляют себе, насколько непрочным было их положение на Земле в первые тысячелетия их существования» [12, с. 8].

Таким образом, в современном мире вопрос о месте и значении научного познания, культуры в целом, в контексте проблемы выживания и адаптации человечества стал не просто дискуссионным – это вопрос веры и суеверия, область функционирования эмоционально насыщенных стереотипов массового сознания. Это вопрос, в отношении которого борьба мнений приобрела идеологический характер. В силу своего статуса науки одновременно и о природе человека, и о человеческом познании, о видах и формах человеческой деятельности и жизнедеятельности, она оказывается единственной наукой, прямо и непосредственно имеющей внутри своего предметного поля потенциальную проблему противоречия прогресса человеческой культуры и выживания человечества. Психология поставлена самой жизнью перед вызовом этой проблемы, значимость которой и сложность служат фактором колоссального методологического напряжения в нашей науке, которому сопутствуют «методологические комплексы» и сомнения в ее прогрессе.

Еще один, четвертый, источник сомнений в прогрессе психологии, – это противоречия во взаимосвязи прогресса человеческого индивидуума и человеческого общества в современной культуре. Практически неизменным на протяжении веков в истории философии остается представление о прямой связи прогресса общества и блага отдельного индивидуума. Вредное влияние общества на человека трактуется как результат неправильного, требующего исправления, общественного строя. Типичным примером является теория К. Маркса. К. Маркс исходит из взгляда на человека как на существо цельное, «неотчужденное», доброе, рациональное. Для того, чтобы изначальные положительные качества человека проявились, необходимо преобразовать современное Марксу общество. В будущем коммунистическом обществе, как верит Маркс, человек, преодолевая отчуждение, вернется на новой, более высокой ступени к своему исходному и подлинному состоянию. Отличие этого нового «золотого века» от первобытного общества заключается в том, что здесь «неотчужденность» базируется на безграничном росте производительных сил, всемогуществе человека и невиданном изобилии. Высшая цель общественного развития по Марксу – развитие личности.

В XX веке вера в то, что прогресс общества является благом для индивидуума, была поколеблена, а в современный период ее можно считать утраченной. Причиной коренных изменений представлений о взаимосвязи блага индивидуума и общества стало то, что к началу двадцатого века отношения между индивидуумом и обществом приобретают совершенно новый, доселе невиданный характер. Общая тенденция ускорения исторического процесса привела к тому, что смена поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на глазах коренным образом меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, представления о том, как следует поступать в той или иной ситуации. Приспособиться к опережающим изменениям в культуре – становится сверхзадачей, для решения которой индивид должен употребить все силы, часто подорвать душевное здоровье, внутреннюю гармонию.

В XX веке в психологической науке закономерно возникают и крепнут сомнения в благотворности общественного прогресса для индивидуального развития человека. К.Г. Юнг еще в первой половине XX века приходит к заключению: прогресс общества покупается ценой своего рода культурных увечий, причиненных человеку, нарушений природного равновесия различных его способностей. Общество, по мнению К.Г. Юнг, добиваясь своего прогресса, использует человека в его профессиональной деятельности всегда

односторонне, лишь определенная группа психических функций при этом оказывается задействованной – и развиваемой. К тому же, обычно востребованы как раз те функции, которые и от природы более сильны. Юнг полагает, что такое одностороннее развитие нарушает природную сбалансированность личности, порождает дисгармонию и страдания. «Как порабощение массы было открытой раной античного мира, так рабство неполноценных функций является неизлечимой кровавой раной в психическом современном человека» [13, с. 108] – заключает он. К.Г. Юнг цитирует Ф. Шиллера: «Я ясно вижу преимущества, которые нынешнее поколение, рассматриваемое как единое целое, имеет на весах рассудка перед лучшими мужами прошлого. Однако состязание должно начаться сомкнутыми рядами и целое должно быть сравниваемо с целым. Кто же из новых выступит вперед, дабы сразиться один-на-один на приз человечества с каким-либо афинянином?» (Ф. Шиллер, Письма об эстетическом воспитании человека [13, с. 105].

В конце XX века то, что прогресс человечества не обязательно предполагает прогресс человеческого индивидуума, стало очевидным и перешло в область стереотипов общественного сознания. Популярным сюжетом «ужасиков» стало превращение людей в монстров-мутантов безумными учеными, стремящимися к прогрессу. Вопрос о возможной расплате человеческого индивидуума за прогресс человечества, порождающий неразрешимые и мучительные противоречия в общественном сознании, непосредственно относится к предметной области психологии, зона практических применений которой находится на пересечении потенциально противоречивых интересов индивидуума и общества. Рефлексия имеющих место здесь противоречий порождает «методологические комплексы» и ощущения сомнительности прогресса психологической науки.

И еще один, пятый в нашем анализе, источник сомнений в прогрессе психологии, еще один разлом общественного сознания непосредственно относится к вопросу о месте и роли культуры в обеспечении перспектив человечества. В 1984 г. М.К. Мамардашвили писал: «...среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной из главных и часто скрытой от глаз является антропологическая катастрофа, проявляющаяся совсем не в таких экзотических событиях, как столкновение Земли с астероидом, и не в истощении ее естественных ресурсов или чрезмерном росте населения, и даже не в экологической или ядерной трагедии. Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в связи с разрушением или просто

отсутствием цивилизованных основ процесса жизни» [4, с. 107]. В чем же заключаются та антропологическая катастрофа, которой опасается М.К. Мамардашвили?

С нашей точки зрения, в психологическом аспекте речь в его статье идет о совершающемся отрыве «поля значений» от «поля смыслов» в процессе того, что сейчас называют виртуализацией современной цивилизации [2]. Виртуализация общества, в 80-е годы, лишь едва наметившаяся как тенденция, а теперь ставшая очевидной реальностью, – это радикальная трансформация способа существования нашей цивилизации, порожденная развитием компьютерных технологий (прежде всего технологий виртуальной реальности) и проникновением их во все сферы жизни общества. Процессы производства и потребления приобретают характер «дискурса» – знаковой манипуляции. В условиях массового производства и массового потребления товар – это прежде всего знак. Социальный статус товарного знака определяет, каких денег стоит вещь, а не ее реальные свойства и нетрудовые затраты. «Знаки» не обмениваются больше на «означаемое», они замкнуты сами на себя, человек имеет дело уже не с вещью, а с симуляцией (изображаемым). Общение в виртуальном мире происходит не между реальными личностями, с их реальными статусами в общей, разделяемой реальности, а между выдуманными, изображаемыми, героями, становится знаком реального в ситуации утраты самой реальности.

В процессе виртуализации традиционно понимаемая основа человеческого сознания как единство общественного, общеразделяемого, реального слова и дела, оказывается под угрозой. Человеческое сознание в психологии традиционно рассматривалось как феномен, возникший из общей, коллективной деятельности, в процесс которой каждый вносил свой вклад, выполняя свою специфическую задачу, и в процессе которой совместными усилиями достигался реальный результат, позволявший всем удовлетворить свои реальные потребности. Индивидуальные смыслы, замкнутые на реальность, прямым и непосредственным образом здесь имеют очевидную зону пересечения в реальности же – коллективное потребление плодов коллективной деятельности. Общие для всех значения также коренятся в этой зоне пересечения смыслов, обеспечивая связь с реальностью и адекватность человеческих смыслов человеческой культуре, языку; единство и неразрывность общественного и индивидуального сознания. С этих позиций рассуждает Мамардашвили о «фундаментальной двоичности сознания», понимая под ней неразрывную диалектическую связь реальности коллективного бытия и его отражения в человеческом сознании.

Мамардашвили говорит о коллективном характере (образ «агоры»¹) человеческого искания истины, культуры, жизни. Разрушение единой ткани общественного бытия и сознания, замещение «агоры» одиночеством в виртуальном мире – в этом он видит угрозу человечеству: «...сознание фундаментально двоично. В зазеркалье же, где меняются местами левое и правое, все смыслы переворачиваются и начинается разрушение человеческого сознания. Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия. Эти "сознательные" акты и знания перестают участвовать в мировых событиях, в истории. Не имеет значения, что у тебя в "сознании", лишь бы знак подавал. В пределе при этом исчезает необходимость и в том, чтобы у людей вообще были какие-то убеждения. Веришь в совершающееся или не веришь – не имеет значения, потому что именно подаваемым знаком ты включаешься в действие и вращение колес общественного механизма» [4, с. 119]. Виртуализация стала фактом. И фактом стал порожденный ею «комплекс» общественного сознания – чувство утраты реальности жизни, утраты контроля над реальностью².

Рушатся традиционные представления о человеческой общности и общении, о человеческом сознании, в основе которых установки об общей реальности, которая отражается в сознании, реальности, в контексте которой происходит общение и формируется общность и осуществляется взаимопонимание людей, взаимодействующих в общем для них пространстве и времени единого материального мира. В VI в. до н.э. Гераклит писал: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий космос, из спящих же каждый отвращается в свой собственный». Для современного человека то, что все мы, бодрствующие, чувствуем, действуем и мыслим в едином и общем мире, уже не является очевидным. Взаимодействие между людьми, опосредованное виртуальной реальностью, при отсутствии очевидной опоры на объективную реальность совместного бытия и коррекций образа мира на основе постоянно включенного механизма обратной связи, уже не обеспечивает переживания полноты и адекватности взаимного понимания в процессе взаимо-

¹ «...для меня эта внутренняя, углубленная в себя жизнь без агоры то же самое, что искание истины в уборной. Если бы у меня был талант Кафки, я бы описал сегодня эти душевные внутренние искания как фантастические, странные искания истины там, где ее по онтологическим законам человеческой жизни быть просто не может» [4, с. 119].

² Отражением этого комплекса стал фильм «Матрица» и подобные, следовавшие за ним.

действия, не обеспечивает переживания цельности личности партнера по общению, и – как следствие – собственной личности. Границы личности в виртуальном мире размыты, а структура утрачивает определенность и провоцирует к своего рода «мерцанию формы», что порождает болезненный комплекс проблем личности и общения у современного человека.

Комплекс острых и на сегодняшний день не разрешенных проблем человеческой культуры, порожденных виртуализацией современного общества, также оказывается частью предметного поля психологии, ложится бременем на «методологическое самосознание» нашей науки, порождая ощущение сомнительности ее прогресса.

Таким образом, мы приходим к заключению, что «методологические комплексы», сопутствующие нашему профессиональному самосознанию, есть не что иное, как следствие и отражение актуальных проблем развития человеческого общества, которым сопутствует переживание неразрешимых и мучительных противоречий в сознании современного человека. Эти проблемы порождены особенностями современного этапа человеческой истории. И самым непосредственным образом неразрешенность этих проблем рефлектируется в область «методологического самосознания» психологии, порождая ощущение сомнительности прогресса в нашей науке.

Среди этих проблем здесь были названы следующие:

- Дивергенция ценностей в современном мире, утрата веры в общечеловеческие, единые для всех, идеалы.
- Противоречия во взаимосвязи культуры и цивилизации, прогресса научно-технического и духовного.
- Утрата веры в благотворность науки и культуры. Противоречия в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества.
- Противоречия во взаимосвязи блага человеческого индивидуума и прогресса человеческого общества.
- Разрушение традиционных форм человеческого общения, человеческой общности и сознания человека в процессе виртуализации общества.

2. Сомнения в прогрессе?

Список перечисленных проблем не претендует на полноту. Но уже названные позволяют ясно видеть, что комплекс важнейших и болезненных противоречий современной культуры, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории, прямо относится к предметному полю психологической науки и ее «методологическому самосознанию». Проблема соотношения наследственного и приобретенного, пределов изменчивости человеческой психики,

потенциальных возможностей развития и определяющих его факторов объективно стала главной проблемой бурно развивавшейся психологической практики двадцатого века и заняла центральное место в психологических теориях, которые не только составили существенную часть культуры XX века, но оказались и важнейшим фактором развития этой культуры в целом. И на современном этапе развития общества значимость психологии в системе наук и в культуре в целом лишь возрастает. Именно психология призвана дать ответ на наиболее острые поставленные временем вопросы, в силу своего статуса науки одновременно и естественной, и гуманитарной, науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Ни одна другая наука не может сделать этого в силу недостаточности своего предметного поля. Прогресс психологии поэтому объективно необходим и неизбежен в контексте современного развития человеческой культуры. Именно психология сейчас востребована как никакая другая наука и ее «методологические комплексы» – не что иное, как болезни роста, сопутствующие неизбежному и ускоряющемуся, уже идущему, прогрессу.

Однако этот прогресс не может быть, не был и не будет ни всеобщим, ни равномерным. И здесь лежит еще один, внутренний, порожденный особенностями структуры самой психологической науки, источник сомнений в том, что психология прогрессирует.

Психологическая наука сегодня переживает период бурных и разноплановых изменений. После достаточно длительного периода так называемого кризиса психологии¹, в ходе которого мировая психологическая наука фактически распалась на независимые «империи», сегодня в мировой науке доминирует тенденция к интеграции. Важнейшим фактором интеграции стало становление психологии в качестве профессии, что повлекло за собой необходимость единых стандартов психологической практики и образования, которые включали бы достижения различных школ. На наших глазах сегодня рождается целостная структура единой мировой науки, укрепляется взаимопонимание между школами и обмен информацией. Наряду с этим имеет место и обострение противоречий между направлениями, область психологии становится ареной борьбы различных течений. Так, в отечественной науке развернулись острые методологические дискуссии: об отношениях науки и вненаучных

¹ Кризисом, в соответствии со сложившейся в литературе традицией (Ждан, Юревич и др.), здесь называется период в развитии мировой психологической науки, начавшийся в 70-х годах XIX века, на протяжении которого мировая психология существовала в состоянии раздробленности, развивалась в контексте отдельных относительно независимых школ, в отсутствии единой теории и единых критериев валидации научного знания.

форм психологического познания (Юревич [16]), о предмете психологии [5], о взаимоотношениях естественно-научного и гуманитарного направлений (Юревич [14]), о парадигмальном статусе психологической науки (Корнилова и Смирнов [3]).

Нам близка та точка зрения, что психология является наукой мультипарадигмальной. Сложная сетевая организация психологической науки адекватна многоплановости ее предметного поля. Соответственно, прогресс психологии мне видится как весьма дифференцированный. Оценка достигнутого в XX веке прогресса, как и место в науке XXI века, для разных школ представляются очень разными.

Особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достигнутого отечественной наукой, и о перспективах ее прогресса в ближайшем будущем.

Для отечественной психологии вхождение в формирующийся единый контекст мировой науки осложняется особенностями протекания предшествующего периода ее развития, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции школ усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития нашей страны, языковым барьером¹. Зарубежные коллеги не имеют представления о развитии российской науки на протяжении большей части XX века, что приводит сегодня к восприятию ими нашей психологии как «развивающейся» провинции мировой науки, лишенной собственных теоретико-методологических корней, миссионерскому к ней отношению. На фоне имеющего место несимметричного сравнения отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, произошедших в российской психологии в постсоветский период, среди российских коллег также достаточно широко распространено как весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода, так и мнение о недостаточной перспективности продолжения теоретико-методологических традиций данного подхода.

В то же время, представляется, что потенциал этого направления далеко не исчерпан, что в психологии XXI века весьма достой-

¹ Об этом так пишет А.В.Петровский: "Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года "великого перелома"¹ эти связи стали очень быстро истончаться. "Железный занавес" опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов...в контекст развития мировой науки...Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки" (Петровский, 2000, с. 43–44).

ное место может принадлежать отечественной школе, в теории и методологии которой, в отличие от большинства великих школ западной науки XX века, делается упор на культурной формируемости образа человеческой психики, на отсутствии природной заданности свойств и самой структуры личности, что создает благоприятные предпосылки для конструктивного подхода к пониманию радикально новых явлений в развитии культуры, в том числе и названных в настоящей статье актуальных проблем и болезненных противоречий, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории.

Заложенное в основу отечественной теории, восходящее к работам И.М. Сеченова и И.П. Павлова, представление о потенциальной противоречивости биологических и социальных программ и об их возможности оказывать взаимно отменяющие воздействия позволяет утверждать, что развитие и становление индивидуальности не predetermined ни биологической, ни социальной программой. С точки зрения отечественной психологии не существует «типового варианта» гармоничного человеческого развития, ни заложенного природой, ни социально обусловленного – парадоксальная сущность человека заключается именно в том, что он творит себя сам, всегда и каждый раз по-новому. С точки зрения отечественной теории, социум уже не просто влияет на реализацию природной программы развития. Развитие личности предстает как сложное взаимодействие природной индивидуальной программы с интериоризуемой в процессе воспитания программой социального развития. Такой подход существенно углубляет представления о природе личности, пределах и возможностях ее изменения, развиваемые в зарубежных теориях, позволяет рассматривать обнажившиеся в культуре начала XXI века противоречия как диалектические и открывает перспективы развития конструктивных подходов к пониманию новых явлений культуры и цивилизации.

Так, дивергенция ценностных ориентаций в современной культуре драматически противоречит основным постулатам западных теорий, несовместима с представлениями о так называемых общечеловеческих ценностях. Если такие ценности есть – эта дивергенция должна быть рассмотрена как аномалия, требующая исправления, в том числе насильственного.

С точки зрения отечественной школы, расхождение базовых ценностей получает объяснение как нормальный и естественный феномен. Здесь возможен поиск диалога и развитие понимания между разными культурными общностями.

В отношении противоречий во взаимосвязи прогресса индивидуума и прогресса общества, заслуживает внимания диаметрально противоположный изложенному выше подходу К.Г. Юнга взгляд

классиков отечественной школы на проблему функциональной специализации человека и развитие индивидуальных свойств в структуре субъекта деятельности, что особенно ярко проявилось в концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева. Функциональная специализация, специализированное развитие функций здесь рассматривается как единственно возможный путь к общей стабилизации и гармонизации развития человека, путь к гармоничной и целостной структуре личности, всегда индивидуально неповторимой.

Представляется, что именно отечественная теория в силу специфики своего подхода к природе человека как к сущности, подвергаемой радикальным изменениям в процессе исторического развития, обеспечивает, что немаловажно, и возможность формирования оптимистической картины мира у современного человека.

Таким образом, в контексте неизбежного, на мой взгляд, хотя и не равномерного, не всеобщего и не повсеместного прогресса психологии в XXI веке, отечественные теория и методология представляются остро актуальными и обладают существенным потенциалом развития. Для того, чтобы российская психология была воспринята мировым профессиональным сообществом как самобытная школа, необходима многоплановая и настойчивая работа российских ученых. В русле решения этой задачи особое значение имеет прояснение профессионального самосознания: переход от аморфных и внутренне противоречивых общих представлений о том, что представляет собой российская психология и какое место она занимает в мировой науке, к образу четкому и дифференцированному, от понятия по сути географического, к понятию концептуальному. Очевидно, что не все российские психологи придут в результате к единому мнению. Однако экспликация и прояснение имеющего место «сосуществования и сложного взаимодействия различных имиджей и позиций» [18, с. 12] являются необходимым условием обеспечения развития традиций отечественных теории и методологии в мировой науке современного посткризисного периода.

Список литературы

1. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. – М., Онега, 1995.
2. Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. – СПб., 2002.
3. Корнилова Т.В., С.Д.Смирнов. Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2006.
4. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. – М., 1992. – С. 107–121.
5. Методология и история психологии. – 2006, № 1.
6. Мироненко И.А. Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. – 2005. – №1.

7. Мироненко И.А. О классификации концепций личности и имплицитных основаниях психологических теорий // *Вопр. психологии.* – 2006. – № 4.
8. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // *Отечественные записки.* – 1869. – № 9.
9. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / под ред. Б.С. Ерасова. – М., 1999.
10. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М., 1996.
11. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // *Сумерки богов.* – М.: Политиздат, 1989. – С. 94–142.
12. Харрисон Дж., Уайнер Дж. Тэннер Дж. и др. Биология человека. – М.: Мир, 1979.
13. Юнг К.Г. Психологические типы. – СПб.: Ювента, 1995.
14. Юревич А.В. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник // *Вопр. Психологии.* – 2005. – № 2.
15. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // *Вопр. Психологии.* – 2001. – № 5.
16. Юревич А.В. Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // *Психологический журнал.* – 2005. – № 1.
17. Юревич А.В. Психология и методология. – М.: ИП РАН, 2005.
18. Юревич А.В. Социальные и когнитивные источники парадокса // *Образ российской психологии в регионах страны и в мире: материалы форума.* – М., 2006.

УДК 159.9:81'23

Б. А. Еремеев

Проблема психологического исследования текста

В статье обобщаются исторические и теоретико-методологические предпосылки для собственно психологического исследования текста как знаковой формы выражения сознания. Предлагаются варианты структурного описания текста на основе операционального и эмпирического определения его общих психологических свойств.

In article historical and teoretiko-methodological pre-parcels for actually psychological research of the text as sign form of expression of consciousness are generalised. Variants of the structural description of the text on the basis of operational and empirical definition of its general psychological properties are offered.

Ключевые слова: психолингвистика, контент-анализ, анализ текста, ковариационные матрицы, виды матриц, испытуемые объекты и субъекты.

Key words: psycholinguistics, the content-analysis, the text analysis, kovariatsionnye matrixes, kinds of matrixes, examinees objects and subjects.

Изучения текста приводит к выводу об актуальности трёх уровней его анализа. Текст познаётся: в социокультурном контексте – в конкретных условиях их со-бытия автора и читателя; в собственном

контексте – в отношениях с другими текстами в пределах различных их множеств; в его внутреннем строении, допускающем множество описаний в разных масштабах и по различным основаниям. [1].

Любому отдельному исследованию текста (за исключением разгадывания природы неизвестной письменности, в частности, шифра) предшествует его прочтение. Исследователь – это прежде всего читатель. Текст воспринимается с большей или меньшей скоростью, с большим или меньшим интересом, с большим или меньшим трудом. Он понимается с большей или меньшей конкретностью, с более или менее выраженной аффективностью. Аффективный аспект понимания текста характеризуется единством эмотивного и регулятивного аспектов, каждый из которых выражен в разной степени.

Современная исследовательская работа с текстом, имеет несколько оснований. Одно из них – психолингвистические исследования порождения и восприятия речи. Для характеристики текста распространено использование особенностей его восприятия и понимания различными группами читателей. В психолингвистических экспериментах читатели выступают как свидетели – перцепиенты, как оценщики – эксперты, и заинтересованные лица – интерпретаторы.

Эта эмпирическая парадигма стала едва ли не главной основой для возникновения и развития экспериментальной психосемантики. В исследованиях данного направления любой объект психического отражения рассматривается как сложный социальный знак или как текст в широком смысле слова. Испытуемым предлагается оценивать данный объект, его аспекты или фрагменты, выделенные в разных масштабах и по различным основаниям при использовании определённых критериев («шкал»). Тем самым выявляются эмоционально-экспрессивные особенности текста.

В психологическом контексте реализуется аналитический подход. В отметках, которые выставляет испытуемый, находят выражение его элементарные суждения о соотношениях между текстом или его аспектами (компонентами), с одной стороны, и заданными шкалами – с другой. Синтез эмпирического множества отметок обеспечивает уже сам исследователь. В частности, он проводит факторизацию ковариационных матриц трёх видов: испытуемые – объекты (тексты), испытуемые – шкалы, объекты – шкалы. И только в исследованиях субъективной семантики при вербализации впечатлений от неопределённого стимула на естественном языке высказывания испытуемого раскрывают «живые» акты сознания.

Второе основание современного психологического исследования текста – осмысление того, как воспринимается и понимается текст от общего впечатления о нём у читателя. Можно сказать, что этот глобальный («синтетический», «целостный», или «гештальт-»)

подход оформился в виде герменевтики [1. с. 23–35]. Здесь признаётся принципиальная общность между душевными организациями автора и читателя текста, которая и становится основой для понимания прочитанного. Частный случай герменевтики – психологическая герменевтика [3]. Читатель осознанно использует определённые модели душевного мира человека вообще, автора текста, его различных позиций в конкретных ситуациях, в частности.

У отдельных исследователей всегда имела место абсолютизация целостности восприятия и понимания текста. В наше время это абсолютизация хорошо вписывается в рамки *глобализации* как познавательного расширения взятой предметной области без учёта специфики её компонентов. В частности, абсолютизируется «*вчувствование в текст*» как якобы «*качественный*» подход к нему, который противопоставляется «*количественному*», или «*формальному*» подходу.

Такая абсолютизация преодолевается при использовании контент-анализа как междисциплинарной методологии, учитывающей реальное положение дел – единство качественных и количественных характеристик эмпирического материала. Все процедуры контент-анализа фактически обеспечивают при описании материала как анализ, так и синтез. Насколько эти описания отвечают природе самого материала. Обычно бывает оправданным выделение единиц наблюдения («окон» текста), единиц (или категорий) анализа текста и единиц счёта, в которых находят себе выражение актуальные для исследователя категории анализа. Однако традиционны альтернативность выделяемых категорий анализа, их рядоположение и суммирование в пределах каждой из единиц счёта. А это уже нельзя признать соответствующим природе текста.

Можно согласиться с тем, что исследователь оформляет содержание взятого текста, используя уместные, с его точки зрения, категории анализа и соотнося абсолютные и относительные «накопленные объёмы» единиц счёта. Но интерпретация большего «объёма» как свидетельства большей значимости соответствующей категории для автора текста – это, с точки зрения психологии, явное недоразумение. Почему-то оно уже несколько десятилетий переходит из одной работы в другую...

Современное психологическое исследование текста опирается на понимание его природы как факта практического бытия сознания. Это всегда выражение субъективной реальности посредством языка как физической системы знаков, аккумулирующих социокультурный опыт, кроме того, сообщение обеспечивает виртуальные связи между носителями одной культуры. И поэтому оно – инструмент воздействия человека на человека, которое традиционно называют психологическим. Полиструктурность и полисемиотичность [1] междисциплинарного изучения текстов в отдельном психологическом

исследовании оборачиваются ситуативной определённой обобщающего описания [6; 10]. Текст рассматривается «изнутри» и/или «снаружи» – среди других текстов и/или по месту и роли его в жизни автора и/или читателей.

Психологические основания для исследования текста – это историческое и методологическое познание психики.

При рациональном подходе выделяются качественные определённости психики (души) – какие-либо её грани и/или компоненты. Своеобразие граней определяет дифференциацию видов, аспектов, сторон, уровней, различных психических образований. Своеобразие компонентов раскрывается как выделение элементов или единиц психики («актов») и отношений между ними. Это рассматривается в контексте аналитической психологии.

Между выделенными гранями и/или компонентами устанавливаются различные отношения – объективные связи и/или субъективные соотношения. Самые общие среди парных отношений-связей – это ассоциации. Особым вниманием к ним имело место в рамках ассоциативной психологии. Самые общие отношения психики и не-психики – это их связи, среди которых выделены как наиболее актуальные те, которые раскрывают место и роль психики в жизни её носителей. Эти вопросы особенно занимали представителей структурализма, функционализма и деятельностного подхода.

Осознание отдельности различных психических образований, их целостности на разных уровнях сложности, в разных масштабах выделения этих образований, нашло себе выражение в гештальт-психологии, а также в теориях «поля» К. Левина, «социального атома», «жизненных ситуаций», в утверждении «ситуативно-функционального» и «контекстуального подходов» и в других тому подобных конструктах.

На фоне углубляющихся противоречий, как внешних для науки, так и внутренних, многие психологи заговорили об очередном теоретическом кризисе. Для его преодоления некоторые повернулись лицом к человеку, некоторые – к космосу, религии, социальной практике в различных её сферах, предполагающих использование психологии, в частности, при проектировании и технологическом обеспечении деятельности.

Стремление теоретически учесть существующее многообразие психологических взглядов нашло себе методологическое оформление в интегративном подходе. Сначала это были, в основном, призывы и декларации, а затем это нашло себе выражение и в практике психологического научного *производства*. Такая интеграция при психологическом исследовании текста методологически была конкретизирована как «семиосоциопсихологический подход» [5].

В наших исследованиях текста выявляются: (а) его внутренняя предметно-ассоциативная структура, (б) структура предметной

общности данного текста с другими текстами того же рода на взятом их множестве и (в) отдельные соотношения между психологическими характеристиками данного текста как факта сознания и актуальными характеристиками контекста, – прежде всего, характеристиками автора и обстоятельств порождения текста. В числе самых общих, собственно психологических свойств, мы выделяем вслед за Л.М. Веккером так называемые вторичные свойства образа: предметность, константность, целостность и обобщённость [4, с. 138–158]. Причём характеристики взятого текста «вычерпываются» из него с опорой на признание слова естественной функциональной единицей сознания, его «живой клеткой» (по Л.С. Выготскому). Так, длина словаря и распределение устойчивости его элементов раскрывают разнообразие текста по его *предметности*. Ограниченность текста задаёт внешний аспект его *целостности*, а связи между словами – внутренний её аспект. Повторения слов в тексте свидетельствуют о внутреннем аспекте его *константности*, а их использование при воспроизведениях данного текста – о внешнем аспекте его *константности*. Использование в тексте слов, актуальных для других текстов в том же контексте, свидетельствует о его *обобщённости*.

Проведены многочисленные исследования, результаты которых имеют как эвристическое, так и диагностическое значение. В эвристическом плане существенно, прежде всего, наличие ортогональности между тем, что является в тексте очевидным, само собой разумеющимся для автора, и тем, что является в нём центральным и/или периферийным по смыслу (находящимся в ассоциативном ядре данного факта сознания или вне его). Иначе говоря, то, о чём идёт речь, и то, каковы предпочтения автора, суть различные вещи, лишь иногда совпадающие [6; 9].

Эвристично также наличие ортогональности между длиной словаря текста (конкретностью выраженного в нём) и положением данного текста среди других текстов во взятом их конечном множестве. Иными словами, абстрактность – конкретность текста как высказывания и его общность – специфичность на взятом множестве текстов суть различные его характеристики.

В диагностическом плане информативно сопоставление текстов одного рода, в частности, ответов на одни и те же открытые вопросы у отдельных и/или у множественных (групповых, совокупных, массовых) респондентов в одних и тех же и в различных условиях [7; 8]. Так, о сознательном вхождении в актуальную предметную область свидетельствует её прогрессирующая вербализация: рост характерного для неё словаря и его уместное и своевременное использование. Психологическая структура текста в её различных вариантах дифференцируется («рассыпается»), а её целостность

обеспечивается относительно большим количеством малых по величине связей.

При действии на автора каких-либо деструктивных факторов, как внешних, так и внутренних, изменения происходят в психологической *структуре* текста. Их общая форма – это возрастная редукция. Так, в предметно-ассоциативной структуре сокращается состав (устойчивый словарь), появляются большие по величине парные связи (ассоциации), увеличивается их количество, состав структуры «слипается», структура «сжимается» и... «опускается» в субъективном пространстве в направлении к его центру. То же характерно и для структуры предметной общности между текстами в их наборе.

Таким образом психологическое исследование текста имеет свою специфику и не сводится ни к исследованию содержательного своеобразия текста, ни к исследованию своеобразия его лингвистической формы.

Список литературы

1. Антипов Г.А. и др. Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989. – 197 с.
2. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.
3. Брудный А.А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
4. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
5. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая и семиосоциопсихологические парадигмы для интеграции социогуманитарного научного знания в исследовательскую, социально-диагностическую и социально-проектную практику // мир психологии. – 2000. – № 2. – С. 10–26.
6. Еремеев Б.А. Статистические процедуры при психологическом изучении текста: учеб. пособие. – СПб.: Образование, 1996. – 55 с.
7. Еремеев Б.А. Учёт актуальных различий между учителями и учащимися // Методы, приёмы и технологии в педагогике ненасилия: сб. науч. ст. и материалов XX Всерос. науч.-практ. конф. по проблемам педагогики ненасилия (СПб., 21 апр. 1999 г.) Вып. 1. – СПб.: Verba Magistri, 1999. – С. 112–119.
8. Еремеев Б.А. Учёт актуальных общности между учителями и учащимися // Методы, приёмы и технологии в педагогике ненасилия: сб. науч. ст. и материалов XX Всерос. науч.-практ. конф. по проблемам педагогики ненасилия (СПб., 21 апр. 1999 г.) Вып. 2. – СПб.: Verba Magistri, 1999. – С. 71–77.
9. Еремеев Б.А. О проявлениях культуры по учебным предметам и об их оценке (на вузовском материале) // Молодежная культура и ценности будущего: сб. науч. ст. по проблемам педагогики ненасилия: материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф. (СПб., 19 апр. 2001 г.) / под ред. А.Г. Козловой, М.С. Гавриловой. – СПб.: Verba Magistri, 2001. – С. 71–77.
10. Еремеев Б.А. Психометрика мнений о людях: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 124 с.

Психофонетический анализ текста¹

В статье раскрывается проблема взаимосвязи фонетики и семантики. Дается характеристика звуков, как материальных знаков языка. Приводятся классификация типов знаков. Рассматриваются особенности психофонетического анализа лексики.

The article discusses the problem of interrelation between phonetic and semantic. Characteristic of sounds as the material symbols of language are given. Classification of symbol's types are given. Particularities of psycho-phonetic analyze of vocabulary are describing.

Ключевые слова: звуки, лексика, семантика, психофонетический анализ.

Key words: sounds, vocabulary, semantic, psycho-phonetic analyze.

Вопрос о том, как значение слова облекается в звуки языка, как возникает конкретная фонетическая номинация денотата, ставился уже более двух тысяч лет назад еще в диалоге Платона «Кратил», позднее – в трудах средневековых схоластов, а в Новое время у Я. Грима, В. Гумбольта, А. Шлейхера. Об этом же говорили поэты и литераторы, например, А. С. Пушкин писал: «ищу союза волшебных звуков, чувств и дум». Звуковое оформление многих слов действительно не является случайным и часто связано с прямым звукоподражанием: *кукушка*, *мяукать*, *хрюшка*. Слово *гром* и звуками своими «гремит», так же как *шелест* «шелестит», *писк* «пищит», а *хрип* «хрипит». Однако писатели и поэты использовали не только звукоподражательные слова, связанные со смысловым контекстом, но и предложения строили в соответствии ним. Например, в «Слове о полку Игореве» автор писал: «*и в пяток потопташа поганые полки половецкие*», передавая стремительную атаку конницы. Таким образом, сам выбор тех или иных слов для построения высказывания может быть не случайным, а подсознательно определяться эмоциональными и смысловыми коннотациями говорящего. В этом нет ничего удивительного, поскольку системы отдельных ярусов языковой структуры, взаимодействуя друг с другом, образуют общую единую самосогласованную систему языка.

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, грант № 08-06-001-176а.

Звуки (фонемы) являются материальными знаками языка, а не просто «слышимыми звуками». Звуковые знаки языка (равно как и графические) обладают двумя функциями:

а) перцептивной¹ – становясь объектом восприятия;

б) сигнификативной² – приобретая способность различать вышестоящие значимые элементы языка – морфемы, слова, предложения.

В начале прошлого века основатель семиотики Ч. Пирс (2000) построил классификацию знаков, основанную на различии во взаимоотношениях между означаемым и означающим знака. Таким образом, он выделил три типа знаков: иконические, индексы и символы.

Иконические знаки характеризуются фактическим **подобием** означаемого и означающего. Среди иконических знаков Пирс выделил два подкласса – образы и диаграммы. В **образах** сходство означающего и означаемого затрагивает то, что Пирс назвал «простыми качествами» означаемого, т. е. форму, цвет, манеру двигаться, издавать звуки и т. п. Примерами образов могут служить разного рода реалистические изображения (например, изображение морды собаки на воротах), некоторые жесты в танцах; изобразительные фрагменты в музыкальных произведениях (например, имитация полета шмеля и т. п.).

В знаках типа **диаграмм** означающее обнаруживает сходство со своим означаемым только в соотношении их частей. Пример знаков-диаграмм – это прежде всего диаграммы в привычном смысле – геометрические изображения, выражающие количественное соотношение каких-либо величин.

Индексы – это знаки, основанные на отношении **смежности** между означаемым и означающим в реальной действительности. Так, дым – индекс огня, жар – индекс заболевания, покраснение кожи лица – индекс чувства неловкости, стыда.

Символы – знаки, в которых связь между означаемым и означающим устанавливается произвольно, по соглашению. Символы конституируются, создаются правилами, конвенциями и не зависят от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности между означаемым и означающим. Примеры знаков-символов – сигналы светофора: трем цветам произвольно приписаны три значения. Другой пример знаков этого типа – некоторые значки полезных ископаемых на географической карте, математиче-

¹ От *лат.* perceptio – «восприятие».

² От *лат.* significare – «обозначать».

ские символы вроде буквы греческого алфавита π , обозначающей отношение диаметра к длине окружности, или значок $\sqrt{\quad}$, обозначающий операцию извлечения квадратного корня.

Знаки иконические и индексальные в совокупности иногда называют **естественными, или природными**, поскольку в них связь между означающим и означаемым представляется естественной, произвольной, мотивированной природой обеих сторон знака. Символы же называют **условными, конвенциональными** знаками.

Разделив все знаки на три класса, Пирс вместе с тем подчеркивал, что *принадлежность знака к одному из указанных классов носит не абсолютный, а относительный характер*. То есть в знаке могут одновременно присутствовать и черты иконичности, и черты индексальности, и черты условности, а отнесение его к одному из трех указанных классов зависит от того, какие черты в нем преобладают. По мнению Пирса, самые совершенные из знаков те, в которых иконические, индексальные и символические признаки смешаны по возможности в равных отношениях.

Иконические знаки в естественном языке отнюдь не редкое явление. Знаками, которые Ч. Пирс называл образами, являются так называемые **звукоизобразительные** слова. В этих словах прослеживается неслучайная, мотивированная связь между их фонемным составом и тем, что Ч. Пирс называл простыми свойствами означаемого. Произвольная связь фонем слова со звуковым (акустическим) признаком того предмета/явления, которое это слово обозначает, называется **звукоподражанием (ономатопеей)**. Звукоподражание можно рассматривать как имитацию звучаний окружающего нас мира. Примеры звукоподражательных слов: (тук-тук, бз-з-з, *англ. quack-quack* и т. п. Если фонемами слова «изображается» незвуковой (неакустический) признак означаемого, то такое явление называется **звуковым, или фонетическим символизмом**, или короче – **звукосимволизмом**. Звукосимволические слова «изображают» различные виды движения (ср., например, *англ. totter* – «идти неверной походкой; трястись, шататься», *кхмер. [totret-totrout]* – «ходить, пошатываясь»), форму (ср., например, *лат. bulla* – «водяной пузырь» и *индонезийск. bulat* – «круглый»), световые явления, свойства поверхности объектов, физиологическое и эмоциональное состояние человека и ряд других признаков, произвольная связь которых со звучанием основана на психофизиологических механизмах **синестезии** (связи между впечатлениями, поступающими от разных органов чувств) и **кинемики** (произвольных движениях мышц, сопровождающих ощущения и эмоции).

Иконическая мотивированность – это соответствие отношений между частями языковой структуры и частями концептуальной структуры, отражающей действительность. Проявления иконической мотивированности многообразны. Так, противопоставление простых знаков сложным знакам того же уровня языка может рассматриваться как отражение простоты/сложности соответствующих им в данном языке понятий. Если, например, в русском языке понятие 'пар' выражается простым словом «пар», а понятие 'паровоз' – сложным словом «паровоз», то согласно гипотезе об иконичности языка это означает, что для носителей русского языка первое понятие в некотором смысле является более элементарным, чем второе, исходным по отношению к нему. Типологическое исследование естественно-языковых классификаций растений (этноботаника) и животных (этнозоология), проведенное Б. Берлином, показало, что обычно в них четко выделяется три уровня, которые он назвал уровнем «форм живого» (life-form), родовым уровнем и видовым уровнем. При этом во всех языках элементы родового уровня (например, *дуб, сосна, кедр и клен*) обозначаются простыми словами (сравним, в английском языке *oak, pine, cedar, maple*), а элементы видового уровня – словосочетаниями, состоящими из имени родового уровня и определения к нему (для сравнения, в английском языке *tan oak, blue oak, sugar pine, incense cedar, red cedar, bigleaf maple, vine maple*).

Совершенно независимо психолог Э. Рош показала, что в сознании человека существуют понятия, образующие «базовый уровень» категоризации объектов действительности, соответствующий родовому уровню Б. Берлина, и что понятия более низкого уровня (видового по Берлину) устроены сложнее.

Таким образом, оказывается, что структура означающего *иконически мотивирована структурой означаемого*: простому, базовому понятию соответствует простое (однословное) выражение, а более сложному, производному понятию – более сложное (неоднословное). Если окажется, что некоторые понятия выражаются простыми знаками во всех языках мира, то можно предположить, что именно эти понятия суть элементарные конструкторы человеческого сознания, образующие «язык мысли». Попытка выявить такие понятия (семантические примитивы) в рамках одного языка, а затем обосновать адекватность проведенного анализа данными типологических исследований, предпринята А. Вежбицкой и ее последователями (см. Goddard, Wierzbicka 1994), а также в отечественной психологии в рамках психосемантики (Петренко [4]).

Одним из первых исследование связи фонетики и семантики речи было предпринято А. П. Журавлевым [2; 3]. Каждая фонема (всего их было выделено 46) оценивалась испытуемыми (носителями русского языка) по шкалам семантического дифференциала Ч. Осгуда: *хороший – плохой, большой – маленький, нежный – грубый, женственный – мужественный, светлый – темный, активный – пассивный, простой – сложный, сильный – слабый, горячий – холодный, быстрый – медленный, красивый – отталкивающий, гладкий – шероховатый, легкий – тяжелый, веселый – грустный, безопасный – страшный*. Конечно, фонематическая система языка значительно сложнее, чем те основания, которые учитывал автор, однако, даже упрощенный подход дал довольно интересные результаты. Учитывая только частотность звука в языке и слове, место звука и его ударность, он предлагает следующую формулу для расчета фонетической значимости слова F :

$$F = \frac{\sum_i f_i k_i l_i \frac{P_{\max i}}{P_i}}{\sum_i k_i l_i}, \quad (1)$$

где

$P_{\max i}$ – максимальная частотность звука в данном слове,

P_i – частотность звука в слове,

f_i – значение семантического дифференциала фонемы по i -той шкале,

$$k_i = \begin{cases} 4, & \text{если } i - \text{я фонема первая в слове} \\ 1, & \text{если } i - \text{я фонема не первая в слове} \end{cases}$$

$$l_i = \begin{cases} 2, & \text{если } i - \text{я фонема ударная} \\ 1, & \text{если } i - \text{я фонема безударная} . \end{cases}$$

На данном этапе исследования мы планировали сравнить качество психофонетических интерпретаций при использовании f_i , измеренных с помощью методики семантического дифференциала Ч. Осгуда, и семантических координат.

На наш взгляд, пятибалльная шкала оценок, используемая А.П. Журавлевым, является достаточно грубой для количественного измерения смысловых коннотаций. Кроме того, ограниченность измерительных шкал предельными значениями приводит к тому, что пространство свойств становится неевклидовым (Супрун, Янова, Носов [7]). При увеличении интенсивности (выраженности) изме-

ряемого свойства, начинают сказываться нелинейные искажения масштаба шкал, связанные с релятивистскими эффектами, поскольку сложение свойств в этом пространстве реализуется следующей формулой:

$$V_j = \frac{V_{j_1} + V_{j_2}}{1 + \frac{V_{j_1} \cdot V_{j_2}}{C_j^2}}, \quad (2)$$

где

V_j – интенсивность j -того свойства,

C_j – предел шкалы j -того свойства.

Методика измерения

Для того, чтобы получить максимальный эффект от метода, измерения должны проводиться по *непрерывным* шкалам и учитывать *нелинейный* характер изменения выраженности свойств объектов при приближении к пределам. Обязательными условиями использования методики являются следующие:

1. все респонденты должны иметь представление о предлагаемых объектах исследования и хорошо понимать значения используемых для их описания дескрипторов;

2. набор дескрипторов (шкал) должен *полноценно* описывать исследуемый класс объектов *в отношении некоторой потребности*. Все свойства должны быть применимы ко всем представленным объектам, адекватно описывать и отличать данный класс от других.

Процесс тестирования респондента, включает в себя следующие *последовательные* этапы.

1. Предоставляется общий список объектов исследования (фонем), который испытуемый должен разделить на две группы, в соответствии с полюсами (положительным и отрицательным) шкалы *некоторого качества*. В один список попадут объекты, имеющие с точки зрения респондента положительную оценку по некоторому качеству, а во второй – отрицательные оценки по этому качеству. Предварительное разделение объектов на группы значительно облегчает последующий процесс их ранжирования.

2. Проводится ранжирование объектов внутри каждого из двух полученных списков по степени выраженности данного качества (V). В зависимости от группы ранжирование производится по принципу: от объекта, имеющего минимальную положительную оценку до объекта, имеющего максимальную положительную оценку или от объ-

екта, имеющего минимальную отрицательную оценку до объекта, имеющего максимально отрицательную оценку.

3. Проводится уточнение ранговых отношений, на основании чего вычисляются *количественные* оценки выраженности качеств и формирование непрерывной шкалы. Это реализуется с помощью методики, которую мы условно назвали *«шкала-лестница»*.

Первые два этапа не требуют дополнительных разъяснений. Последний этап мы рассмотрим подробно. Третий этап может начинаться с любого из списков объектов, полученных на втором этапе, например, «положительного» (см. выше). При компьютерной реализации алгоритма на экран монитора последовательно выводятся названия объектов. Объекты представляются «тройками» в соответствии с порядком их следования внутри соответствующего списка предварительного ранжирования и в момент предъявления визуально равноудалены друг от друга. Это позволяет респонденту работать только с тремя объектами в текущий момент, а не со всем списком сразу.

В нашем исследовании для оценки основных 46 фонем мы использовали следующие шкалы: *нежный – грубый, легкий – тяжелый, женственный – мужественный, светлый – темный, пассивный – агрессивный, безопасный – страшный, некрасивый – красивый, холодный – теплый, детский – взрослый, несексуальный – сексуальный, дешевый – дорогой, заурядный – величественный, чуждый – родной, чистый – грязный, больной – здоровый, добрый – злой, грустный – веселый, гибкий – жесткий, легкомысленный – серьезный, спокойный – тревожный, трусливый – храбрый, зависимый – свободный, скучный – интересный, стабильный – изменчивый, скромный – вычурный, небесный – земной, аристократичный – демократичный, послушный – капризный, строгий – вольный, располагающий – отталкивающий*.

Фонетические изменения и жизнь слова

В компаративистике известно, что с кризисными ситуациями в обществе часто связаны фонетические изменения в языке. По всей видимости, это может приводить к тому, что новое звучание слов приводит к несоответствию семантики лексического и психофонетического значения. В качестве примера сравним психофонетические значения слова *юноша* и его прежней формы (старославянской) – *унош*. На рис. 1 представлены результаты расчета. Видно, что по целому ряду шкал слово «юноша» приобрело «женское» звучание – стало более «нежным», «легким», «красивым», «легкомысленным», «вычурным» и «капризным». Более того, оно приобрело женский вариант окончания и практически перестало употребляться в обиходе.

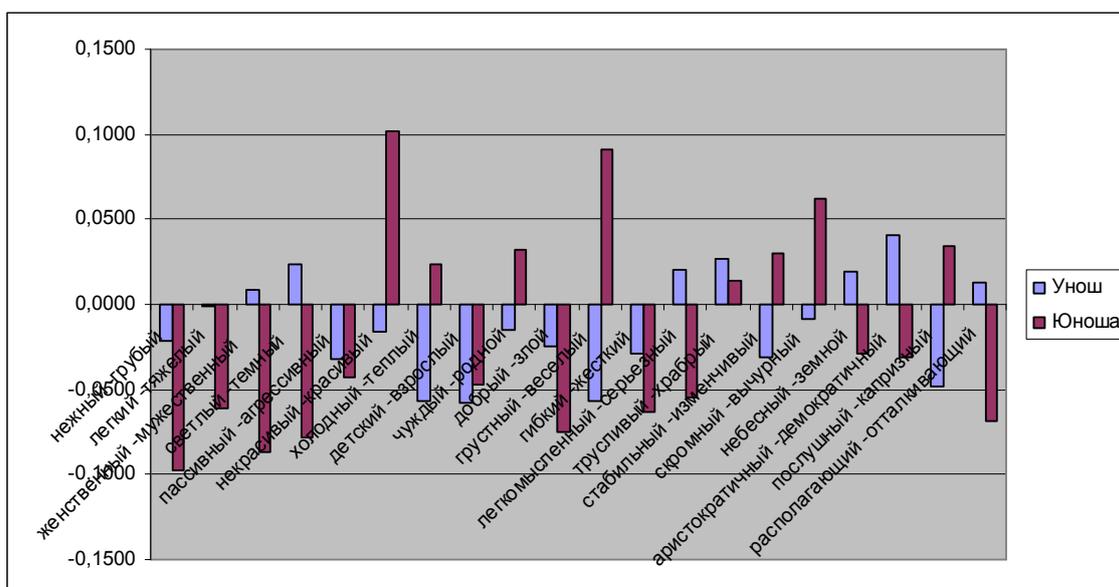

Рис. 1. Психофонетические значения звучания слов «унош» и «юноша»

На рис. 2 представлены результаты психофонетических изменений между этими словами, рассчитанных по общим шкалам в нашей методике и методике Журавлева. Основное различие касается динамического диапазона и чувствительности методик к фонетическим изменениям.

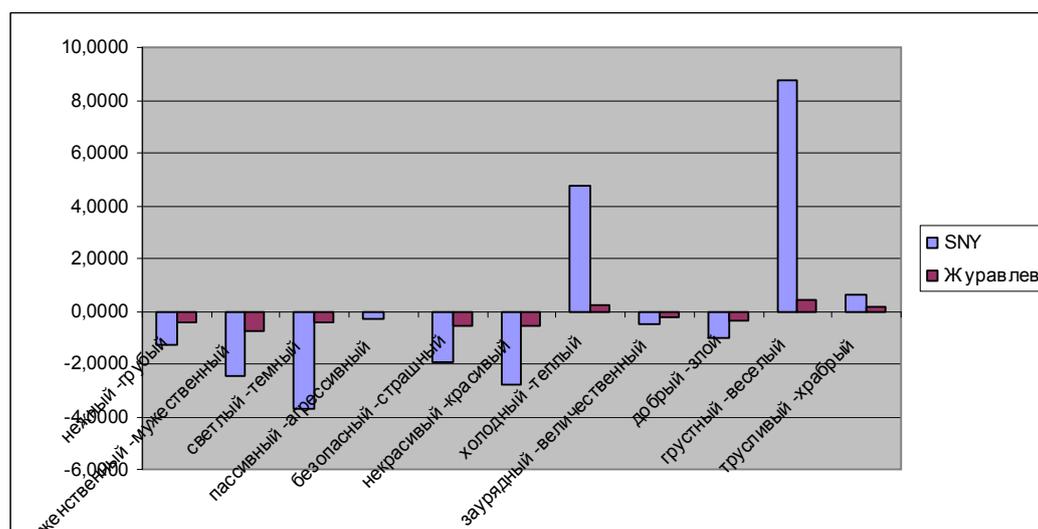

Рис. 2. Результаты психофонетических изменений между словами «унош» и «юноша», рассчитанных по релятивистским шкалам и в методике А.П. Журавлева.

Нейтральная и стилистически окрашенная лексика. В каждом выработанном литературном языке словарный состав распределяется стилистически. Есть слова нейтральные, т. е. которые можно употреблять в любом жанре и стиле речи (в устной и письменной речи, в ораторском выступлении и в телефонном разговоре, в газетной статье и в стихах, в художественном и в научном тексте и т. п.). Это прежде всего слова основного словарного фонда в пря-

мых значениях: *лоб, глаз, земля, гора, река, дом, стол, собака, лошадь, родина, есть, работать, спать*. По сравнению с такими нейтральными, стилистически не окрашенными словами иные слова могут быть или «высокого стиля» (*чело, очи, чрево, отчизна, конь, вкушать, почивать*), или «низкого» (*одежда, буркалы, котелок, брюхо, жрать, вздрючка, барахло, шандарахнуть, намедни*).

Таким образом, ломоносовская «теория трех стилей» оказывается не только исторически оправданной применительно к русскому литературному языку XVIII в., но и включает в себе очень важное теоретическое зерно: стили речи соотносительны, и любой стиль прежде всего соотнесен с нейтральным, нулевым; прочие стили расходятся от этого нейтрального в противоположные стороны: одни с «коэффициентом» плюс как «высокие», другие – с «коэффициентом» минус как «низкие» (ср. нейтральное *есть*, высокое *вкушать* и низкое *жрать* и т. п.).

В пределах того или другого стиля (кроме нейтрального!) могут быть свои подразделения: в «высоком» – поэтический, риторический, патетический, «академический», специально-технический и т. п.; в «низком» – разговорный, фамильярный, вульгарный и т. п.

Для каждого языка бывают разные источники комплектования словаря «высоких» и «низких» стилей.

В русском литературном языке источниками «высокого» стиля могут быть прежде всего славянизмы или им подобные слова (не *лоб*, а *чело*, не *губы*, а *уста*, не *умер*, а *почил*, не *родина*, а *отчизна*, не *сторож*, а *страж*, не *ворота*, а *врата*, не *город*, а *град*, не *соски*, а *сосцы*, не *страдаю*, а *стражду* и т. п.); кроме того, в иных жанрах эту роль могут выполнять греко-латинские и иные международные слова (не *мир*, а *космос*, не *захватчик*, а *оккупант*, не *ввоз* и *вывоз*, а *импорт* и *экспорт*, не *преступный*, а *криминальный*, не *нарыв*, а *абсцесс*, не *составная часть*, а *ингредиент* и т. п.).

Значимость таких слов, как 1) *есть*, 2) *лицо*, 3) *кричать* определяется их соотношениями:

1) для *есть*: *вкушать, кушать, жрать, лопать, трескать, шамать*;

2) для *лицо*: *лик, физиономия, морда, харя, мурло, рыло, рожа, образина, ряшка*;

3) для *кричать*: *гласить, вопить, орать, реветь*. Значимость слова определяется так же, как и значимость других единиц языка (фонем, морфем...), – по соотнесенности в одном ряду.

Ряд для определения значимости слова называется лексическое поле. Лексическое поле – это не область однородных предметов действительности и не область однородных понятий, а сектор лексики, объединенный отношениями параллелизма (синонимы), контраста (антонимы) и сопутствования (метонимические и синекdochические связи слов), а главное, различного рода противопоставлениями. Только в пределах лексического поля слово может получить свою значимость, так же как и фонема – в своем. Ни в коем случае не следует смешивать понятие контекста и поля. Контекст – это область употребления слова, речи, а поле – сфера его существования в системе языка.

Проведем сопоставление психофонетических значений по релевантным шкалам следующих слов: *лик*, *лицо*, *физиономия*, *морда*, *рыло*, *рожа*. В этом ряду экспрессивный момент изменяется от максимально положительного в начале ряда, до резко отрицательного в конце. Отметим, что слово *морда* обычно относится к большинству животных (собакам, лошадям и др.), а *рыло* к свиньям.

Результаты обработки по семантическим координатам и семантическому дифференциалу показаны на рис. 3 и 4. Сравнение графиков показывает удовлетворительное качественное соответствие: смена знака отношения в районе 3-го слова (*физиономия*) и количественное и количественный рост интенсивности свойств от первого к последнему слову.

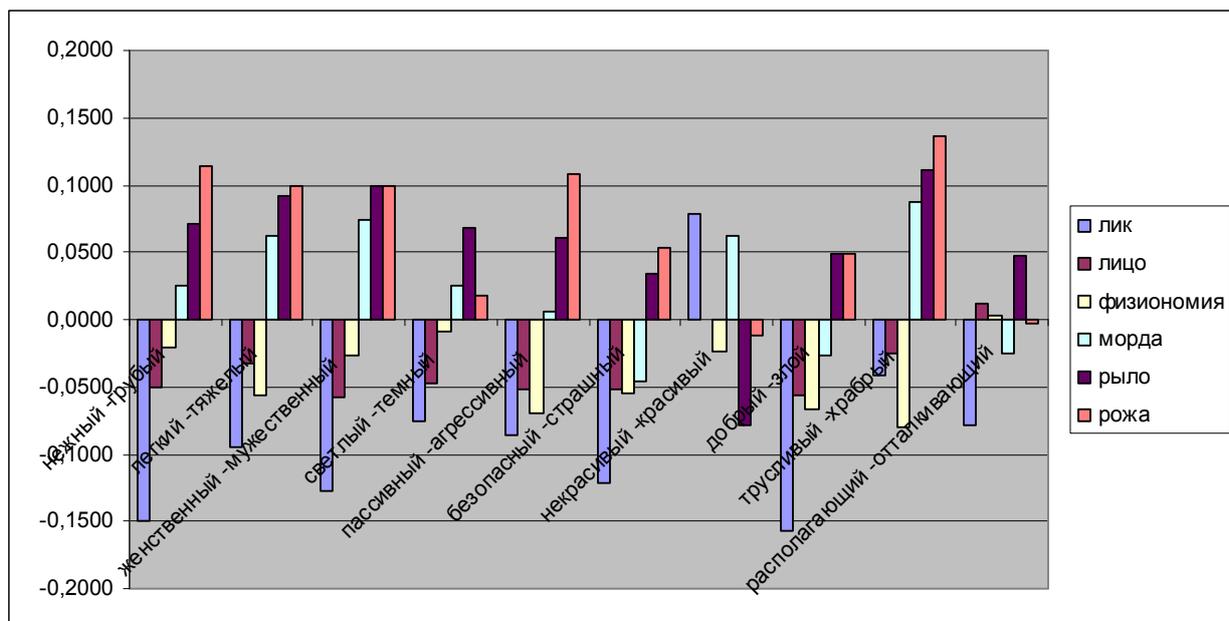

Рис. 3. Психофонетический анализ лексики. Релятивистские шкалы

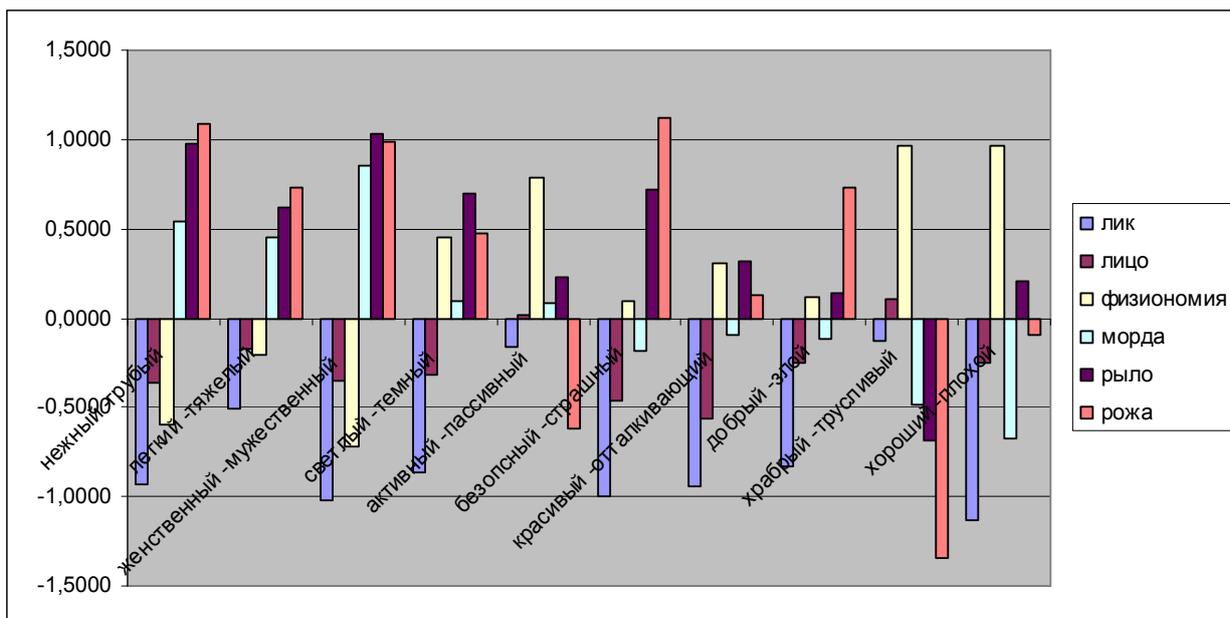

Рис. 4. Психофонетический анализ лексики (по А.П. Журавлеву)

Следует отметить, что согласованность динамики изменения интенсивностей в первом варианте значительно лучше: между семантическими координатами обнаруживается 25 достоверных парных корреляций, а между семантическими дифференциалами всего 12.

Анализ дискурса

Наибольший интерес методика представляет в исследовании не отдельных слов, а целого текста. В качестве примера мы выбрали стихотворение А.С. Пушкина к А. Керн: «Я помню чудное мгновение», поскольку в нем хорошо представлена эмоциональная динамика переживаний автора. Для того чтобы учесть авторскую работу над звучанием строф и привести численные значения оценок к сравнимому с другими методиками виду, мы нормировали значение каждой шкалы в строфе на дисперсию.

На рис. 5 показана динамика изменения по следующим шкалам: *нежный – грубый, легкий – тяжелый, женственный – мужественный, светлый – темный, детский – взрослый, чистый – грязный, добрый – злой, гибкий – жесткий, небесный – земной, притягивающий – отталкивающий*. На графиках видно, что смысловые лексические и психофонетические значения хорошо вписываются друг в друга: повышение значений к середине стихотворения и резкое падение в конце. Удивительно, что, несмотря на присутствие одних и тех же слов в четвертой и шестой строфе: *божество, вдохновенье, жизнь, слезы, любовь*, за счет того, что Пушкин как бы вы-

черкивает их, каждое в отдельности, с помощью частицы «без», их психофонетические значения резко различаются. По эмоциональной насыщенности четвертая строфа самая «пустая», а шестая – самая «богатая» (см. табл.).

№	СТРОФЫ	Характеристика по максимальным психофонетическим значениям
1	Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолётное виденье, Как гений чистой красоты	Нежный Пассивный Безопасный Родной Чистый Добрый Гибкий
2	В томленьях грусти безнадежной, В тревогах шумной суеты, Звучал мне долго голос нежный, И снились милые черты	Грубый Тяжелый Мужественный Взрослый
3	Шли годы. Бурь порыв мятежный Рассеял прежние мечты. И я забыл твой голос нежный, Твои небесные черты	Грубый Тяжелый Мужественный Взрослый
4	В глуши, во мраке заточенья Тянулись тихо дни мои Без божества, без вдохновенья, Без слез, без жизни, без любви	Тяжелый Безопасный
5	Душе настало пробужденье: И вот опять явилась ты, Как мимолётное виденье, Как гений чистой красоты	Неагрессивный Безопасный Родной Чистый Добрый
6	И сердце бьётся в упоенье, И для него воскресли вновь И божество и вдохновенье, И жизнь, и слёзы, и любовь	Нежный Легкий Женственный Светлый Неагрессивный Безопасный Красивый Родной

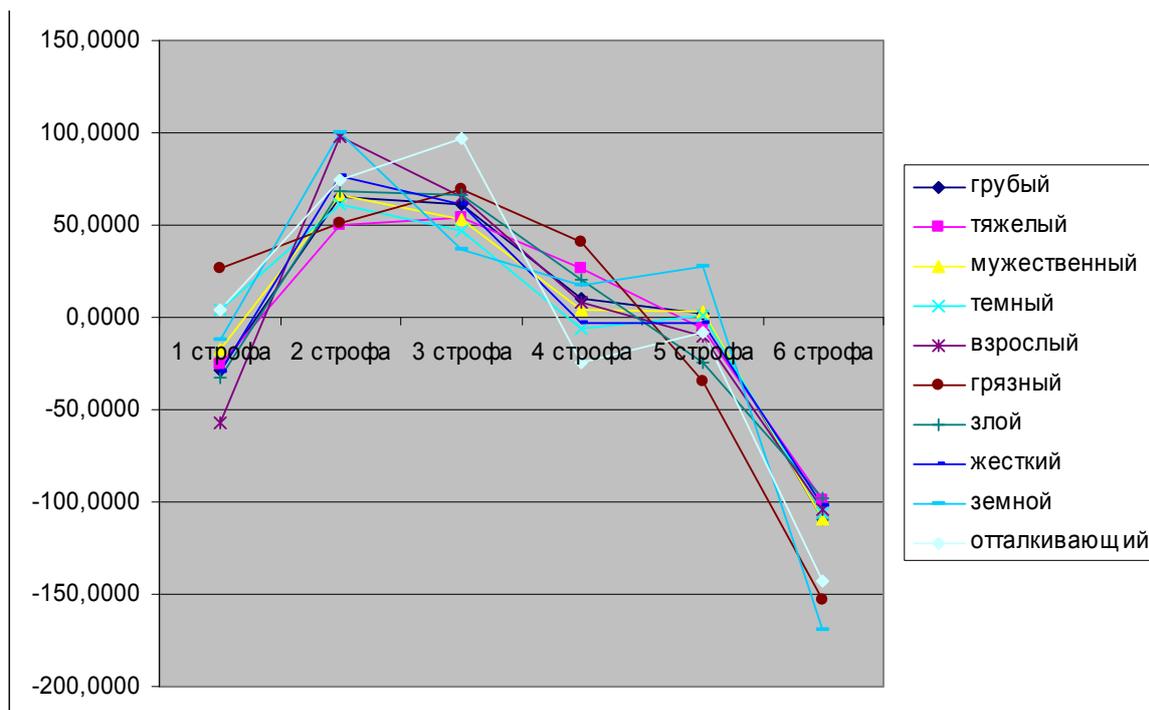

Рис. 5. Динамика изменения психофонетических значений строф стихотворения по релятивистским шкалам

Для сравнения приведем нормированные данные психофонетических значений по А.П. Журавлеву (рис. 6). Видно, что между первой, второй и третьей строфами существенных различий по этой методике не обнаруживается. На фоне непрерывного слабого падения значений от первой к шестой строфе контрастно выделяется в «положительную» область только последняя строфа.

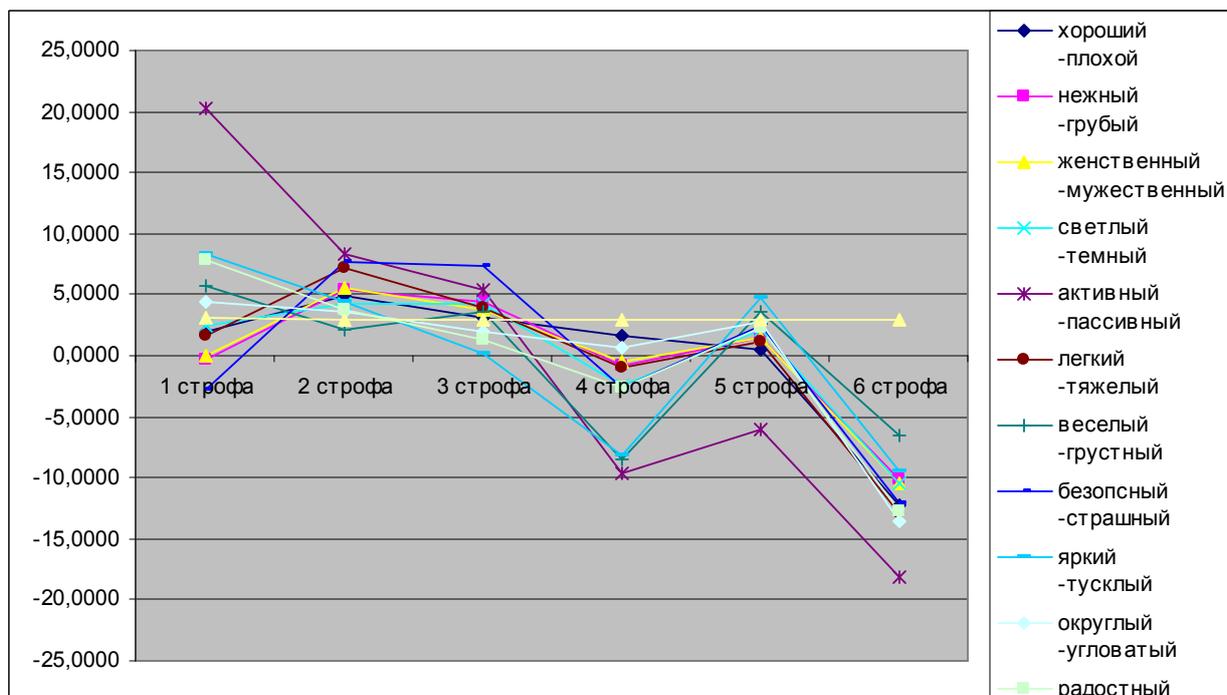

Рис. 6. Динамика изменения нормированных психофонетических значений строф стихотворения по А.П. Журавлеву

Таким образом, методика психофонетического анализа текста А.П. Журавлева действительно подтверждается. Однако возможности более точного анализа дискурса всё еще не исчерпаны. Очевидна неполнота расчетных формул и коэффициентов, предложенных Журавлевым. При расчете психофонетических характеристик текста следует обратить внимание на все интонационные акценты как внутри слова, так всего предложения.

Список литературы

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 244 с.
2. Журавлев А.П. Звук и смысл. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
3. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 150 с.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М., МГУ, 1997.
5. Петренко В.Ф. Психосемантические аспекты картины мира субъекта // Журн. высш. шк. экономики. – Т. 2. – № 2. – 2005. – С. 3–23.
6. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. – СПб., 2000.
7. Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Метапсихология. Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности. – М.: URSS, 2007.

УДК 159.9:378

В. Н. Панферов

Психологическая компетенция современного учителя

В статье рассматривается психологическая компетенция учителей в контексте современной трансформации образовательной деятельности. Раскрывается специфика этой компетенции в структуре профессионального труда учителя. Представлено новое понимание качественной структуры «знания», которая обуславливает требования к современной подготовке учителя вообще и психологической компетенции в частности. В результате создается современный образ профессиональной деятельности учителя по ее функциональному предназначению.

The article discusses psychological competence of the teachers in a context of modern educational activity's transformation. Specific of this competence in the structure of teacher's work is analyzing. New understanding of «knowledge's» qualitative structure, which defines requirements to teacher's abilities (include the psychological competence) is presented. As the result, a new image of teacher's work (in functional destination) has been creating.

Ключевые слова: психологическая компетенция, учитель; профессиональная деятельность.

Key words: psychological competence, teacher, professional activity.

Проблемы психологической компетенции учителя рассматриваются в связи с его педагогической и предметной подготовкой через анализ целей и содержания деятельности в современной динамике информационно-технологического уровня образования, а также с качественной структурой знаний.

Цель этой статьи в том, чтобы определить ближайшие и отдаленные перспективы профессиональной подготовки учителей через проблему психологической компетентности учителя, востребованного в современном обществе. Дело в том, что в психологической науке о труде и профессиональной деятельности за 100 лет своего существования накоплен значительный методологический опыт анализа профессиональной деятельности, который до сих пор не используется для решения вопросов профессионализации учительского труда и образовательной деятельности.

Исторически педагогическая практика сложилась как любительская деятельность, которой до сих пор в основном занимаются энтузиасты с любым профессионально-предметным образованием, т. е. люди, получившие хорошее специальное образование в какой-либо предметной области (даже участь в так называемых педагогических институтах). Это связано с недоразвитием педагогической деятельности как профессионального труда. Когда спрашиваешь учителя, кто он по профессии, он отвечает, что он физик, математик, биолог, географ, историк и т. д. по своей предметной подготовке. Иногда к этим самоопределениям дополняют слово «учитель», т. е. не учитель детей, а учитель физики или другого предмета.

Этот период дилетантизма в образовании пытались неоднократно преодолеть. Например, П.П. Блонский в 1917–1919 гг. формулировал задачи и методы новой народной трудовой школы, где учителю предопределяется *роль организатора совместной и самостоятельной деятельности* учащихся по преобразованию своей жизни и себя. Знания в этой деятельности являются не самоцелью, а средством воспитания «нравственно автономной личности, творца новой, лучшей, чем наша, человеческой жизни – вот кто должен быть создан народной школой» – писал П.П. Блонский [3, с. 42]. Это означает, что учитель должен опираться, прежде всего, на *психологию* учащихся как особый творческий потенциал развития личности и «делателя» себя и своей жизни.

Затем, во второй половине XX в. предпринимаются масштабные исследования учителя как субъекта педагогической деятельности (Н.В. Кузьмина и А.И. Щербаков). Акцент в этих исследованиях делается на представлениях самих учителей об их профессионально важных качествах, среди которых выделились коммуникативные качества личности, относящиеся, к инструментальным навыкам профессионального общения, а не к самому преобразованию творческого потенциала учащихся. Нужно признать, что эти и другие исследования профессионализма учителя так и не раскрыли специфику самой педагогической деятельности.

Педагогическая наука в поисках своего специфического предмета выделила методическую подготовку учителя, тем самым указав на технологический компонент трудовой деятельности и профессиональной подготовки учителя как субъекта педагогической деятельности. Однако технологическая подготовка учителя ограничилась методикой преподнесения знаний на уроках.

Мало было уделено внимания технологиям развития телесно-психического потенциала учащихся. Возможно, это происходит из-за нечеткости понимания или неприятия в качестве главной цели общего школьного образования развитие творческого потенциала учащегося как самостоятельного преобразователя себя и своей

жизни. Возможно, это происходит из-за сложности самой проблемы формирования креативной личности или из-за неспособности учителей в массе к воспитательной деятельности. Не случайно дидактика как процесс передачи знаний затмила все другие функции деятельности учителя.

В любом случае задача системного анализа самой деятельности учителей как трудового процесса сохраняется не только в качестве актуальной, но и ключевой проблемы в том смысле, что без этого невозможно полновесно прояснить вопрос о специфике профессиональной деятельности учителя и вместе с тем решить проблему его профессиональной подготовки.

Ситуация неопределенности с функциональным и технологическим содержанием профессии учителя до сих пор сохраняется, хотя в стенах нынешнего РГПУ им. Герцена на протяжении 200 лет ведется специализированная подготовка людей к работе с детьми. Вместе с тем происходит поиск специфического педагогического содержания в профессиональной подготовке учителей, но, к сожалению, без системного анализа содержательного компонента их трудовой деятельности.

Вопрос о психологической компетенции современного учителя связан с задачами его профессиональной подготовки в целом, а также с целями непрерывного общего и профессионального образования.

Содержание любой профессиональной подготовки должно выводиться из содержания и целей конкретной профессиональной деятельности, в данном случае из социальных и производственных функций труда учителя. При этом нужно учесть и конкретно-исторический период общественного развития, в контексте которого происходит образовательная деятельность.

Конкретное наполнение психологического образования и профессиональной подготовки современного учителя будет предопределяться названными обстоятельствами.

Начнем анализ деятельности учителя с тех общественных целей, которые всегда стоят перед образовательной деятельностью. Именно в этих целях заключены социальные функции того или иного профессионального труда. Эти функции-цели имплицитно выражают запрос общества, государства и других заказчиков на результат-продукт профессионального труда. Они могут видаться по-разному в зависимости от мотивов заказчиков, конкретно-исторической ситуации, возможностей и желания финансирования и ряда других обстоятельств.

При определении целей образовательной деятельности в теоретическом анализе принято исходить из ответа на вопрос, – для

чего она возникла вообще?, абстрагируясь от частных позиций заказчиков.

Любая человеческая деятельность возникает при двух психологических предпосылках. Во-первых, при возникновении общественной потребности в ней и, во-вторых, при наличии у кого-то способностей и желания удовлетворять эту потребность общества в конкретной профессиональной деятельности. Общественные потребности должны встретиться с индивидуальными способностями в человеке-субъекте предстоящего профессионального труда.

Потребность в образовательной деятельности проистекает из задач формирования жизнеобеспечивающих способностей у подрастающего поколения и развития профессионального потенциала взрослых людей. Этот потенциал важен для человека при его взаимодействии с природой, обществом и предметным миром, потому что он обеспечивает успешную адаптацию, которая предопределяет большую или меньшую успешность человека в этом взаимодействии. Само же адаптивное поведение человека, как показали исследования С.Т. Посоховой, наиболее эффективно обеспечивается включенностью в этот процесс интеллектуального потенциала его психической организации.

Интеллектуальный потенциал – сложное психическое образование, на поверхности которого находятся демонстрируемые человеком знания, которые представляют собой общечеловеческий опыт в индивидуальной форме проявления. Знания как общечеловеческий опыт хранятся на специальных носителях, образуя информационное пространство общего пользования. Они материализованы в знаковых системах и посредством многочисленных языков передаются из поколения к поколению.

Вместе с социально организованным процессом передачи знаний новому поколению возникла образовательная деятельность и учителя как субъекта этой специализированной деятельности. Первоначально учителем мог быть тот, кто больше всех знает. Современный учитель как представитель массовой профессии уже не в состоянии отвечать этому требованию. Поэтому существует мнение об исчезновении этой благородной профессии. На смену учителю по части передачи знаний (информационной функции его профессии) пришла компьютерная технология. Что же остается на долю профессиональной деятельности учителя?!

Ответ на этот вопрос нужно искать в психологической структуре интеллекта как наиболее совершенного средства адаптивного поведения человека. Оказывается, такой интеллект предполагает не только наличие знаний (информационный слой образованности человека), но и способности применить эти знания для решения про-

блемных ситуаций жизнеобеспечивающего взаимодействия. Кто должен научить этому подрастающие поколения?!

Конечно учитель, но подготовленный для выполнения этих новых, эвристических, функций педагогической деятельности. Обучение «эвристике» можно считать новой задачей педагогической деятельности современного учителя, связанной, прежде всего, с развитием интеллектуального потенциала учащихся.

За учителем любого конкретно-исторического периода всегда останется и функция нравственного воспитания. Именно она и требует способности учителя к доверительному общению, в структуре которых на инструментальном уровне были отмечены коммуникативные качества личности.

Мы видим, что прежде доминирующая функция учителя как носителя и передатчика знаний из поколения в поколение переходит к техническим носителям и средствам информационной связи. Поэтому акценты в функциональном содержании учительского труда и его профессиональной подготовке должны быть перемещены на те цели и задачи образовательной деятельности, которые не могут быть достигнуты и решены без учителя как неизбежного «человеческого фактора» формирования и развития адаптивного потенциала личности.

Для общего образования такие цели и задачи связаны с развитием телесно-психического потенциала человека как субъекта взаимодействия с миром вещей, людей, с природными и виртуальными объектами информационного пространства, с самим собой. Это «старые – новые» цели и задачи педагогической деятельности выдвигаются на передний план образовательной политики изменившимися конкретно-историческими условиями жизни людей на современном этапе общественного и научно-технического развития. Роли «скульптора способностей» и «нравственного демиурга» учителя, а также конкретное психологическое содержание его профессионального обучения должны быть уточнены и в организационной практике учебно-воспитательной работы учителей, и в их специальной подготовке.

Эти изменения можно рассмотреть через понятие «профессиональная компетенция учителя». Под ней принято понимать различные аспекты знаний, умений, навыков, профессионально важных качеств личности как субъекта педагогической деятельности. Все они в этом понятии объединяются вокруг основных функций профессиональной деятельности. Конкретные функции деятельности человека принято определять в понятиях о его ролях, которым он должен отвечать по подготовке своего индивидуального телесно-

психического потенциала к конкретной профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность учителя складывается из трех основных функций-ролей: педагога, психолога, предметника. При этом на передний план деятельности современного учителя продвигается роль педагога не как переносчика знаний от поколения к поколению, а роль мастера по использованию их (знаний) для решения проблем взаимодействия с миром вещей и людей. Но и эта роль связана всего лишь с технологическим мастерством применения знаний на практике. Кроме того, с учителями никто не снимал функций воспитателя и психолога по развитию творческого потенциала учащихся. Для успешного исполнения этих ролей учителю необходима качественно повышенная психологическая квалификация, которой явно не хватает, по мнению самих учителей и студентов педагогических вузов.

Ранее доминирующая роль предметника отступает на третий план под натиском информационно-технической революции. Доступность любой информации ставит учеников в равное положение с учителем и даже создает им некоторые преимущества за счет лучшего владения техническими средствами информационной коммуникации. Учитель сохраняет свои преимущества на информационном поле только за счет способности к системному и межпредметному пониманию частного знания.

Эти обстоятельства и ряд других более частных, вытекающих из обозначенной тенденции, должны быть срочно учтены в «реформации» и «модернизации», а правильнее, в содержательно-исторической трансформации профессиональной деятельности учителя и его трех основных видах компетенции. Попробуем определить основной смысл этих компетенций.

Психологическая компетентность предполагает знание психической организации человека, психологических законов развития и формирования способностей человека и его телесно-психического потенциала, психологических закономерностей взаимодействия с людьми, психологических средств и способов воздействия людей друг на друга, психологического содержания и факторов совместной жизнедеятельности людей, психологической образованности и культуры общения. Все это должно войти в содержание профессиональной подготовки учителя и по возможности быть представлено в общеобразовательной программе школы и вузов. Подробнее к этому вопросу мы еще вернемся.

Психологический предмет включает в себе содержание личности учащегося, преобразование которой является главной задачей профессионального труда учителя. Именно та или иная личность учащегося характеризует продуктивный результат труда учителя.

Именно личность учащегося как субъект адекватного и успешного взаимодействия (поведения и деятельности) является целью, «продуктом» и ожидаемым обществом результатом профессиональной деятельности учителя.

Профессиональная психологическая компетентность в расширенном виде предполагает умения и навыки оказания психологической помощи, поддержки и сопровождения людей, испытывающих затруднения в отношениях с другими людьми и в самореализации своей личности. Эта компетенция относится к профессиональной деятельности психологов за пределами функций учителя. Тем не менее овладение некоторыми элементами такой компетенции учителю не помешали бы.

Профессиональная педагогическая компетентность работников образования предполагает не только методические знания, касающиеся средств, способов и технологий организации и осуществления учебно-воспитательного процесса, но развитие, формирование потенциала общих и специальных способностей учащихся и их нравственного потенциала через организацию познавательной деятельности и общения.

Урок в этом случае превращается из формы трансляции знаний в форму их поиска и применения для решения какой-либо из проблем жизнеобеспечивающего взаимодействия человека с миром вещей и людей. Например, урок может быть посвящен применению измерительных и вычислительных действий для решения проблемы размещения мебели в пространстве того или иного помещения. Решение такой задачи приведет к актуализации и развитию пространственных и математических представлений. Учащиеся сами должны найти необходимые для этого знания и способы под руководством учителя, на долю которого выпадает функция организации совместной деятельности учащихся.

Это означает, что программы обучения постепенно должны быть перестроены под новую информационно-технологическую ситуацию жизни современного общества с акцентом на задачи не столько запоминания знаний, сколько на задачи их практического применения и развития эвристических, инновационных, концептуальных функций интеллекта.

Вопрос перестройки структуры знаний в образовательных программах представляет собой комплекс проблем научно-исследовательского и социально-управленческого характера. Их нельзя решить сразу, но приступать к их решению необходимо уже сейчас, иначе информационная технократизация уничтожит «учителя» и «школу» как необходимых обществу *демиургов социальной наследственности* общечеловеческого опыта жизнеобеспечиваю-

щей адаптации и эволюционного развития *разумных и нравственных* людей.

Профессиональная предметная компетентность предполагает конкретные знания об объектах взаимодействия человека, которые находятся в его жизненном пространстве. Эти знания могут быть обобщены по основным свойствам природы (физическим, химическим, метрическим, биологическим, психическим, социальным). В то же время они могут быть интегрированы для целостного описания реальных объектов (предметов, веществ, людей, животных, растений, техники), с которыми человек взаимодействует на практике.

Профессиональная предметная компетентность педагогических работников в пределах общего (школьного) образования служит средством развития потенциала способностей учащихся, а не целью, которой она становится при профессиональном образовании. Требования к предметной подготовке учителей общего образования должны быть другими, по сравнению с требованиями к предметной подготовке в профессиональной школе. У учителей на переднем плане их профессиональной квалификации должна быть педагогическая компетентность.

Эти три вида компетенции всегда составляли и составляют профессиональную квалификацию педагогических работников общего и профессионального образования с перевесом педагогической компетенции в общем (школьном) образовании и предметной компетенции в профессиональном образовании.

Психологическая компетенция в профессионализации педагогических кадров повышает их квалификацию по части более правильного использования средств и способов взаимодействия с учащимися при реализации целей развития потенциала их общих и специальных способностей.

Соотношение этих трех видов компетенций будет изменяться в зависимости от содержания и назначения конкретной педагогической деятельности в детском саду, начальной школе, средней школе, профильной школе, профессиональной средней или высшей школе. Этот частный вопрос заслуживает специального изучения.

От правильного понимания соотношения этих видов компетенции у современного учителя будет зависеть его востребованная обществом профессиональная квалификация. Это вопрос качества образования, который, в свою очередь, связан с пониманием качественной природы самих знаний и функций человеческого интеллекта, оперирующего этими знаниями.

Связь знаний и интеллекта раскрывается в процессах применения (использования) знаний на практике. Качество знаний обнаруживается в особенностях интеллектуальной деятельности и ее функциональной специфике. В связи с этим возникает вопрос о

профессионально важных особенностях интеллекта современного учителя. При этом нужно помнить, что востребованность тех или иных функций интеллекта учителя предопределяется целями и задачами образовательной деятельности.

Знания и интеллект разные, но близкие друг другу явления. В то же время компетенция человека и специалиста, в данном случае учителя, раскрывается через знания и их интеллектуальные формы (информационные, технологические, эвристические, инновационные, концептуальные). Поэтому структуру психологической, педагогической и предметной компетенции учителей следовало бы анализировать по этим формам проявления профессионально важных знаний. Но прежде нужно раскрыть качественное своеобразие этих сторон интеллектуальной деятельности.

Информационный уровень проявления знаний предполагает простую осведомленность человека о каких-либо объектах, явлениях и событиях окружающего нас мира вещей и людей. Это могут быть неупорядоченные или систематизированные сведения о свойствах и закономерных связях между свойствами и объектами изучения. Этот уровень знаний представлен в учебных предметах, которые преподает учитель. Чаще всего школьные предметы в облегченном виде воспроизводят какую-либо науку. Для этого уровня усвоения знаний востребован репродуктивный интеллект. Он в этом случае и развивается.

Память является основным психическим механизмом, обеспечивающим информационный уровень знаний. Качество знаний на информационном уровне определяется объемом сведений, который зависит от процессов их запоминания, сохранения и воспроизведения.

В учебном процессе содержание и объемы информационной образованности предопределяются программами, информационно-техническим оснащением, эрудированностью преподавателей, памятью учащихся и их заинтересованностью в содержании учебной дисциплины. На этом уровне образования уместна задача организации равного по материальным условиям информационного обеспечения учебных заведений с целью создания общего информационного пространства. В этом случае тестовая форма проверки знаний будет адекватной для определения способности учащихся припоминать некоторый объем информации.

Если цель современной политики в образовании исчерпывается информационным уровнем знаний, тогда нужно обеспечить равные материально-технические и информационные условия для всех школ нашей страны. И это должно быть сделано до введения тестовых форм проверки знаний.

Информационная основа знаний необходима и обязательна для дальнейшего прорастания более серьезных и качественных знаний, связанных с пониманием сути вещей и способностью оперировать информацией при решении многочисленных проблем жизнеобеспечивающего взаимодействия человека с миром вещей и людей.

Но тут же возникают вопросы, касающиеся объема и содержания информационных полей общего и специального образования, а также пропускной способности учащихся разного возраста при восприятии и ассимиляции учебной информации в течение часа, дня, недели, месяца, года и установленных лет обучения в начальной, средней, профильной и профессиональной школе. Необходимо также установить минимум объема информации, который обязателен для успешного овладения практическими отношениями в той или иной сфере жизнедеятельности людей.

Развитие информационного базиса в образовании следует рассматривать всего лишь как одну из задач в обеспечении качества знаний. Дело в том, что знания без умения использовать информацию при решении сложных проблем практики человека остаются «мертвым» капиталом. Поэтому в пределах общего образования необходимо представить знания еще и как средство решения жизненных проблем человека.

Этот уровень профессиональной компетенции современного учителя мы рассмотрим применительно только к его *психологической компетентности*. В данном случае мы задаемся вопросом о необходимом минимуме психологических знаний учителя, которые должны обеспечить ему способность ориентироваться в особенностях психической организации учащихся и в психологических закономерностях его поведения и учебной деятельности.

Для этого в профессионально-образовательном стандарте учителей психологическая составляющая на информационном уровне должна включать следующие дисциплины: «Психологию человека», «Социальную психологию», «Психологию психического развития человека», «Педагогическую психологию».

Интегративная учебная дисциплина под названием «Психология человека» предназначена для объяснения психической организации человека и форм проявления психики и психологии человека. Она представляет собой синтез отраслевых знаний психологической науки вокруг проблем психической деятельности человека и форм ее осуществления.

Три другие дисциплины в пояснениях не нуждаются, так как сохраняют исторически сложившуюся логику изложения соответствующих разделов психологической науки.

Технологический уровень проявления знаний предполагает развитие способностей оперировать внутренней логикой знания в

зависимости от его содержания для объяснения того или иного положения вещей. Это и есть задача развития интеллекта как способности самостоятельно находить решения возникших проблем. Неопределенность ответа в таких ситуациях не позволяет проверить качество знаний посредством тестовой процедуры. Здесь имеет значение способ решения проблемы, который индивидуализируется творческим потенциалом интеллекта. Эффективность способа решения проблемы могут оценить только эксперты (специалисты в данной области). И здесь важен не столько результат, сколько путь к нему. Здесь качество знаний определяется не по угаданному ответу, а по логике поиска решения. Поэтому опытные учителя не ограничиваются правильным или неправильным ответом, а просят ученика объяснить, как он пришел к нему.

Для оценки такого качества знаний могут приглашаться специалисты из профессиональной сферы деятельности, где и происходит практическое потребление знаний. Такой контроль качества знаний может сопровождаться профессиональным отбором, если то или иное предприятие хочет иметь потенциально лучших работников. В опыте нашей страны был период, когда вузы пошли в школы, чтобы рекрутировать для себя лучших учеников по профилю своего профессионального образования. К сожалению, мы не имеем аналитических данных, подтверждающих или опровергающих эффективность этого опыта.

Итак, в пределах общего образования качество знаний должно быть связано не только с информационным, но и технологическим уровнем подготовки.

Технологический уровень подготовки в общем образовании предполагает обучение оперированию знаниями как понятиями о сущности вещей и явлений в соответствии с логикой интеллектуальной деятельности человека как субъекта познания. Эта деятельность использует и развивает мышление и воображение, формируя способности объяснять и аргументировать свои способы решения проблем.

Технологический уровень подготовки в специальном образовании предполагает обучение способам выполнения профессиональных функций. Эти способы представляют собой алгоритм использования знаний как отдельных умений и навыков. Задача технологической подготовки заключена в формировании профессионального мастерства.

Это предполагает способности соединять отдельные умения, навыки и операции в непрерывном процессе профессиональной деятельности. Здесь востребованы способности к синтезу межпредметных связей на исполнительском уровне. Эти знания автома-

тизируются, стереотипизируются, шаблонизируются и могут преподноситься как относительно готовые образцы конкретной профессиональной деятельности. Их ценность в том, что они представляют оправдавшие себя способы профессионального решения штатных задач, из которых в основном и складывается любая профессиональная деятельность.

В рамках психологической компетентности современного учителя в его профессионально-технологическую подготовку следует включить практически ориентированные занятия по «Психологии общения» и «Психологии организации познавательной деятельности». Они могут протекать в форме специализированных тренингов и упражнений в решении задач практической деятельности.

Однако любая профессиональная деятельность не исключает появление на ее поле неожиданных проблем, которые возникают из новых ситуаций деятельности.

Проблемный (эвристический) уровень знаний предполагает обнаружение неожиданного, непознанного, противоречивого – того, на что нет определенного ответа в сложившейся системе знаний и профессиональной практике. Это то, что называют «внештатными ситуациями». Способность замечать проблемы формируется в процессе расширяющегося опыта профессиональной деятельности, когда субъект труда, познания и общения сталкивается с неизвестным. В такой ситуации он должен найти свое решение проблемы, что предполагает способность к поиску решения как эвристической мобилизации знаний.

Чувствительность на проблему и проблемные ситуации в профессиональной деятельности имеет особую динамику, фиксируя которую можно диагностировать темпы профессиональной адаптации и рост профессионализма. Молодые специалисты первые три года почти не замечают проблемных ситуаций в своей деятельности. В последующие годы вдруг начинают осознаваться затруднения в работе. К пяти годам работы число таких затруднений (проблем) становится самым большим. Затем к десятому году пребывания в профессии число проблем, вызывающих затруднения, плавно снижается. Но проблемы не исчезают полностью. Чувствительность к ним у настоящих профессионалов очень высокая.

Проблемный уровень развития знаний в общем образовании школьного периода может развиваться как мышление от противоположного, отрицающего устоявшееся знание. Логика такого мышления неплохо представлена, например, в геометрии при доказательстве теорем от противоположного утверждения. Для этого уровня знаний характерен их синтез по логике взаимного отрицания, сопряжение казалось бы несовместимого в своеобразных антиномиях (например, в пословице: «Не сделав добра, не сделаешь зла»). Такое

(проблемное) обучение развивает эвристические способности в интеллектуальной деятельности человека и учит не уклоняться от противоречий как трудностей, а, наоборот, отыскивать их и преодолевать. Проблемное обучение предполагает более высокий уровень развития интеллектуальных способностей, основанных на эвристическом потенциале знаний. Проверить эвристичность знаний тестами единого государственного экзамена весьма затруднительно.

В психологической компетенции современного учителя необходимо разработать специализированный тренинг по психологическому анализу проблемных ситуаций в деятельности учителя. Такого тренинга пока нет, но его можно рассматривать как задачу на будущее.

Через практику решения проблемных ситуаций интеллект профессионала развивается в направлении инновационных способностей.

Инновационный уровень качества знаний предполагает творческое их использование в познавательной и преобразовательной деятельности учителя и учащихся.

Инновационный процесс в познавательной деятельности воспроизводится в логике суждений при обосновании выводов, в демонстрационных и научно-исследовательских опытах. Здесь субъект познавательной деятельности оперирует имеющимися знаниями в целях получения новых. В результате интериоризируются (усваиваются) способы научно обоснованного мышления.

Инновационный процесс как преобразовательная деятельность представлен в занятиях искусством и в труде.

На занятиях литературным, изобразительным, музыкальным и другими видами искусств, где создается оригинальный продукт индивидуального творчества, раскрывается (экстериоризируется) творческий потенциал субъектов. В этой деятельности реализуется потенциал воображения.

В труде инновационный процесс связан с созданием новых видов продукции, технологическим творчеством, организацией и управлением взаимодействующими субъектами. Именно в труде человек может найти выход своему творческому потенциалу.

Инновационные функции интеллекта являются вершиной его развития на основе творческого мышления, воображения, эвристического знания и преобразовательной деятельности.

Стимулятором такого мышления и деятельности является ситуация с неполным знанием об объекте и способах взаимодействия с ним человека. Это ситуация некоторой неопределенности, в то время как избыток знаний информационного качества может затормозить проявление творческого потенциала интеллекта, создавая

иллюзию полной определенности. Этот парадокс следовало бы учитывать в дидактике образования и методике обучения. Некоторая недосказанность порождает желание заполнить «пустое пространство» и активизирует креативный потенциал в познании, труде и творчестве. Это означает, что при изложении знаний учащимся нужно заканчивать многоточием, а не точкой, которая создает иллюзию вечных истин и неподвижности знаний в своем развитии.

Деятельность учителя построена на общении с учащимися, в процессе которого постоянно происходит реализация инновационного потенциала социального интеллекта учителя и его воспитательного воздействия. В этом процессе учитель творит личность своих учеников и свою собственную. В процессе общения человек переменчив как облака на небе, как струящийся поток воды, как пламя костра, как его собственное настроение. Ситуации общения всегда новы, хотя и имеют сходство по внешней атрибутике и целям. Именно в процессе общения учителя с учениками скрыты самые профессионально важные качества учителя – способность к психологическому взаимодействию.

Для обеспечения психологической компетенции общения в профессионально-образовательной программе учителей должен быть цикл дисциплин, посвященных психологии общения вообще и с детьми в частности. Нужны развернутые социально-психологические тренинги общения.

Инновационный уровень использования знаний успешно реализуется при наличии их *концептуальной основы*.

Концептуальный уровень знаний проявляется в системных представлениях субъекта о мире вещей, людей и о самом себе в этом мире. Такие представления содержат «картину мира», «Я–концепцию», «смысл существования». Все это относится к мировоззрению человека и идеологии жизненного пути.

В то же время по поводу каждой частной проблемы при концептуальном мышлении человек всегда имеет расширенный взгляд, проявляющийся в определении фона проблемной ситуации и межпредметных связей проблемного явления на трех уровнях существования (микроуровне, мезоуровне, макроуровне). Именно этот уровень интеграции знаний позволяет выходить из тупиков частных противоречий.

Чтобы найти новое решение какой-либо проблемы, нужно уметь выходить из плоскости возникшего противоречия в какую-либо другую плоскость, не теряя при этом связи между этими плоскостями. Возможность такого выхода из замкнутого круга предопределяется системностью знаний, которая предполагает развитие концептуального уровня мышления. Этого можно достигать в обучении за счет актуализации межпредметных связей посредством, например, таких

вопросов: «Чем и как физика связана с психологией, с историей и другими знаниями?»

Такие связи можно имплицитно запрограммировать в интегративных учебных дисциплинах в системе общего образования. Разработку таких дисциплин возможно сделать на основе антропологического принципа, который означает синтез знаний всех наук для объяснения основных аспектов взаимодействия человека со значимыми для него объектами окружающего мира. К их числу можно отнести следующие по названию интегративные учебные дисциплины: «Человек в обществе», «Человек в природе», «Человек в предметном мире», «Человек в физическом пространстве», «Человек во времени», «Человек в искусстве», «Человек в труде», «Человек в общении», «Человековедение». В контексте этих дисциплин необходимо синтезировать знания всех современных наук по методологии прикладной науки.

Посредством таких дисциплин возможно и формировать, и развивать концептуальный взгляд человека на свои многоаспектные отношения с миром вещей и людей. Логика системного мышления, которая лежит в основе синтезе знаний в этих дисциплинах, будет обеспечивать высший уровень качества знаний, востребованный современной наукой и практикой.

Психологическая компетентность этого уровня профессионального образования учителей связана с проблемами «Я–концепции» и «Психологии смысла жизни человека». Для обеспечения этого уровня компетенции на кафедре психологии человека РГПУ им. А.И. Герцена разработана программа учебной дисциплины под названием «Человек и мир».

В заключении следует подчеркнуть все возрастающую роль психологической компетенции в профессиональной деятельности учителя, по мере того как информационный уровень образования все больше и больше обеспечивается техническими средствами информационной коммуникации.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. ЛГУ, 1968. – 340 с.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – 380 с.
3. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. Том первый. – М.: изд-во Педагогика, 1979. – 304 с.
4. Панферов В.Н. Интегративный подход в образовании // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. – № 3. – СПб., 2003. – С. 114–124.

Акмеологический подход к анализу структуры профессиональной компетентности

В статье рассматриваются различные подходы к анализу профессиональной компетентности. Приводятся результаты структурно-функционального анализа деятельности. Даются определения понятию профессиональной компетентности и уровням ее сформированности. Выделяются универсальные компоненты профессиональной компетентности и их содержание. Рассматривается модель компетентности руководителя, инвариантная относительно его деятельности. Даются выводы и практические рекомендации по анализу профессиональной компетентности.

The article discusses different approaches to analyses of professional competence. Results of activity's structure functional analysis are given. There are given definitions of the term «professional competence» and levels of it development in the article. Universal components of professional competence and their substance are assigned. Model of manager's competence, which is invariant comparative to his/her activity, is studied. Resume and practical recommendation on analyze of professional competence are given.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, уровни профессиональной компетентности, модель компетентности, структура профессиональной компетентности.

Key words: professional competence, levels of professional competence, model of competence, structure of professional competence.

Повышение качества подготовки специалистов с высшим образованием, адекватных потребностям современного общества и производства, обладающих необходимыми профессионально важными качествами, знаниями и умениями, способных самостоятельно и быстро адаптироваться в непрерывно меняющейся информационной и технологической среде, зависит от организации учебного процесса.

Постоянно ускоряющиеся темпы инновационного развития требуют от специалистов высокого уровня профессиональной компетентности и способности к быстрому качественному обучению, освоению новых технологий, профессионализма в деятельности, умения работать в команде разнопрофильных специалистов. Однако реализация компетентностного подхода в высшей школе не опирается на конечный образ результата подготовки специалистов для современного наукоемкого производства и не учитывает профессиональные модели деятельности, что значительно снижает эффек-

тивность образовательного процесса студентов и профессиональной деятельности специалистов.

Рассматривая проблему профессиональной деятельности и компетентности в многогранном аспекте обратим внимание на психологические, управленческие, акмеологические проблемы.

Анализ современных исследований показывает, что понятие «компетентность» широко используется отечественными и зарубежными учеными в педагогике, психологии и акмеологии (Н.В. Кузьмина [3; 4], А.А. Деркач [1], И.А. Зимняя [2], А.К. Маркова, Ю.Г. Татур [7], В.Г. Первутинский, В.Д. Шадриков, Н. Хамский, Дж. Равен, Ф. Цивели и др.). Компетентность следует рассматривать как системную характеристику личности, отражающую результат образования и качества подготовки специалистов. Однако реализация компетентностного подхода в высшей школе не всегда ориентируется на конечные результаты подготовки специалистов и не учитывает уровень развития профессиональной компетентности, что значительно снижает эффективность профессионального обучения.

В процессе анализа профессиональной компетентности мы ориентировались на требуемый образ результата подготовки выпускника вуза. С этой целью был проведен структурно-функциональный анализ деятельности продуктивных специалистов и руководителей (740 респондентов), работающих на современных наукоемких предприятиях и в государственных организациях, что позволило нам выделить универсальную структуру профессиональной компетентности, ее основные компоненты и модели.

Установлено, что профессиональная компетентность специалиста с высшим образованием предполагает:

- 1) понимание системного характера профессиональных проблем;
- 2) способность осваивать и развивать инновационные технологии в системной интеграции;
- 3) владение знаниями и новыми технологиями в своей предметной области и смежных областях;
- 4) способность к быстрому обучению, усвоению нового, непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию, к профессионализму;
- 5) умение принимать правильные и ответственные решения при создании и эксплуатации объектов новой техники;
- 6) постоянное развитие и совершенствование основных компонентов профессиональной компетентности: дифференциально-психологической; социально-психологической; аутопсихологической; акмеологической; управленческой; специальной и информационно-технологической компетентности;

7) способность реализовать свой творческий потенциал (знания, умения, опыт, деловые и личностные качества) в продуктивной профессиональной деятельности.

Обобщая результаты анализа моделей деятельности специалистов и руководителей различного уровня следует отметить, что профессиональная компетентность представляет собой системную динамично развивающуюся характеристику личности (совокупность способностей, знаний, умений, деловых и личностных качеств), демонстрирующую владение современными технологиями и методами решения профессиональных задач различного уровня сложности и позволяющую осуществлять профессиональную деятельность с высокой продуктивностью.

Для определения сформированности профессиональной компетентности мы предлагаем использовать следующие уровни.

Первый уровень (минимальный). Использует знания для выполнения только данного конкретного задания и не всегда может применить их для другого задания. Хорошо работает по алгоритму и четким инструкциям.

Второй уровень (низкий). Адаптирует свои знания применительно к особенностям задания и умеет использовать их для решения другого класса аналогичных задач. Действует согласно конкретным обстоятельствам.

Третий уровень (средний). Самостоятельно может моделировать систему знаний по определённому классу задач. Умеет решать профессиональные задачи через создание моделей адекватных данному классу задач.

Четвертый уровень (высокий). Умеет моделировать алгоритм деятельности применительно к данному классу задач и переносить его на решение нового, более сложного класса задач; владеет средствами моделирования в разных предметных областях; умеет разрабатывать модели для новых классов задач.

Пятый уровень (наивысший). Владеет системой профессиональных знаний и умений, обладает творческим мышлением; применяет системный подход к решению различных задач; творчески решает профессиональные задачи.

Первый и второй уровни соответствуют подготовке в вузе бакалавра.

Третий и четвертый уровни достижимы при подготовке специалистов.

Четвертый и пятый уровни достижимы при подготовке магистров.

Наши исследования показали, что профессиональная компетентность как системная характеристика личности имеет сложную структуру (рис. 1), содержащую компоненты (дифференциально-психологический, социально-психологический, аутопсихологический,

акмеологический, управленческий, специальный, информационно-технологический) и элементы, из которых формируется модель компетентности. Следует отметить, что модель компетентности специалиста имеет гибкую структуру и может включать в себя различные элементы в зависимости от конкретной специализации.

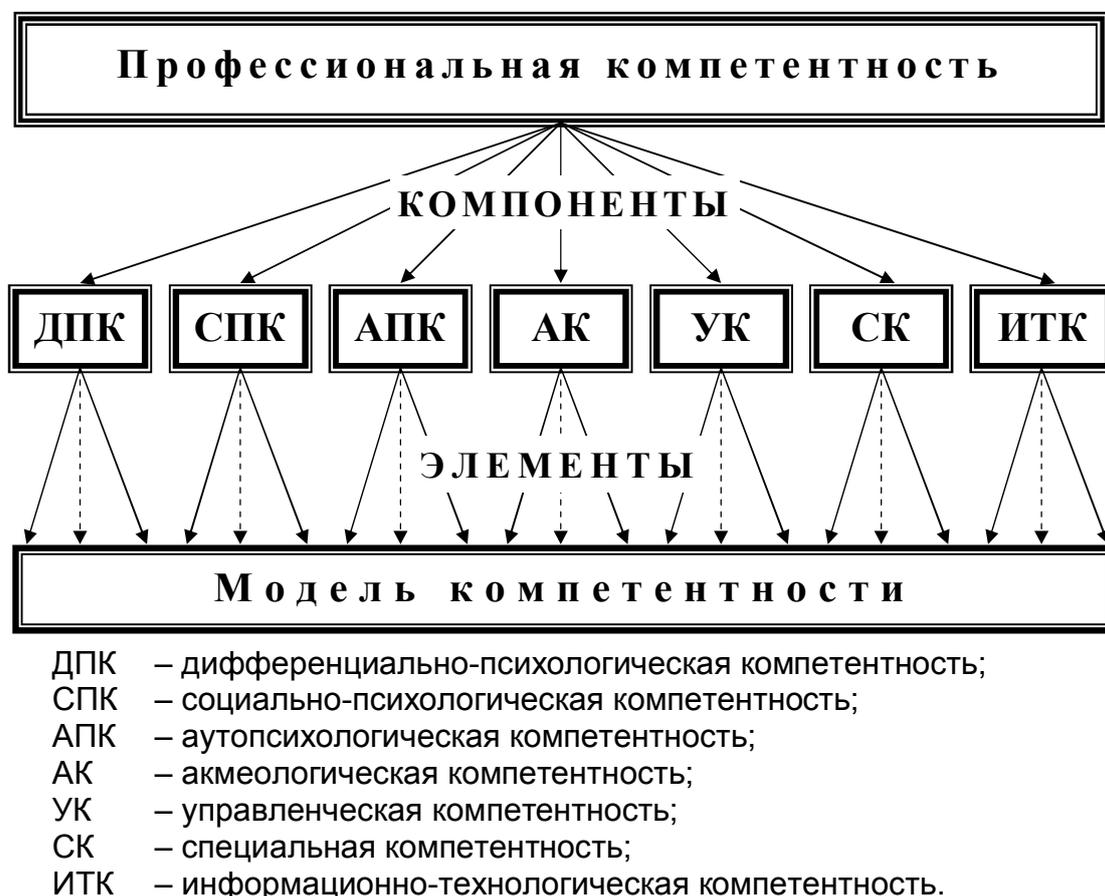

Рис. 1. Структура профессиональной компетентности специалиста с высшим образованием

Дифференциально-психологическая компетентность – осведомленность об индивидуальных особенностях коллег (психологических и типологических отличиях, знание ведущих мотивов деятельности и ее направленности, профессиональных способностей) и умение разрабатывать продуктивные стратегии индивидуального подхода в работе с ними. Умение формировать эффективный профессиональный коллектив (команду).

В ее состав входит:

- знание социально-психологических, статусных характеристик и использование их в профессиональной деятельности;
- умение правильно определить психологические и типологические особенности коллег;

- умение найти индивидуальный подход к коллегам, учитывающий их своеобразие;

- знание ведущих мотивов деятельности коллег и стимулирование развития социально и профессионально значимых мотивов.

Социально-психологическая компетентность – способность эффективно взаимодействовать с людьми в системе межличностных отношений. Взаимодействие в профессиональной группе, между группами, с людьми (в социуме). Умение работать в команде.

В ее состав входят:

- знание типологических отличий, особенностей поведения, деятельности и отношений специалистов в коллективе;

- умение эффективно работать в команде, учитывая индивидуальные особенности своих коллег;

- способность оказывать необходимую помощь и поддержку коллегам, обеспечивающую успех в работе;

- умение выбрать адекватные способы общения с коллегами и клиентами, учитывающие их индивидуальные особенности (психологические и типологические), и реализовать их в процессе взаимодействия;

- социальная ответственность за результаты своего труда;

- деловое сотрудничество, основанное на уважительном отношении к коллегам и клиентам (доброжелательность, чуткость, толерантность);

- деловое общение (эффективные коммуникации, устные и письменные);

- умение ориентироваться в социальных ситуациях (социальная проницательность).

Аутопсихологическая компетентность состоит в осведомленности о способах самосовершенствования, а также о сильных и слабых сторонах своей собственной личности и деятельности, и о том, что и как нужно сделать, чтобы повысить качество своей работы.

В ее состав входят:

- умение использовать свои достоинства в профессиональной деятельности;

- умение анализировать и устранять свои недостатки;

- способность к личностному и профессиональному саморазвитию и развитию своего творческого потенциала;

- умение анализировать и развивать в лучшую сторону свои деловые и личные качества и разрабатывать программу самосовершенствования;

- адаптивность, гибкость;

- мотивация к высоким уровням достижения в профессии;

- умение эффективно работать с информацией;
- планировать личную деятельность;
- умение разрабатывать программу самосовершенствования.

Акмеологическая компетентность – знание критериев и факторов движения к вершинам профессионализма и создание акмеологических программ достижения вершин профессиональной деятельности.

В ее состав входят:

- способность к самоанализу;
- способность к самоконтролю;
- способность к самосовершенствованию;
- способность к самообразованию;
- умение разрабатывать программу личностно-профессионального развития и карьерного роста.

Специальная компетентность – знание инновационных технологий, методов решения профессиональных задач и умение применять свои знания в практической деятельности, развивая их и совершенствуя.

В ее состав входят:

- понимание тенденций и основных направлений развития науки и техники;
- понимание системного характера решаемых профессиональных проблем;
- владение знаниями и новыми технологиями в своей профессиональной области и в смежных областях;
- умение использовать современные информационные технологии для решения профессиональных задач;
- умение квалифицированно ставить и качественно решать профессиональные задачи в установленные сроки (ориентация на качество);
- умение планировать профессиональную деятельность;
- умение делиться своими знаниями с коллегами и передавать свой опыт (обучать).

Управленческая компетентность – знание современных технологий управления и умение эффективно применять их в практической деятельности, развивая и совершенствуя.

В ее состав входят:

- знание методов управления ресурсами (управление знаниями, финансами, человеческими ресурсами);
- знание особенностей объекта управления;

- умение планировать профессиональную деятельность и прогнозировать результаты (видение перспектив развития);
- умение четко ставить подчиненным задачу;
- умение организовывать процесс решения профессиональных задач и создавать необходимые условия для исполнителей;
- умение обеспечивать и поддерживать обратную связь и контролировать результаты работы и выполнение поставленной задачи;
- умение делегировать полномочия;
- способность добиваться реализации поставленной цели в установленные сроки (ориентация на результат);
- системный подход в решении поставленных задач;
- умение создавать эффективные профессиональные команды и управлять ими;
- способность принимать решения и брать ответственность за их реализацию;
- предприимчивость и умение идти на осознанный риск;
- умение строить гармоничные отношения в коллективе;
- умение учитывать и использовать альтернативные точки зрения;
- умение обучать подчиненных и готовить кадровый резерв;
- умение эффективно использовать и развивать творческий потенциал сотрудников.

Информационно-технологическая компетентность – знание информационных компьютерных технологий и умение использовать их в профессиональной деятельности.

В ее состав входят:

- знание устройства ПК систем ввода вывода информации;
- знание основных ОС (Windows, Linux);
- знание программных продуктов, применяемых в профессиональной отрасли (MS Office, 1С, графических редакторов и др.);
- знание сетевых и Интернет-технологий (сетевые службы, электронная почта, браузеры);
- знание языков программирования;
- умение пользоваться компьютерными приложениями MS Office (Word, Excel и др.);
- умение пользоваться сетевыми службами (обмен файлами, печать документов и др.);
- навыки работы в сети Интернет (поиск информации, отправка электронной почты и др.);
- умение использовать языки программирования для решения профессиональных задач;

• знание и использование наиболее оптимальных методов и информационных технологий при выборе способов решения задач и составлении алгоритма;

• умение пользоваться системами управления баз данных для ввода и поиска информации, (СУБД MS Access, MS FoxPro и др.).

На основе выделенных структурных компонентов профессиональной компетентности могут формироваться любые модели компетентности специалистов, бакалавров, магистров с учетом конкретной специализации.

Модель компетентности – термин для обозначения полного набора, перечня компетенций для специалистов. Этот перечень компетенций образует систему или модель компетентности (рис. 2).

Рис. 2. Модель компетентности

В результате исследований, проведенных нами в государственных организациях, была выделена универсальная модель компетентности руководителя. В исследовании принимали участие более 370 руководителей всех уровней.

Модель компетентности руководителя включает в себя универсальные и специальные компетенции.

Универсальные компетенции

1. Ответственность.
2. Ориентация на результат (целеустремленность, настойчивость, умение решать проблемы, предприимчивость).
3. Ориентация на качество (выполнение работы аккуратно, тщательно в соответствии со стандартом).
4. Гибкость поведения, адаптивность, готовность к изменениям.
5. Добросовестность, исполнительность.

6. Межличностное общение (умение стоять и поддерживать взаимоотношения с учетом индивидуальных особенностей коллег).

7. Лояльность, толерантность (учет различных точек зрения).

8. Владение информационными технологиями.

9. Саморазвитие, постоянное обучение.

10. Аналитические способности, умение эффективно работать с информацией.

11. Эффективные устные коммуникации.

12. Эффективные письменные коммуникации.

Специальные компетенции

13. Владения профессиональными знаниями (знание профессиональной специфики, способность применять свои знания на практике).

14. Работа в команде (умение работать с коллегами, совместно достигать результатов).

15. Управление и координация (управление знаниями, ресурсами, финансами, людьми, технологиями).

16. Организаторские способности.

17. Формирование команды (умение формировать команду с учетом индивидуальных и творческих способностей коллег).

18. Инициативность и творческий подход (стремление совершенствовать свою деятельность и технологии).

19. Инновационность (саморазвитие), отношение к новому (способность быстро усваивать и использовать новые знания).

20. Системный подход к решению профессиональных проблем (учет структурных особенностей систем и их взаимовлияния).

21. Стратегическое мышление (видение перспектив развития организации).

22. Клиентоориентированность (стремление оказать помощь и поддержку клиенту, как «внутреннему» – коллеге, так и «внешнему» – потребителю услуг, с учетом его индивидуальных особенностей).

Анализ отечественных и зарубежных исследований показал, что профессиональная компетентность интегрирует психологические свойства личности, мотивы, способности, знания, умения, деловые и личностные качества и является ведущим показателем результата профессионального образования.

Одним из результатов, который может быть использован в дальнейших психолого-педагогических и акмеологических исследованиях, является рассмотрение профессиональной компетентности специалиста с высшим образованием как системной динамично развивающейся характеристики личности (совокупность способностей знаний, умений, деловых и личностных качеств) и выделение ее компонентов (дифференциально-психологической, социально-психологической, аутопсихологической, акмеологической, управленческой; специальной и информационно-технологической компетент-

ности), являющихся универсальными для инновационной профессиональной деятельности, и элементов (моделей компетентности), имеющих гибкую структуру, на которую влияет профессиональная специфика.

В процессе исследования установлено, что профессиональная компетентность специалиста с высшим образованием предполагает: понимание системного характера профессиональных проблем; способность осваивать и развивать инновационные технологии в системной интеграции; владение знаниями и новыми технологиями в своей профессиональной области и смежных областях; способность к быстрому обучению, усвоению нового, непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию; умение принимать и реализовывать правильные и ответственные решения при создании и эксплуатации объектов новой техники; владениями методами моделирования; умения эффективно работать в команде; способность реализовывать свой творческий потенциал (знания, умения, опыт, деловые и личностные качества) в продуктивной профессиональной деятельности; постоянное развитие и совершенствование основных компонентов профессиональной компетентности.

Профессиональная компетентность формируется и проявляется в процессе решения различных задач. Наиболее эффективными являются задачи, способствующие овладению профессиональными моделями деятельности и базирующиеся на основных дидактических принципах обучения, развивающих познавательную активность, оперативное мышление, профессионально важные качества студентов и специалистов.

Одним из результатов исследования, который может использоваться при разработке моделей компетентности специалистов, является выделение профессионально важных качеств, обеспечивающих успешность инновационной деятельности в современном наукоемком производстве: универсальные компетенции – ответственность, ориентация на результат, ориентация на качество, гибкость поведения, адаптивность, добросовестность, исполнительность, межличностное общение, лояльность, толерантность, владение информационными технологиями, саморазвитие, постоянное обучение, аналитические способности; эффективные коммуникации; специальные компетенции – владение профессиональными знаниями, работа в команде, управление и координация, организаторские способности, формирование команды, инициативность и творческий подход, инновационность, отношение к новому, системный подход к решению профессиональных проблем, стратегическое мышление, клиентоориентированность и др.

Список литературы

1. Деркач А. А., Кузьмина Н. В. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. – М.: РАУ, 1993. – 24 с.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования//Высшее образование сегодня. – 2003. – №5. С. 34–42.
3. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. – СПб.: Политехника, 2002. – 188 с.
4. Кузьмина Н.В. Предмет фундаментальной акмеологии // Акмеология – наука XXI столетия: материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Киев: КМГПУ, 2005. – С. 22–40.
5. Софьина В.Н. Акмеологический подход к развитию профессиональной компетентности специалистов инженерного профиля: моногр. / В.Н. Софьина, В.А Полянин. – Ковров.: КГТА, 2008. – 220.
6. Софьина В.Н. Развитие профессиональной компетентности специалиста в вузе и на производстве: моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. – 144 с.
7. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 21–46.

УДК 159.923.2

А. Н. Колпакова

Об экспериментальной программе преподавания в контексте лично-образующих творческих циклов

Рассказывается о возможностях раскрытия личностного потенциала студентов в контексте лично-образующих творческих циклов по результатам контент-анализа самоотчетов творческой деятельности студентов-педагогов. Раскрыта структура и содержание циклов, основой которых являются этапы творческого процесса. Показывается возможность профессиональной подготовки студентов как субъектов творческой деятельности.

The article tells about abilities of discovering of students' personal potential in the context of personal forming creative cycles, according to the data, that has been got with application of content analyze of students' self-reports about their creative activity. The structure and substance of cycles, which are basing on stages of creative possess are given. Ability of students' professional education as subjects of creative activity.

Ключевые слова: личностный потенциал, профессиональное развитие и совершенствование, личностный рост, программы раскрытия потенциала.

Key words: personal potential, professional development and self-perfection, personal development, discovering of the potential programs.

Реформы общеобразовательной и профессиональной школ, а также обновление содержания образования требуют принципиальных изменений во всей образовательной системе, перемещая актуальные проблемы педагогической психологии в плоскость индивидуально-личностного потенциала учащихся и педагогов. Че-

ловец становится активным субъектом профессионального развития и личностного роста. Поэтому, чтобы соответствовать требованиям времени, студент – будущий педагог – в процессе обучения должен не только приобрести фундаментальные знания, но и сформировать в себе потребность в самосовершенствовании, в овладении знаниями в течение всей своей активной жизнедеятельности.

Субъективная реальность в связи с проблемами обучения и воспитания личности изучалась многими исследователями (В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, И.Б. Котова, В.Т. Кудрявцев, Б.Т. Мещерякова, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков, И.С. Якиманская и т. д.). Однако особое значение для образования будущих педагогов имеет введенное Л.С. Выготским понятие «зоны ближайшего развития» к которому неоднократно обращались его последователи – А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Н.А. Менчинская, Г.С. Костюк, И.С. Якиманская и т. д. В предлагаемой системе построения программ подготовки специалиста-педагога мы активно опираемся на «зону ближайшего развития» учащихся в процессе построения взаимодействия с непосредственным переходом в «зону перспективного развития». То есть необходимо проследить и сформировать связь между настоящим (осознанием себя как ученика) и будущим (осознанием себя как субъекта творческого труда; профессионала), базируясь на развитии личностных качеств (осознание себя как личности). Чтобы обучение было эффективным, оно должно иметь личностную значимость для студентов, что становится возможным в субъектно-ориентированой технологически-образующих (творческих) циклов [6]. Мы разделяем точку зрения Я.А. Пономарева [4] и А.В. Брушлинского [1], рассматривающих креативность как комплексную характеристику личности.

Выборочную совокупность нашего исследования составили 362 человека (23 преподавателя трех курсов, 188 студентов трех курсов, участвовавших в психолого-диагностическом эксперименте, 74 студента – участники основного формирующего психолого-педагогического эксперимента, 77 студентов – участники повторного формирующего эксперимента).

На первом этапе исследования (психолого-диагностическом) проводилось наблюдение, тестирование, интервьюирование студентов и контент-анализ самоотчетов об их творческой деятельности. Целью первого этапа было изучение особенностей самоактуализации, креативности и проявлений студентов – будущих педагогов как субъектов творческой деятельности в процессе обучения. Для изучения данных категорий были использованы: тест САМОАЛ, шкала креативности методики САМОАЛ, тест-опросник Уортмана.

В данной статье представляется один из разделов первого этапа (психолого-диагностического), а именно контент-анализ самоотчетов творческой деятельности студентов, результаты которого подтверждают гипотезу о наличии у всех участников образовательного процесса в вузе потребности в творческой самореализации, но наряду с этим подчеркивают отсутствие поведенческих навыков и внешней мотивации к творческому восприятию деятельности и проявлений субъектности творческой деятельности учащихся.

Предполагается, что в творческой деятельности получает реализацию полный набор компонентов самосознания субъекта от постановки цели (возникновения замысла) до его воплощения в результате, доведенном до удовлетворения потребностей людей. Этот акт воплощения в результате творческого замысла и его доведение до представления другими людьми мы обозначаем как деяния [4]. А отрезки времени, в течение которых осуществляются отдельные деяния, определяются как личностно-образующие циклы человеческой жизни. Деяния, будучи личностно-образующими циклами человеческой жизни, осуществляются в контексте взаимодействия индивида с людьми, которое может проходить в формах прямого научения или прямого подчинения, совместно разделенной деятельности, руководства и контроля за осуществлением самостоятельной деятельности ученика, самостоятельной деятельности студента.

Мы предполагаем, что креативность студентов можно актуализировать в процессе обучения. В нашей работе мы определяем следующий набор компонентов субъекта творческой деятельности, разработанных профессором В.И. Тютюнником на основе психологических признаков в структуре труда, предложенных Е.А. Климовым [3]. Тютюнник В.И. дополняет психологическую структуру сознания субъекта труда и предлагает рассматривать психологическую структуру субъекта творческой деятельности в составе пяти психологически признаков, включающих в себя 12 компонентов.

I. Потребность в творчестве (мотивация, коммуникация, рефлексия).

II. Предвосхищение результата деятельности (интуиция, уровни мыслительной деятельности, аффекты, чувства).

III. Волевая саморегуляция (воля, страсть, фрустрация).

IV. Владение внешними и внутренними средствами деятельности (гностика, моторика, эмоциональный тон кинестетических ощущений).

V. Ориентировка в межличностных отношениях (эмоционально-оценочное отношение субъекта к себе, а также отношение к другим людям, основанное на оценке их творчества) [4].

После обработки данных по результатам наблюдения, интервьюирования и тестирования с каждого курса были отобраны по 10 человек, проявивших себя за время исследования в полной мере как субъекты творческой деятельности. Для них была разработана схема самоотчета творческой деятельности. Работа с самоотчетами проводилась в конце учебного года, когда первый этап исследования был практически завершен.

В анализе мы приводим примеры высказываний учащихся о своей творческой деятельности, характеризующие проявления соответствующих компонентов психологической структуры личности и отмечаем их соответствие определенному элементу.

1. Потребность в творчестве – желание самостоятельного осуществления творческой деятельности субъекта. *Мотивационный* компонент выражается проявлением: а) влечения («Работа увлекает и даже немного завораживает»; «Исключительно ради собственного удовольствия написал несколько фантастических рассказов»; б) желание («Я была готова часами находиться на репетиции, только бы играть и слушать, как поют дети»; «Жажда общения с другими людьми, стремление выразить себя»; «Иногда желание захватывает и все мои мысли только об этой работе» К.В. Ист. Ф.); в) сознательный выбор предмета потребности («Для меня – реализовать творческий потенциал – значит не зря прожить день»; «Я жила и живу в творчестве»; г) эмоциональные переживания и установки побуждений к творчеству («Пребываю в возбуждении, с нетерпением ожидаю результата»; «Творчество доставляет мне удовольствие, раскрывается мой внутренний мир, находят выход эмоции»; Коммуникативно-рефлексивный проявляется как смысловой аспект взаимодействия субъекта с другими людьми Реализация этого компонента состоит в проявлении следующих элементов: а) интеракция («Это может быть просто сопротивление общепринятым законам определенной группы людей»; «К деятельности побуждает интерес к своим возможностям и возможность наблюдать за реакцией окружающих». б) перцепция («Результат не похож на другие по качеству исполнения и по степени личной вовлеченности»; в) коммуникация «Я в первую очередь думаю о том, будет ли моя работа интересна для окружающих, сможет ли заставить задуматься о чем-либо. Очень часто я не уверен в успехе, и это придает дополнительную нервозность моим действиям. Когда же мою работу оценивают высоко, для меня это приятный сюрприз»; г) рефлексия («Желание в любой деятельности найти, открыть что-то новое, по-своему подойти к проблеме – так, как до меня еще никто не делал»; «Когда я впервые решила выполнить задание по-своему, единствен-

ное, что меня волновало, это то, как на это отреагирует моя учительница».

2. Предвосхищение результата деятельности – т. е. способность человека предвидеть будущий оригинальный результат в виде идей, замыслов и т. п. Этот признак состоит из компонентов. *Интуитивный* характеризует наличие у субъекта знания о результате, возникающего без осознания путей и условий его получения. Этот компонент охватывает следующие психологические явления: а) установки; б) предвосхищения («*Обдумывание выбранного дела зачастую может довести до стрессового состояния. Мысли становятся неотвязными и их необходимо обезвреживать, т.е. фиксировать*»); г) догадки («*Приходишь на урок, видишь лица ребят, их настроение и понимаешь, что сегодня твой “задуманный урок” не пойдет по плану – возникает новая идея, ты ее тут же осуществляешь и понимаешь – да, именно это ты носил в себе, чтобы выдать именно сейчас*»; г) симультанное охватывание обстановки отношений («*Не понимаю основ своей деятельности. Все происходит спонтанно*» Х.Н. ППРР); д) бессознательную психическую активность («*Всегда хочется уловить мотив деятельности, а потом мелодия звучит уже сама. Но инсайт не приходит всегда*»; «*Это моя деятельность, идущая от меня, т. е. мое самовыражение. Если я ощущаю подпитку от окружающих, то желание очень велико*».

Дискурсивный – с помощью прошлого опыта человек осознает, каким путем можно достичь того результата, который задуман. Он осознает значение полученного результата для него и других, а также характеризует основания оригинальности или стандартности результата посредством: а) анализа-синтеза («*Порою трудно понять для чего, например, преподавателю слушать пересказ его собственных лекций или учебника, ведь гораздо полезнее и приятнее обсудить даже мелкую деталь, улавливающую смысл и основное значение*»; «*Наверное, необходимо не кидаться радостно на уже готовые мнения, а все рассматривать с великой долей скепсиса*»; б) индукции-дедукции («*Моя деятельность действительно будет оригинальной только в том случае, если я найду средства и способы, чтобы выразить задуманное мной настолько, что смысл работы цветочной композиции, рисунка будет понятен без объяснений. Смысл должен быть понятным, прозрачным, четким, ясным*»; в) сравнения-обобщения («*Наконец я в роли аккомпаниатора. Для этого я переиграла все песни, ноты которых у меня нашлись дома, самые любимые знала наизусть. Я была готова часами находиться на репетиции, только бы играть и слушать, как поют дети*»; г) абстрагирования-конкретизации («*Самое главное для оригинальности – это интуиция, чутье к нестандартным схемам мышления*». *Аффективно-дискурсивный*

компонент характеризует эмоциональный тон предвосхищения результата. Состоит из: а) эмоционального предчувствования («Иногда появляется очень много идей, возникает проблема выбора. И если я определяюсь на одной из них – возникает опасение: а вдруг "те" были бы лучше?»; б) аффектов («Срывы, негодование, безумный смех, ожидание, напряжение»; «Творчество доставляет мне радость»; «Сильное душевное переживание, мандраж, который я прогоняю за секунды перед выходом»; в) настроения («Я часто не уверен в успехе и это придает дополнительную нервозность»; г) чувств – интеллектуальных, моральных, эстетических («Главные переживания связаны с сомнениями по поводу того, является ли работа и ее результат хоть сколько-нибудь оригинальными. Никакого равнодушия, волнуешься до последней минуты»; «Чувство удовлетворения и в некотором роде гордости за то, что сумела на деле, на практике применить имеющийся теоретический материал»).

3. Сознание необходимости достижения результата (волевая саморегуляция) – признак, характеризующий понимание субъектом объективной необходимости завершения деятельности, выступающее регулятором его активности. Включает два компонента: волевой, т. е. способность субъекта к самодетерминации и саморегуляции своей деятельности, включает элементы: а) восполнение мотивации («Любое дело доводится до результата, но если оно меня очень сильно притянуло к себе, уже просто неспособно остаться незавершенным»; б) выбор мотивов и целей при их конфликте («Иногда откладываю работу – «жду инсайта». Но можно до бесконечности откладывать составление букета из сухих цветов, а не психологический портрет ученика или план зачетного урока, от того и получаются они корявые, негармоничные»; в) регуляция внешних и внутренних действий («Лягу костями, но своего добьюсь. Если не сразу, то через месяцы, может быть годы»; «Я не тороплюсь поскорее закончить начатое, а кропотливо и настойчиво иду к цели»).

4. Владение внешними и внутренними средствами деятельности. Данный признак характеризует наличие у человека знаний и умений, обеспечивающих успешность и эффективность творчества. В этот признак входят компоненты: *Гностический* – знания человека о возможностях средств и предметов его творчества, а так же о собственных возможностях как субъекта, характеризующийся элементами: а) знания о средствах, необходимых для получения результата («Стараюсь заниматься тем, о чем имею какое-либо представление»; «Конечно же интересно творить в той области, где чувствуешь себя как «сыр в масле», но запретный плод сладок, стремление к познанию нового тоже велико»; б) знания о

предметах, их свойствах и возможностях («Буду самокритичен: владею знаниями и умениями не в той степени как хотелось бы. Впрочем, не настолько мало, чтобы страдать комплексами»; в) знания о собственных возможностях как субъекта творчества («Мне необходимо совершенствовать свои навыки, пополнять знания. Одного желания недостаточно»; «Сказать, что я имею все знания и умения которые необходимы для достижения задуманного было бы глупо. Ведь определенного количества и тех и других я думаю, нет, к ним надо стремиться»; «Умение анализировать ситуацию, учитывать ее особенности, оценивать чужие воззрения, выявлять какие-то противоречивые суждения, несоответствия...»).

5. Ориентировка в межличностных отношениях – признак, характеризующий отражение в сознании субъекта творчества характер его отношений с другими людьми в прошлом, настоящем и будущем. Здесь можно выделить следующие элементы: социально-рефлексивный компонент, включающий в себя: а) Особенности взгляда человека на мир и на то, к чему он стремится («Всегда происходит соперничество результатов. Но я стремлюсь не быть лучшим и первым, а оригинальным. Меня не интересует общественное мнение, а социальная значимость велика»; «Мне был интересен процесс самой деятельности, тем более что результат был востребован, но если идти дальше – можно добиться новых результатов, которые будут вновь востребованы обществом. «Как пчелка каждый день для блага улья»; б) представление о себе и значении своего творческого результата на насущный момент («При подготовке к семинару я использую не только рекомендованную литературу. Эта дополнительная информация, которой не располагают другие, делает мой ответ оригинальным, т. е. новым, свежим»; «Реакция детей, их живой отклик, активное участие, заинтересованность предметом, желание работать, познавать – были лучшей наградой за мою работу, лучшим результатом, которого я даже не могла ожидать. Я действительно была в восторге от этой работы»; в) представление о себе и значении своего творчества в будущем («Курсовая работа "Екатерина II в Новгороде", я хочу раскрыть, когда она приезжала в Новгород, зачем и что она тут делала. Для меня это очень интересно. Радуется то, что этой темой еще никто не занимался, так что я смогу здесь раскрыть все свои способности»; «Проводя уроки иностранного языка, мне казалось нужнее не жестко следовать программе, а понимая интересы учащихся и совмещая это с целью обучения, отклоняться от строгой темы и стремиться развивать навыки общения на более приближенные к жизни темы, используя соревновательные и игровые упражнения, а порой даже откровенные беседы»).

Анализ результатов проводился посредством выделения в тексте ответов на вопросы, характеризующие те или иные компоненты творческой деятельности. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты исследования сформированности компонентов субъекта творческой деятельности у студентов

Факультеты		Исторический	Психолого-педагогический	Психологии и педагогики развития ребенка
Потребность в творчестве	Кол-во человек	10	10	10
	Кол-во проявлений	9	7	7
Предвосхищение результата	Кол-во человек	10	10	10
	Кол-во проявлений	8	4	6
Сознание необходимости достижения результата	Кол-во человек	10	10	10
	Кол-во проявлений	1	2	2
Владение средствами деятельности	Кол-во человек	10	10	10
	Кол-во проявлений	3	0	5
Ориентировка в межличностных отношениях	Кол-во человек	10	10	10
	Кол-во проявлений	3	3	3

Проведя контент-анализ самоотчетов творческой деятельности студентов, мы подсчитали, сколько раз в своих работах они указывали на наличие у них потребности в творчестве, на возможность предвосхищения результатов творческой деятельности, на сознание необходимости достижения результата, на владение средствами творческой деятельности и на ориентировку в межличностных отношениях.

Оказалось, что ни на одном факультете студенты в своих самоотчетах творческой деятельности не отразили интуитивно-установочный компонент предвосхищения результата деятельности. Это говорит о том, что в наличии у субъекта знаний о будущем оригинальном результате без осознания путей и условий его получения, а также при отсутствии полной и объективной информации отсутствуют установки как психологические явления. Данный факт позволяет предположить наличие спонтанной и ничем не ограниченной возможности проявления собственной креативности в подготовке самоотчетов.

Анализ самоотчетов показал, что чаще всего студенты подтверждают наличие у них потребности в творчестве, отражая это проявлением коммуникативно-рефлексивного компонента (5 и 5

проявлений по всем факультетам). Таким образом, у студентов осознание того, как воспринимают их как субъектов творчества другие люди и как другие относятся к их креативности, выражено наиболее ярко. Это же подтверждает и проявление у студентов социально-рефлексивного компонента (4 и 4 проявления по всем факультетам). Можно предположить, что студенты видят перспективу своего творчества в будущем и его влияние на тот образ мира, к которому они стремятся, однако на настоящий момент это не выражено достаточно четко. Оставшиеся три компонента творческой деятельности отражены в самоотчетах у студентов значительно реже, тем не менее в их самоотчетах присутствует весь набор психологических признаков субъектов творческой деятельности.

Таким образом, потребность в творчестве у студентов психолого-педагогического, исторического и факультета педагогики и психологии обнаруживается, однако как реализовать свою потребность в творческой деятельности, студенты отчетливо не представляют.

Анализ сформированности у студентов компонентов творческой деятельности, основанный на результатах наблюдения и контент-анализа самоотчетов, обнаружил высокий уровень потребности в творческой деятельности и преобладание низкого уровня в таких показателях, как предвосхищение будущего результата, сознание необходимости доведения дела до конца, владение средствами деятельности и ориентировки в межличностных отношениях.

В результате анализа полученных данных и с учетом выявленных особенностей процесса актуализации творческих способностей студентов нами была разработана экспериментальная программа работы преподавателя в логике личностно-образующих (творческих) циклов «Основы педагогического мастерства» на материале дисциплины «Педагогическое мастерство».

Вся структура построения программы в логике личностно-образующих (творческих) циклов тесно связана как с реализацией компонентов субъекта творческой деятельности, так и с реализацией самого процесса творчества.

Структура циклов неразрывно связана с этапами творческого процесса, который описывали в своих работах: Г.С. Альтшулер, П.К. Энгельмейер, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, Я.А. Пономарев, О.К. Тихомиров, А.М. Блох, П.Н. Якобсон и т. д. При сопоставлении такого вида работ обнаруживаются некоторые различия как по линии количества выделенных этапов, так и по линии их детальной характеристики, но общее явно преобладает. Всюду выделяются последовательно сменяющие друг друга фазы: осознание проблемы, ее разрешение и проверка.

Цель построения программы: создать психолого-педагогические условия, способствующие развитию у студентов самоактуализации и характеристик субъекта творческой деятельности.

Задачи

1. Подобрать методы работы, способствующие развитию у студентов качеств субъекта творческой деятельности.
2. Продумать методы их достижения.
3. Продумать психологическое содержание творчества в рамках данного курса.
4. Учитывать этапы творческого процесса на каждом занятии.
5. Проанализировать влияние программы на такие качества личности студентов, как креативность, самоактуализация, предвосхищение результата деятельности, волевая саморегуляция, владение внешними и внутренними средствами деятельности, ориентировка в межличностных отношениях.

В целом программа имеет форму взаимосвязанных циклов и условно разделена на четыре блока. В программе четко обозначены цели и задачи не только каждого блока в общем цикле, но и каждого занятия отдельно.

Цикличность программы является не только внешней относительно программы (она представлена как один большой цикл), но и внутренней, т. е. на каждом блоке реализуется законченный цикл. Каждый блок включает в себя серию занятий от 6 до 12. Каждое занятие имеет перед собой четкую цель, которая соответствует поставленной задаче.

Как показывают результаты констатирующих срезов после прохождения студентами экспериментальной программы, обучение студентов, построенное в системе личностно-образующих циклов, доказало свою эффективность. Она способствует самоактуализации студентов в процессе учебно-профессиональной деятельности и развитию у них креативности. Особо эффективной эта программа была для студентов со сниженными показателями по уровням самооценки, самоактуализации и креативности.

Список литературы

1. Брушлинский А.В. Психология мышления и проблемное обучение. – М.: Знание, 1983. – 96 с.
2. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. – Ростов н/Д: Изд. Рост. ун-та, 1983. – 173 с.
3. Климов Е.А. Человек как субъект труда и проблемы в психологии // *Вопр. психологии.* – 1984. – №4. – С. 5–14.
4. Казанская В.Г. Педагогическая психология: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2003. – 366 с.
5. Пономарев Я.А. Исследование проблем психологии творчества. – М.: Наука, 1983. – 336 с.
6. Тютюнник В.И. Деяния как личностно-образующие циклы и единицы анализа человеческой жизни // *Вестн. Новгор. гос. ун-та.* – 1997. – №6. – С. 89–95.

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.938.363.6

Г. В. Мухаметзянова, А. Н. Грязнов

Психические особенности больных алкоголизмом и наркоманией

Статья посвящена изучению индивидуально-личностных характеристик лиц, страдающих различными видами зависимостей. Рассмотрены аддитивные показатели (риск наркотизации и алкоголизации) в группе здоровых и наркозависимых людей.

The article issues psychical characteristics of people with different addictions. Additive indicates (such as risks of alcohol and drug addictions) are studied in a group of healthy people and in a group of people with drug addiction.

Ключевые слова: алкоголизм, наркомания, поведенческие реакции.

Key words: alcohol addiction, drug addiction, behavior reactions.

Актуальность исследований индивидуально-личностных особенностей лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией возрастает в связи с возникновением проблем профессионального становления студентов, обусловленных склонностью их к аддикциям (ежедневно умирает 82 человека призывного возраста). Россия по употреблению наркотиков вышла на первое место (Б. Грызлов, 2009). Число больных алкоголизмом и наркоманией в России столь велико, что значительная часть работоспособного населения оказывается вне активной социальной жизни. Кроме того, известно, что существенную роль в реализации аддиктивных свойств личности играют генетические факторы. Все это чревато деградацией общества и его генофонда, что представляет угрозу безопасности страны. Тема исследования представляется не только актуальной, но и весьма значимой в свете катастрофической ситуации, сложившейся сегодня в российском обществе. Решение данной проблемы связа-

но с необходимостью преодоления противоречия между потребностью общества в эффективных моделях социально-психологической коррекции и реабилитации аддиктивных личностей и отсутствием целостного, системного подхода к проблемам алкоголизма и наркомании в современной психологической практике.

Исходным в нашей работе является тезис о ведущей роли и детерминирующем влиянии макро- и микросоциальных факторов в формировании аддиктивной личности, поддержании зависимого поведения и создании условий для преодоления последствий многолетней зависимости.

Выборку исследования составили 196 человек: 128 наркозависимых в период ремиссии, 38 лиц, страдающих алкоголизмом, и 30 здоровых испытуемых, не страдающих ни наркотической, ни алкогольной зависимостью. Для определения аддиктивных особенностей личности использовался тест В.Д. Менделевича «Склонность к зависимому поведению» [8], для изучения личностных характеристик – «Стандартный многофакторный метод исследования личности» (адаптирован Л.Н. Собчик). Результаты первичной статистической обработки отражены в табл. 1, 2.

Первичный анализ данных показывает, что в выборке наркозависимых по сравнению с контрольной группой и группой алкоголиков достоверно выше значения по седьмой шкале (тревожности), превышены нормативные значения по восьмой шкале (индивидуальности) и отличаются в сторону превышения от здоровых испытуемых и лиц с алкогольной зависимостью значения по девятой шкале (оптимистичности).

Наиболее ярко по данным СМИЛ в группе наркозависимых был представлен параметр индивидуалистичность (аутизация). В тех случаях, где даже незначительные фрустрации ведут к возникновению тревоги и выраженных отрицательных эмоций, компенсация достигается за счет аутизации и дистанцирования, т. е. тенденции к уходу из окружающей среды во внутренний мир и соблюдению «психической дистанции» между собой и окружением.

Таблица 1

Выборочные значения по шкалам СМИЛ (сырые баллы)

Группы испытуемых и личностные характеристики (шкалы)		Наркозависимые		Алкозависимые		Здоровые испытуемые		t-критерий Стьюдента (в сравнении со здоровыми)
		М	σ	М	σ	М	σ	
С М И Л	Лжи (L)	0	0	0	0	0	0	-
	Достоверности (F)	5,9	2,8	6,8	2,9	6,0	2,2	-0,21 (нарк.) 1,3 (алк.)
	Коррекции (K)	7,8	1,8	7,3	1,8	7,6	1,9	0,52 (нарк.) -0,66 (алк.)
	Сверхконтроля (1)	10,9	2,3	11,0	2,7	10,4	1,4	1,53 (нарк.) 1,18 (алк.)
	Пессимистичности (2)	8,7	3,2	9,8	3,4	8,6	2,7	0,17 (нарк.) 1,67* (алк.)
	Эмоциональной лабильности (3)	9,2	2,5	9,7	2,1	9,8	2,5	-1,18 (нарк.) -0,17 (алк.)
	Импульсивности (4)	11,3	2,7	12,2	3,1	11,3	2,4	0,02 (нарк.) 1,34 (алк.)
	Ригидности (6)	6,5	1,9	6,5	2,2	6,0	2,3	1,1 (нарк.) 0,9 (алк.)
	Тревожности (7)	16,5	3,6	15,1	4,9	15,4	3,0	1,74* (нарк.) -0,3 (алк.)
	Индивидуальности (8)	20,3	4,0	18,8	4,2	16,0	3,0	6,6*** (нарк.) 3,2*** (алк.)
	Оптимистичности (9)	8,0	1,9	7,2	1,5	7,2	1,7	2,3** (нарк.) 0,03 (алк.)

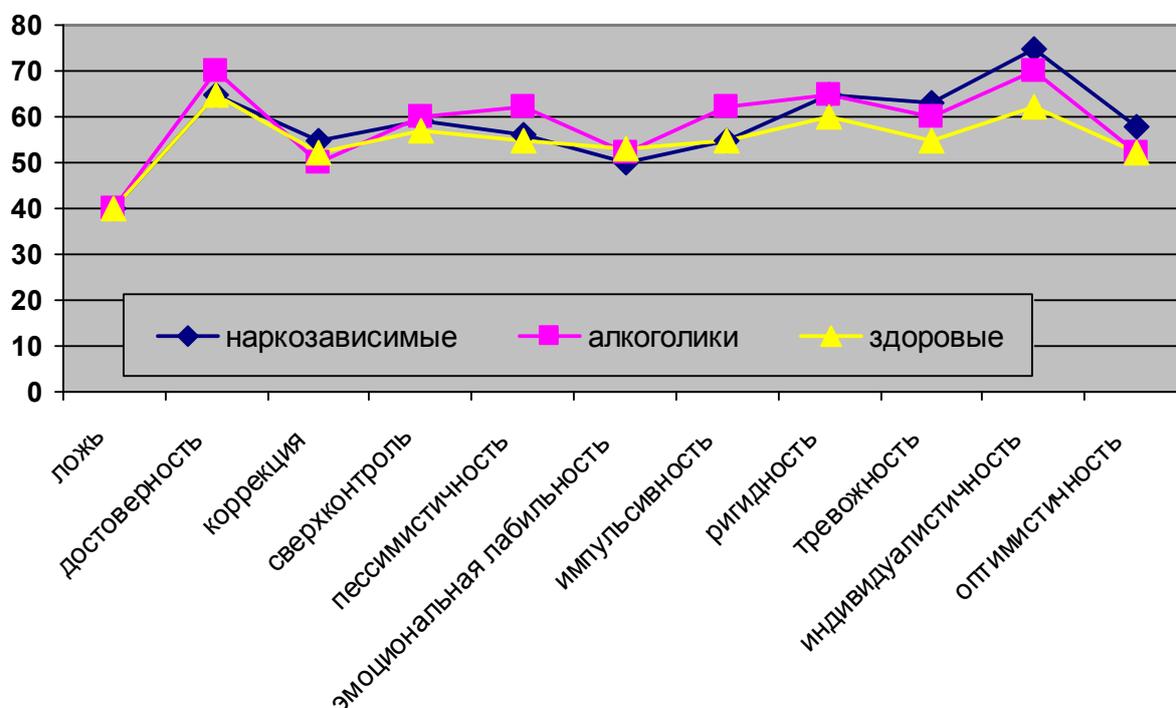

Рис. 1. Личностные профили испытуемых (Т-баллы)

Поведенческие реакции отражают такие особенности личности и межличностных отношений наркозависимых, как изоляцию в результате нарушения социальных контактов и дисфункциональности семейных связей, отсутствие глубоких интересов, внутреннюю напряженность и неудовлетворенность ситуацией, своеобразное и не всегда адекватное восприятие реальности. Для наркозависимых характерно снижение способности к интуитивному пониманию окружающих и рефлексии, проигрыванию иных социальных ролей. В связи с этим поведение таких лиц может выглядеть своеобразным, эксцентричным или надменным, лишенным естественной эмоциональной окраски, наблюдается недостаточная адекватность эмоционального реагирования. Вместе с тем им свойственны неудовлетворенность ситуацией и ранимость, которые ослабляются аутизацией и дистанцированием, выполняющими функции механизмов психологической защиты.

Перечисленные черты наркозависимых, как правило, сопровождаются коммуникативными трудностями, которые выступают и в невербальных, и в вербальных контактах. Склонность к неопределенным и расплывчатым формулировкам в значительной мере связана с тем, что вторжение социальных стимулов во внутренний мир у лиц рассматриваемого типа могут выступать как источник тревоги, напряженности, длительных отрицательных эмоций. Нарушение социальной коммуникации может приводить к отсутствию четкого представления о том, как необходимо вести себя в той или иной ситуации, чего именно ожидают окружающие. Затрудненность повседневных контактов приводит к еще большему увеличению изоляции, поскольку ситуации, требующие таких контактов, порождают или усиливают ощущение внутренней напряженности. Дистанцированность, отчужденность приводят к тому, что наркозависимые испытывают затруднения в реальной оценке ситуации и общей картины мира. Они нередко ощущают свою отчужденность, неспособность стать членом группы, к которой они принадлежат формально.

Стремление ликвидировать свою отгороженность и неспособность преодолеть коммуникативные затруднения порождает амбивалентность в отношениях с людьми, связанную с ожиданием внимания со стороны окружающих и боязнью отвержения с их стороны. В результате такие люди проявляют к окружающим то чрезмерное дружелюбие, то неоправданную враждебность, избыточно интенсивные контакты могут сменяться внезапными разрывами. Неэффективность социальных контактов обуславливает беспокойство наркозависимых по поводу принадлежности и значимости своей личности и служит основой для закрепления аддиктивного поведения.

Будучи обеспокоенными вопросами, о месте своей личности в обществе и ее значимости, наркозависимые нередко формируют круг своих знакомств и контактов таким образом, чтобы создать своеобразную среду, в которой их значимость безоговорочно признается, и предпочитают исключать из круга своего общения людей, от которых исходит негативная и тревожная информация. Намеренность такого изменения круга общения либо вытесняется, либо хорошо рационализируется. Подобного рода поведение может вести к нарастанию десоциализации. Не ощущая себя частью общества, личности описываемого типа обычно менее связаны социальными установками и считают себя вправе принимать решения, затрагивающие межличностные отношения вне зависимости от обусловленных предшествующими контактами ожиданий. Высказывания и действия окружающих, свидетельствующие об осуждении такой позиции, наркозависимые более или менее успешно игнорируют или избегают их путем прекращения общения с лицами, осуждающими их, или, наконец, прибегают ко лжи, чтобы избежать осуждения.

В тех случаях, когда нарушение межличностных связей и нарастающая аддикция сопровождаются формированием аффективно заряженной идеи или группы идей, профиль методики многостороннего исследования личности характеризуется сочетанием пиков по шестой и восьмой шкалам. Выраженные повышения профиля по этим шкалам (особенно при отсутствии подъемов по шкалам невротической триады) свидетельствуют о склонности к формированию труднокорректируемых или даже некорректируемых концепций, связанных с представлением о наличии угрожающих или опасных действий окружающих. Характерна выраженная избирательность перцепции, при которой воспринимается преимущественно информация, подкрепляющая уже сформированную концепцию. Если такой отбор информации выражен настолько, что приводит к утрате контакта с реальностью, а межличностные отношения организуются на базе некорректируемых представлений, то испытуемый с описываемым типом профиля заменяет реальное общество псевдообществом, представляющим собой совокупность его собственных проекций.

При умеренной выраженности пиков профиля по шестой и восьмой шкалам (что и наблюдалось в наших исследованиях) может отмечаться только сочетание дистанцирования, отчуждения с ригидностью, стремлением возложить на окружающих вину за нарушение межличностных отношений, жизненные трудности и эмоциональные конфликты.

Незначительное повышение в выборке наркозависимых седьмой шкалы свидетельствует о конституциональной предрасположенности в сочетании с особенностями индивидуального развития к

возникновению тревожных реакций. Низкая способность дифференцировать реально значимое и малозначимое связана с тем обстоятельством, что при высоком уровне бодрствования, характерном для состояния тревоги, отмечается изменение нормального соотношения между значимыми сигналами и фоном. Фон утрачивает нейтральность, круг стимулов, получающих эмоциональную значимость, неограниченно расширяется. Это обуславливает недостаточную способность к концентрации внимания, сомнения и колебания при необходимости принять решение, тревогу и страхи по поводу возможных последствий. Поскольку каждый новый стимул воспринимается как потенциально угрожающий, возникает стремление держаться уже известного, проверенного, представляющегося надежным.

В своей деятельности наркозависимые руководствуются главным образом не потребностью достичь успеха, а стремлением избежать неуспеха, и поведение строится так, чтобы свести к минимуму возможность неудачи. Тревожные опасения лежат в основе ограничительного поведения, которое проявляется в отказе от деятельности в ситуациях с непредсказуемым или труднопредсказуемым исходом и в создании системы правил, ограничивающих возможности выбора в ситуации принятия решения. Таким образом, механизм фиксации тревоги (в отличие от вытеснения) не препятствует ее осознанию, но позволяет сузить круг ситуаций, вызывающих тревогу, и выбрать поведение, обеспечивающее снижение уровня тревоги. По сравнению с контрольной группой наркозависимые склонны к навязчивому беспокойству, напряженности, нерешительности, пониженной помехоустойчивости.

Примечательно, что описанные выше черты у наркозависимых сочетаются с незначительным повышением по сравнению с контрольной группой профиля по девятой шкале (отрицание тревоги и оптимистичные тенденции). Тенденция отрицать тревогу выражается обычно отсутствием спонтанных упоминаний о каких-либо трудностях, которые могут ее вызывать, пренебрежением к трудностям, декларированным оптимизмом.

Для наркозависимых в период ремиссии характерны оптимистичность, общительность, активность, непринужденность в общении. Они охотно вступают в контакты и при этом производят на окружающих впечатление людей приятных, веселых, отличающихся широкими интересами и энтузиазмом, охотно высказывающих свое мнение и готовых поделиться впечатлениями.

Анализ усредненного личностного профиля наркозависимых в контексте ранее установленных особенностей ценностно-смысловой сферы и интерперсональных отношений позволяет нам сформули-

ровать основные содержательные характеристики этой специфической социальной группы (наркозависимые):

- наличие «психологической дистанции» между членами данной специфической социальной группы и окружением; наркозависимые предпочитают исключать из круга своего общения людей, от которых исходит негативная и тревожная информация;
- нарушения в сфере иных социальных контактов вне специфической группы, включая дисфункциональные семейные отношения;
- невысокая значимость для наркозависимых отношений друг с другом, дистанцированность и отчужденность внутри группы;
- неспособность стать действительным членом социальных групп, к которым они принадлежат формально, затруднения в реализации иных социальных ролей и позиций;
- специфическая социальная группа наркозависимых представляет собой своеобразную «поддерживающую» среду, в которой их значимость безоговорочно признается;
- высокий риск десоциализации, легитимность асоциальных внутригрупповых норм и установок;
- игнорирование высказываний и действий окружающих, противоречащих внутригрупповым установкам, лживость и враждебность в отношениях с представителями других социальных групп.

В усредненном личностном профиле больных алкоголизмом наблюдаются иные особенности.

Обращает на себя внимание пик профиля по шкале достоверности результатов по сравнению и со здоровыми испытуемыми, и с наркозависимыми. Этот факт может свидетельствовать как о случайном или намеренном искажении результатов исследования, так и о фрустрированности обследованных.

К недостоверному результату могут приводить изменения внимания испытуемого, но в нашем случае, вероятнее всего, повышение шкалы F в профиле алкоголиков будет связано с нонконформизмом больных алкоголизмом, обнаруживающих реакции, не характерные для нормативной группы. Учитывая одновременное повышение профиля по восьмой шкале, можно предполагать, что нарушение конформности связано со своеобразием восприятия и мышления, характерным для лиц индивидуалистического склада, испытывающих затруднения в межличностных контактах, а также с импульсивными чертами у лиц, склонных к неупорядоченному поведению или характеризующихся выраженным чувством протеста против конвенциональных норм. Однако относительно высокий уровень результата по описываемой шкале может свидетельствовать о выраженной тревожности и потребности в помощи, что также согласуется с интерпретацией профиля алкоголезависимых в целом.

Лиц, страдающих алкоголизмом, отличают от наркозависимых испытуемых и контрольной группы повышенные значения по второй и четвертой шкалам.

Вторая шкала в наибольшей мере отражает выраженность тревоги, депрессивных и пессимистичных тенденций. Тревожно-пессимистичный феномен, возникая как субъективное отражение нарушенного психовегетативного (нейровегетативного, нейрогуморального) равновесия, является наиболее интимным механизмом психического стресса и лежит в основе большей части психопатологических проявлений. Субъективно тревога переживается в виде ощущения неопределенной угрозы, характер и (или) время возникновения которой не поддаются предсказанию, диффузными опасениями и тревожным ожиданием. Соответственно, тревожный ряд в порядке нарастающей тяжести включает в себя следующие явления: ощущение внутренней напряженности – гиперестезические реакции – собственно тревогу – страх, ощущение неотвратимости надвигающейся катастрофы – тревожно-боязливое возбуждение, что может служить весьма точным индикатором неблагополучия и угрозы.

Исследования Балини М., Боулби Дж., Винникотта Д., Поттер-Эфрана Р. [1, 2, 3, 4, 9] гуморальных коррелятов тревоги также указывают на уменьшение интенсивности тревоги по мере нарастания пессимистичности. Поскольку депрессивный синдром сопровождается снижением уровня побуждений, депрессия на психологическом уровне может рассматриваться, в частности, как устранение вызвавшей тревогу фрустрации путем снижения уровня побуждений, за счет обесценивания исходной потребности.

При смене тревоги депрессией профиль обычно снижается по девятой шкале, что и наблюдается в нашем случае, причем повышение профиля по второй шкале и глубина снижения по девятой тем больше, чем больше выражены утрата интересов, ощущение безразличия, затруднения межличностных связей, недостаток побуждения деятельности, подавленность влечений. Все эти черты легко узнаваемы для лиц, страдающих алкоголизмом.

В межличностных отношениях алкоголики могут выглядеть как ушедшие в себя и избегающие контактов. Однако в действительности эти люди характеризуются выраженной симбиотической тенденцией. Уже одна угроза разрыва симбиотических связей может вызвать у таких лиц тревогу. Их уединенность и отгороженность могут отражать стремление избежать разочарования. В действительности они испытывают потребность привлечь и удержать внимание окружающих, дорожат их оценкой, стремятся приобрести и сохра-

нить их близость. Для них характерны реакции, сопровождающиеся чувством вины, гневом, направленным на себя, аутоагрессией.

Что касается четвертой шкалы, то лиц, страдающих алкоголизмом, отличает от контрольной группы и наркозависимых блокирование и нереализованность основных потребностей, в результате чего возрастает эмоциональное напряжение и неудовлетворенность качеством жизни. Как следствие, может возникать пренебрежение к принятым общественным нормам, моральным и этическим ценностям, установленным правилам поведения и обычаям. В зависимости от уровня активности это пренебрежение проявляется в гневных и агрессивных реакциях или выражении пассивности. Протест против принятых норм может ограничиваться семьей и ближайшим несемейным окружением, отношениями с коллегами, но может приобретать и генерализованный характер. Неспособность организовывать поведение в соответствии с устойчивыми интересами и целями делают поведение больных алкоголизмом плохо предсказуемым. С этим же обстоятельством, по-видимому, связано их неумение планировать будущие поступки и пренебрежение последствиями своих действий. Непосредственная реализация возникающих побуждений и недостаточность прогнозирования приводят к отсутствию тревоги и страха перед потенциальным наказанием.

В межличностных отношениях (даже наиболее интимных) лица с алкогольной зависимостью отличаются поверхностными и нестойкими контактами. У них редко возникает чувство глубокой привязанности. Они могут быть приятны в кратковременном общении, но при длительном знакомстве обычно обнаруживается ненадежность этих личностей, их склонность к дисфориям. В патологических случаях асоциальные тенденции могут проявляться в беспричинной агрессивности, лживости, сексуальной несдержанности, реализации асоциальных влечений (алкоголизм, наркомания).

Психотерапевтические и корригирующие мероприятия обычно не имеют высокой эффективности в связи с неспособностью лиц, зависимых от алкоголя, извлекать пользу из собственного негативного опыта и затруднением образования терапевтического альянса.

Сочетание повышенных значений четвертой и седьмой шкал в профиле алкоголиков объясняет трансформацию асоциальных проявлений, при которой, в отличие от наркозависимых, враждебность и протест против существующей нормы осуществляются косвенным путем и асоциальные проявления, враждебность и агрессивность касаются в основном только ближайшего окружения.

Сходным с наркозависимыми у алкоголиков оказалось сочетание черт индивидуалистичности и ригидности личности. Так же, как и наркозависимые, больные алкоголизмом имеют тенденцию к уxo-

ду из окружающей среды во внутренний мир и к соблюдению дистанции между собой и окружением, утрачивают контакт с реальностью, заменяют реальное общество псевдообществом «собутельников». Неэффективность социальных контактов обуславливает беспокойство больных алкоголизмом по поводу принадлежности и значимости своей личности и служит основой для поддержания аддиктивного поведения. Дистанцирование и отчужденность сочетаются с ригидностью, стремлением возложить на окружающих вину за нарушение межличностных отношений, жизненные трудности и эмоциональные конфликты.

Анализ усредненного личностного профиля личности алкоголика позволяет нам описать и внести в прогностическую модель следующие черты специфической социальной группы алкоголезависимых:

- вследствие подавленности и пессимистичности алкоголика в межличностных отношениях могут выглядеть как ушедшие в себя и избегающие контактов, однако в действительности они характеризуются выраженной симбиотической тенденцией: испытывают потребность привлечь и удержать внимание окружающих, дорожат их оценкой, стремятся приобрести и сохранить их близость;

- отношения специфической социальной группы алкоголезависимых с другими социальными группами детерминированы амбивалентными тенденциями: выраженной симбиотической потребностью и асоциальными установками и поведением;

- алкоголики стремятся вернуться в общество, наладить взаимоотношения с непьющим окружением, вследствие чего их специфическая группа, несмотря на дистанцированность, все-таки пытается выстраивать связи с другими социальными группами;

- среди внутригрупповых норм может возникать пренебрежение к принятым общественным нормам, моральным и этическим ценностям, установившимся правилам поведения и обычаям;

- враждебность и протест против существующей нормы осуществляются косвенным путем, и асоциальные проявления, враждебность и агрессивность касаются в основном только ближайшего окружения;

- интерперсональные отношения внутри специфической социальной группы алкоголиков характеризуются лживостью, неискренностью, заискивающей манерой общения и стремлением членов группы снискать расположение значимых «собутельников»;

- алкоголики стремятся повысить свой статус среди неалкоголиков и вернуть уважение представителей иных социальных групп, но понимают, что не всегда готовы взять на себя связанную с этим ответственность.

Общие с наркозависимыми личностные черты проявляются пиками по шестой и восьмой шкалам профиля СМЛЛ. Мы считаем, что этот факт может обуславливать следующие совпадающие характеристики специфических социальных групп алкоголиков и наркоманов (возможно, относительно их функций для потребностей зависимой личности):

- специфические социальные группы наркозависимых и алкоголиков представляют собой своеобразную «поддерживающую» среду, в которой безоговорочно признается значимость входящих в нее членов;

- специфические социальные группы аддиктов заменяют реальное общество псевдообществом «собутыльников» и «наркоманов», удовлетворяя базовые аффилиативные потребности своих членов, тем самым нивелируя тревогу по поводу социальной изоляции и отвержения;

- наличие «психологической дистанции» между данными специфическими социальными группами и другим социальным окружением;

- противоречие в той или иной степени внутригрупповых ценностей и стандартов общепринятым социальным нормам.

Таким образом, специфические социальные группы наркозависимых и алкоголиков в отношении основного отличительного признака социальной группы – включенности в более широкий социальный контекст [4] – характеризуются закрытостью, изолированностью и неинтегрированностью в систему общественных отношений. Различия между этими двумя специфическими группами незначительны и касаются в основном функций, которые выполняют внутригрупповые отношения в аддиктивном поведении членов группы: алкоголикам необходима компания для организации самого процесса приема алкоголя, замаскированного под общение, но после опьянения эти ценности теряют значимость и смысл. В то время как в специфической социальной группе наркозависимых отношения кратковременны и существуют только для добывания и приобретения наркотического вещества; при этом отсутствует даже иллюзия общения; после употребления наркотика отношения обесцениваются, потребность в них резко снижается и может быть повторно актуализирована лишь после восстановления от наркотического опьянения с целью «достать» новую дозу.

Проанализируем аддиктивные различия алкоголиков и наркоманов в социально-психологическом контексте (табл. 2).

Как видно из табл., между выборками лиц, страдающих тем или иным видом зависимости, и контрольной группой наблюдаются устойчивые статистически достоверные различия в отношении аддиктивных особенностей личности. Это говорит о том, что и нарко-

зависимые, и алкоголезависимые обладают более выраженной склонностью к зависимому поведению и более высоким риском формирования патологической зависимости по сравнению со здоровыми испытуемыми.

Таблица 2

Выборочные значения аддиктивных особенностей личности алкоголика и наркомана (методика В.Д. Менделевича, сырые баллы)

Группы испытуемых и личностные характеристики	Наркозависимые		Алкозависимые		Здоровые испытуемые		t-критерий Стьюдента (в сравнении со здоровыми)
	М	σ	М	σ	М	σ	
Склонность к наркозависимости	117,9	8,3	116,1	8,5	110,0	6,4	5,7*** (нарк.) 3,4** (алк.)
Склонность к алкоголизации	108,1	9,1	103,6	9,4	100,2	4,7	6,7*** (нарк.) 1,9* (алк.)

С одной стороны, этот факт лишней раз подтверждает валидность использованной методики на контрастных группах, с другой стороны, дает возможность рассмотреть аддиктивные особенности в связи с личностными качествами. С этой целью мы провели вторичную статистическую обработку данных методом корреляционного анализа Пирсона.

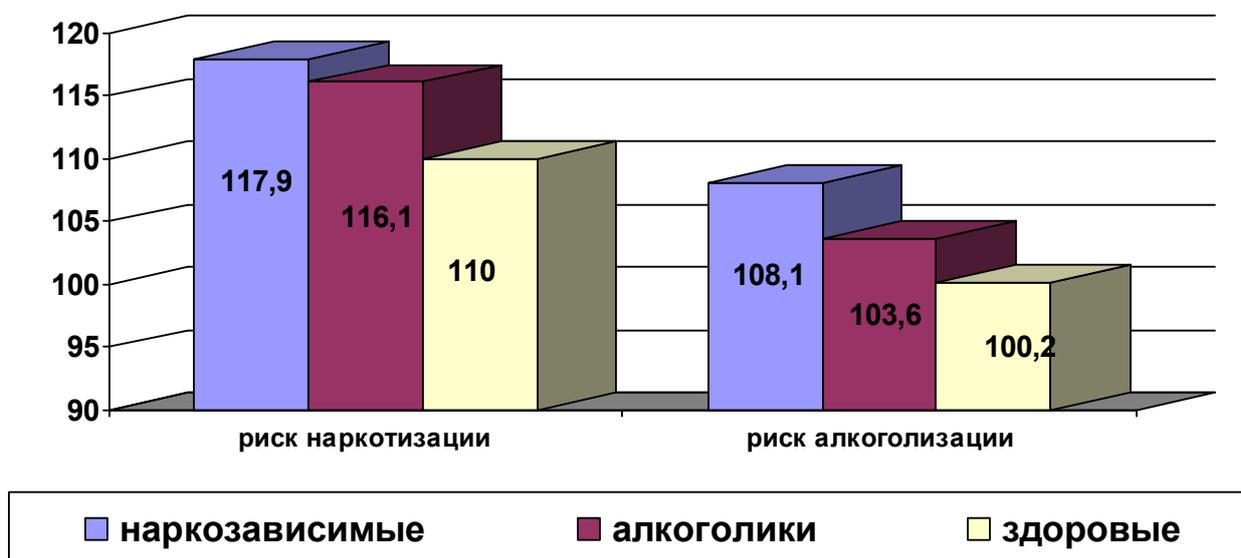

Рис. 2. Усредненные значения аддиктивных показателей в выборках алкоголиков, наркоманов и здоровых испытуемых

В выборке наркозависимых наблюдается сильная прямая связь между склонностью к наркотизации и склонностью в алкоголизации ($r=0,60$; $p<0,01$). У алкоголиков такая связь отсутствует ($r=0,05$), а в контрольной группе не достигает статистически достоверных значений ($r=0,30$).

У наркоманов не наблюдается ни одной достоверной связи между аддиктивными особенностями личности и шкалами СМИЛ. Аутизация оказалась наиболее выраженной в профиле наркозависимых и одновременно имеющей максимальное число прямых корреляционных связей со сверхконтролем ($r=0,57$; $p<0,01$), импульсивностью ($r=0,59$; $p<0,01$), ригидностью ($r=0,50$; $p<0,01$), тревожностью ($r=0,75$; $p<0,001$) и оптимистичностью ($r=0,46$; $p<0,05$). В связи с этим мы склонны считать индивидуалистические черты структурообразующими в системе личности наркозависимых. Тревожность, имеющая интеркорреляционные зависимости с пессимистичностью ($r=0,58$; $p<0,01$), сверхконтролем ($r=0,48$; $p<0,05$) и импульсивностью ($r=0,54$; $p<0,01$), на наш взгляд, является скорее следствием психоэмоционального и нервного истощения, нарастающего по мере прогрессирования заболевания.

Разумеется, что на основе корреляционных зависимостей неправомерно говорить о причинно-следственной направленности проявившихся связей, но логично было бы предполагать индивидуалистические черты в качестве преморбидных особенностей личности наркозависимых, а черты тревожности в структуре личности наркозависимых, вероятно, имеют статус коморбидных. Однако эта гипотеза нуждается в дополнительном исследовании, выходящем за рамки настоящей работы.

В выборке алкоголиков проявилось максимальное число интеркорреляционных связей (20) между шкалами профиля СМИЛ. Корреляционные плеяды в группе алкоголиков имеют многоядерную структуру, центральные позиции в которой занимают тревожность (7 достоверных корреляций), индивидуалистичность (6 статистически достоверных корреляций), импульсивность (6 достоверных корреляций), эмоциональная лабильность (5 достоверных корреляций), оптимистичность (5 достоверных корреляций), пессимистичность (5 достоверных корреляций).

В контрольной группе достоверные корреляции проявились между пессимистичностью и эмоциональной лабильностью ($r=0,45$; $p<0,05$), сверхконтролем и тревожностью ($r=0,45$; $p<0,05$), тревожность и индивидуалистичностью ($r=0,70$; $p<0,001$).

Специфические социальные группы аддиктивных личностей в отношении основного отличительного признака социальной группы – включенности в более широкий социальный контекст – характери-

зуются закрытостью, изолированностью и неустроенностью в систему общественных отношений.

Специфические социальные группы аддиктов заменяют реальное общество псевдообществом «собутыльников» и «наркоманов», удовлетворяя базовые аффилиативные потребности своих членов, тем самым, нивелируя тревогу по поводу социальной изоляции и отвержения; они дистанцированы от другого социального окружения, их внутригрупповые ценности и стандарты в той или иной степени противоречат общепринятым социальным нормам.

Различия между двумя специфическими группами наркозависимых и алкоголезависимых незначительны и касаются в основном функций, которые выполняют внутригрупповые отношения в аддиктивном поведении членов группы: алкоголикам необходима компания для организации самого процесса приема алкоголя, замаскированного под общение, в то время как в группе наркозависимых отношения кратковременны и существуют только для добычания и приобретения наркотического вещества и здесь отсутствует даже иллюзия общения.

Между выборками лиц, страдающих тем или иным видом зависимости, и контрольной группой наблюдаются устойчивые статистически достоверные различия в отношении аддиктивных особенностей личности: и наркозависимые, и алкоголезависимые обладают более выраженной склонностью к зависимому поведению и более высоким риском формирования патологической зависимости по сравнению со здоровыми испытуемыми.

Поскольку у алкоголиков и наркоманов, дефицитарны исходные основания личностных изменений – потребностно-мотивационная и коммуникативная сферы, то в процессе терциарной социализации можно опираться лишь на локальные, оставшиеся сохранными личностные фрагменты: потребность в персонификации, стремление быть принятым в группе (аффилиативные потребности), ценность семейных отношений, стремление сохранить или вернуть друзей, не злоупотребляющих алкоголем, бывших и настоящих коллег, желание быть «как все другие члены общества».

Список литературы

1. Балинт М. Базисный дефект. – М.: Когито-центр, 2004. – 124 с.
2. Боулби Дж. Привязанность. – М.: Медицина, 2005. – 141 с.
3. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Медицина, 2006. – 142 с.
4. Винникотт Д. Игра и реальность. – М.: Институт гуманитарных исследований, 2002. – 288 с.
5. Донцов А.И. О понятии “группа” в социальной психологии / А.И. Донцов // Вест. Московского гос. ун-та. – Сер. 14. – Психология. – 1997. – № 4. – С. 17-25.

6. Карпов А.М. Личные и административные ресурсы для создания межведомственной системы профилактики наркоманий / А.М. Карпов, Е.Н. Гатцук, А.Т. Бешимов // Журнал наркология. – 2003. – № 11. – С.5-7.

7. Карпов А.М. Самозащита от наркомании. Образовательно-воспитательные основы профилактики и психотерапии: 5-е изд., доп. – Казань: Татполиграф, 2002. – 52 с.

8. Менделевич В.Д. Зависимость – норма или патология? Актуальная проблема психологии на современном этапе общественного развития: сб. науч. тр. / под ред. М.Г. Рогова и В.Г. Иванова. – Казань, 2003. – 243 с.

9. Поттер-Эфран Р. Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика. – М.: Институт гуманитарных исследований, 2002. – 416 с.

10. Шайдукова Л.К. Гендерная наркология. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. – 287 с.

УДК 159.922.5

В. А. Аверин

Личностные особенности больных с заболеванием нижних конечностей¹

Представлены результаты психологического изучения личностных особенностей больных с венозной и артериальной патологией (выборка 116 человек) в сравнении с аналогичной выборкой здоровых людей. В психологическом профиле лиц с артериальной патологией ведущим психологическим синдромом является невротический; у больных с артериальной патологией – тревожно-фобический синдром на фоне психопатических и паранойяльных тенденций. Установлены статистически значимые различия в психологических профилях больных мужчин и женщин.

Here the results are given of psychological studies of the personal peculiarities of patients with the venous and arterial pathology (116 individuals were chosen) in comparison with the analogous choice of sound people. In the psychological profile of the individuals with the arterial pathology the leading psychological syndrome was neurotic one, and in the psychological profile of the individuals with the arterial pathology it was the alarm and phobia syndrome on the background of paranoia and psychopathic tendencies. The statistically significant differences are found in the psychological profiles of men and women.

Ключевые слова: психологические особенности, венозная и артериальная патология, психологический профиль, синдром.

Key words: psychological particularities, venous and arterial pathology, psychological profile, syndrome.

¹ Эмпирический материал по программе, разработанной автором, собран сотрудником СПб. научно-исследовательского института переливания крови к.м.н. Шепиловым В.В.

Необходимость психологического изучения больных обусловлено сменой традиционной патоцентрической парадигмы на саноцентрическую [1; 3].

Если патоцентрическая парадигма основывается на биомедицинской модели болезни, когда в структуре больного человека как целостного и системного образования подчеркивается лишь один – биологический – аспект, то саноцентрическая парадигма, выражающая идеи целостного, системного подхода к человеку, основывается на биопсихосоциальной модели болезни. Эта модель интегрирует социальные, психологические и поведенческие параметры болезни. При таком понимании болезни ее психологический аспект представлен наравне с патогенным. Таким образом, психологическое изучение больного, выяснение особенностей его личности и поведения, его самовосприятия и восприятия переживаемой им болезни становится необходимым условием реализации саноцентрической парадигмы.

Сказанное обуславливает необходимость психологического исследования больных с заболеванием сосудов нижних конечностей, тем более, что, по признанию многих авторов, данная патология во многих развитых странах приобретает характер национальной проблемы (по данным разных авторов этими заболеваниями страдают от 10 до 70% населения). Результаты психологического изучения могут послужить, как для целей психологической профилактики данных заболеваний, так и психологического сопровождения терапевтического и хирургического лечения больных с данной патологией.

Исследование проводилось на 116 больных с сосудистой, в частности артериальной и венозной патологией; контрольная группа состояла из 116 лиц, не имеющих сосудистых заболеваний, и соответствовала основной по возрастно-половому составу. Были использованы сокращенный вариант Миннесотского многомерного личностного опросника (MMPI) и методика измерения уровня субъективного контроля (УСК).

В настоящей статье представлены данные:

- о психологических особенностях больных с сосудистой патологией в сравнении со здоровыми людьми;
- о половых различиях в психологических профилях больных мужчин и женщин;
- о специфическом проявлении заболевания в психологическом профиле больных с венозной и артериальной патологией;
- о специфическом проявлении заболевания в психологическом профиле больных мужчин и женщин с венозной и артериальной патологией.

При сравнении психологических профилей здоровых и больных с сосудистой (венозной и артериальной) патологией в сравнении с аналогичным профилем здоровых людей были обнаружены статистически значимые различия по следующим шкалам MMPI – ипохондрии ($p < 0,001$), депрессии ($p < 0,01-0,001$), истерии ($p < 0,01$), психастении ($p < 0,05$) и шизоидности ($p < 0,05$). Наличие этих отличий по пяти из восьми клинических шкал позволяет сделать вывод о наличии специфического психологического профиля больных с артериальной и венозной патологией. Каково содержание этой специфики?

Выявленный психологический профиль можно трактовать как тревожно-фобический с достаточно выраженным ипохондрическим (невротическим) синдромом, в связи с резкими пиками по седьмой и восьмой шкалам (психастения и шизоидность ($T > 70$ стен)), а также выраженным подъемом по 1–3 шкалам. Подобный профиль характерен для лиц с высоким уровнем тревожности, вплоть до соматической тревоги.

Отсюда – повышенное внимание больных к себе, своим соматическим ощущениям, их эмоциональному переживанию, недостаточный контроль за эмоциями. Больные склонны к жалобам, пессимизму и неверию в успех медицинской помощи. Поглощенность собственными соматическими процессами провоцирует развитие скептицизма в отношении эффективности врачебных мероприятий, что затрудняет проведение терапии.

В центре внимания больных с тревожно-фобическим профилем оказываются мельчайшие оттенки испытываемых ими соматических ощущений, что не позволяет им выделить главное, существенное, отделить его от второстепенного. Больные стремятся к максимальной информированности о ситуации и к построению на ее основе собственных систематизированных планов поведения. Неспособность концентрировать внимание на главном, сомнения и колебания при принятии решений, тревога и страх по поводу возможных последствий делает их поведение ригидным, стимулирует стремление придерживаться известного, проверенного, того, что представляется им надежным. Отсюда и доминирование потребности избегания неудач, т. е. отказ от всего, что, по их мнению, не гарантирует им успеха.

Внутреннее беспокойство, напряженность и нерешительность сочетаются с трудностью в установлении межличностных контактов, с отчужденностью в поведении (пик по шкале шизоидности). Сочетание этого пика с повышением профиля по шкале ипохондрии подтверждает вывод о выраженной тревожности по поводу своего здоровья и трудностях в общении.

Отмеченные психологические особенности больных делают их весьма чувствительными к стрессовым ситуациям. Такие ситуации с их непредсказуемым исходом и динамичностью могут привести к появлению клинических нарушений, в результате чего возникают либо «навязчивые страхи», либо «ограничительное поведение» [2].

Все сказанное характерно для психологического профиля больных с сосудистой патологией в целом, но в большей степени для больных с венозной патологией. Что касается психологического профиля больных с артериальной патологией, то он значительно отличается от профиля здоровых людей по первым трем шкалам – ипохондрии, депрессии и истерии, т. е. шкалам невротической триады. И хотя степень выраженности этих шкал находится в пределах нормы (40–70 стенов), статистически значимое превышение над показателями здоровых людей свидетельствует о недостаточности физических и психологических ресурсов для реализации мотивированного поведения у лиц с артериальной патологией. У этих больных в сравнении с группой здоровых в большей степени выражена соматизация тревоги, что проявляется в декларировании ими наличия у них опасных и неизлечимых заболеваний. Им присущи: внутренняя напряженность, сниженное настроение и самооценка, пессимистическая оценка будущего. Они не склонны обращаться за врачебной помощью и потому, как правило, не предпринимают активных попыток обследования и лечения. Внешне они выглядят замкнутыми, пессимистичными, застенчивыми, избегающими контактов. В то же время они испытывают устойчивую потребность в глубоких и прочных отношениях с окружающими и при этом дорожат их оценкой.

Проведенный анализ данных позволяет сделать два важных предварительных заключения.

- Психологический профиль больных с сосудистой патологией значительно отличается от аналогичного профиля здоровых людей. Его качественное содержание позволяет определить его как неврозо-тревожно-фобический. Общим в психологическом профиле всех больных является наличие в нем невротического синдрома, что значительно отличает их от выборки здоровых людей. Развитие невротического синдрома в ходе заболевания изменяет психологический профиль больных и может отягощать терапевтический процесс.

- Обнаружены и специфические различия в психологическом профиле лиц с артериальной и венозной патологией. Если у больных с артериальной патологией ведущим психологическим синдромом является невротический, то в психологическом профиле венозных больных на фоне выраженной невротизации активно проявляется себя тревожно-аутический синдром (шкалы психастении и шизоидности).

Для целей психопрофилактики и повышения эффективности терапевтического процесса важно уяснить наличие либо отсутствие влияния пола на психологические личностные особенности испытуемых. Не подлежит сомнению положение о влиянии пола на психологические параметры мужчин и женщин. Сравнительный анализ психологических профилей здоровых мужчин и женщин обнаруживает статистически значимые различия ($p < 0,05 - 0,001$) по двум клиническим шкалам – депрессии и психопатии и одной коррекционной – шкала «F». Превышение результатов в женской выборке в сравнении с мужской по шкале F отражает их внутреннюю напряженность, недовольство ситуацией, плохо организованную активность. Это подтверждается и результатами тестирования по шкале депрессии. Женщин в сравнении с мужчинами отличает большее внутреннее напряжение, неуверенность, тревога, сниженные настроения и самооценка. Шкала психопатии, характеризующая склонность испытуемых к асоциальному поведению, выступает индикатором в отношении мужчин. Поскольку средние значения для обеих выборок находятся в пределах нормы, речь не идет о собственно асоциальном поведении мужчин, а лишь о тенденциях, более характерных для их поведения. Они проявляются в том, что здоровые мужчины более явно, чем здоровые женщины склонны пренебрегать принятыми нормами, этическими ценностями, установленными правилами и обычаями.

Обнаруженные различия между здоровыми мужчинами и женщинами наиболее ярко проявляются при сравнении психологических профилей больных мужчин и женщин. Статистически значимые различия обнаруживаются уже по шести из девяти клинических шкал. Таким образом, заболевание выступает в качестве мощного фактора, стимулирующего проявление межполовых личностных различий. Поскольку предыдущий анализ выявил специфику личностных особенностей больных с артериальной и венозной патологией, последующий психологический анализ должен носить дифференцированный характер с учетом патологии и пола.

С целью индивидуализации терапии больных с артериальной и венозной патологией необходимо уточнить специфику психологических проявлений отдельно у мужчин и женщин. Сравнение психологических профилей больных мужчин и женщин соответственно с артериальной и венозной патологией показывает что в обоих случаях “женский” профиль ММРІ выше “мужского”. При этом статистически значимые различия на пятипроцентном уровне в группах больных с артериальной патологией имеются по трем шкалам: коррекционной – «L», депрессии и психастении, а в группах больных с венозной патологией по двум шкалам – психастении и гипомании.

Очевидно, что в обеих женских выборках заметна тенденция больших психологических изменений, чем в мужских. Обнаруженные ранее невротический и тревожно-аутический синдромы в большей степени проявляются в группах больных женщин. Значимыми индикаторами этих синдромов являются шкалы депрессии, психастении и гипомании. Женщины с артериальной патологией в сравнении с мужчинами оказываются более напряженными, неуверенными, тревожными с выраженными депрессивными тенденциями (шкала депрессии). Все эти характеристики усиливаются тревожно-фобическим синдромом (шкала психастении). У этих больных можно наблюдать наличие навязчивых страхов и наиболее частые из них – страхи смерти и одиночества. Для женщин с артериальной патологией в большей степени, чем для мужчин характерна склонность к навязчивому беспокойству, напряженности, нерешительности, сниженной помехоустойчивости. Высокий уровень напряженности, тревоги и нерешительности приводят к изменениям в поведении этих больных. Они выражаются в ослаблении контроля, слабом соблюдении социальных норм и правил (шкала «L»). Все это может быть компенсировано максимальной информированностью их о ситуации и построении на основе этой информации подробных и систематизированных планов поведения.

Что касается больных с венозной патологией, то здесь различия между мужской и женской выборками в целом аналогичны рассмотренным выше. Отличие лишь в том, что наряду с высокой тревожностью женщинам с венозной патологией присущи высокая активность, легкость совершаемых ими поступков, часто недостаточно продуманных. В сочетании с высокой тревожностью это приводит к постоянным сомнениям в правильности сделанного, что стимулирует чувство вины и сожаление о совершенном, но при этом не изменяет их поведения в будущем.

Другой аспект психологической характеристики больных с артериальной и венозной патологией заключается в сопоставлении их психологических профилей. Психологический профиль больных с артериальной патологией выражен сильнее в сравнении больными с венозной патологией. При этом акцент в психологическом профиле больных с артериальной патологией приходится на шкалы невротической триады. В мужской выборке различия между психологическими профилями больных с разными патологиями выражены меньше, в женской – больше. И еще одно интересное наблюдение. В обеих выборках превышение психологического профиля больных с венозной патологией наблюдается по шкалам психопатии и паранойи (у женщин эта тенденция более заметна). Рост психопатических и паранойяльных тенденций у больных с

венозной патологией и их отсутствие у больных с артериальной патологией позволяет высказать предположение о специфическом воздействии данной патологии на личностные особенности больных.

Совокупное повышение профиля по этим шкалам у больных с венозной патологией, а также ранее отмечавшееся повышение профиля по шкалам психастении и шизотимии можно охарактеризовать как психотические изменения личности больных.

Известно, что фактор психотизма является одним из трех факторов модели личности Г. Айзенка. В отечественной литературе он описан В.М. Мельниковым и Л.Т. Ямпольским [4]. Для лиц с психотическими особенностями характерны аутизм, обособленность и отгороженность от окружающей среды. Они видят мир не таким, каков он есть, а каким они его придумали. Сложна и необычна эмоциональная жизнь этих людей; она слабо зависит от реальных событий, равно как и их мышление. Каждое событие порождает одновременно множество противоречивых эмоций, что стимулирует и поддерживает постоянный внутриличностный конфликт. Психотическая личность постоянно возбуждена и напряжена, вне зависимости от степени напряженности реальной ситуации. Как отмечают В.М. Мельников и Л.Т. Ямпольский, это хроническое напряжение может без внешнего повода прорываться. Все сказанное позволяет заключить, что психологический профиль больных с венозной патологией включает два личностных синдрома – невротизма и психотизма. По мнению В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского сочетание этих двух синдромов порождает такую ведущую особенность личности как «мимозоподобность»: болезненную ранимость и впечатлительность. Робкие, стеснительные и боязливые такие больные постоянно испытывают страхи и беспокойство, они не верят в свои силы и не умеют налаживать контакты с окружающими, отстаивать свои интересы и добиваться поставленных целей. Спасаясь от ранящей их действительности, они уходят в свой вымышленный мир и в своих фантазиях как бы компенсируют себя за неудачи в реальном мире.

На наш взгляд, развитию психотических черт личности способствует, прежде всего, длительность самого заболевания. По нашим данным длительность заболевания больных с венозной патологией в два раза превышает длительность заболевания у больных с артериальной патологией (8 лет и 16 лет по всей выборке в целом). Если у мужчин с венозной патологией она составляет 13,7 лет, а с артериальной 8,5 лет, то у женщин соответственно 16,9 и 6,4 лет! Последнее обстоятельство особенно выразительно, поскольку явления психотизма наиболее отчетливо прослеживаются у женщин с венозной патологией.

Как отмечалось выше, артериальная патология имеет более тяжелые психологические последствия для пациента, чем венозная. Она способствует большей невротизации личности больных, возникновению у них высокого уровня тревоги. В то же время относительная скоротечность этого заболевания не затрагивает другие сферы личности. У больных с венозной патологией также отмечается синдром невротизации. Однако длительность заболевания, связанные с этим переживания приводят к росту аутизации, ухудшению и нарушению социальных контактов, росту эгоистических побуждений, в целом – к вышеописанным психотическим изменениям. Сразу же оговоримся: говоря о психотическом синдроме в психологическом профиле больных с венозной патологией, мы скорее подразумеваем лишь достаточно выраженные тенденции его возникновения.

С целью уточнения представлений о влиянии той или иной патологии на психологические изменения в личности больных проанализируем сравнительные данные о психологических профилях здоровых и больных мужчин и женщин.

В группе мужчин наибольшие статистически значимые различия обнаруживаются между здоровыми и больными с артериальной патологией. Практически отсутствуют значимые различия между здоровыми мужчинами и больными с венозной патологией.

Аналогичная картина обнаруживается и в женской выборке. Выявлены статистически значимые различия между здоровыми и больными женщинами с артериальной патологией и их отсутствие между здоровыми и больными с венозной патологией. Таким образом, артериальная патология выступает значимым фактором личностных изменений. В обоих случаях эти изменения касаются шкал невротической триады – ипохондрии, депрессии и истерии. Все это указывает, что артериальная патология наиболее тесно связана с возникновением в личности больных синдрома невротизации.

Что касается венозной патологии, то ее влияние на личностные изменения менее выражено. Тем не менее, особенно в женской выборке, можно наблюдать выраженную тенденцию повышения значений по шкалам психопатии, паранойи, психастении, шизотимии и гипомании.

Цели психологической профилактики больных с артериальной и венозной патологией, равно как и цели психологического сопровождения терапевтического и хирургического лечения больных с данной патологией обуславливают необходимость их психологического исследования.

1. Психологический профиль больных с артериальной и венозной патологией значительно отличается от аналогичного профиля здоровых людей. Общим в психологическом профиле всех больных является наличие в нем невротического синдрома, что значительно от-

личает их от выборки здоровых людей. Последнее позволяет выдвинуть предположение о психосоматическом аспекте в генезе данных заболеваний.

2. Обнаружены и специфические различия в психологическом профиле лиц с артериальной и венозной патологией. Если у первых ведущим психологическим синдромом является невротический, то в психологическом профиле вторых на фоне выраженной невротизации активно проявляет себя тревожно-аутический синдром.

3. Выявлено влияние фактора пола на психологический профиль больных мужчин и женщин. Статистически значимые различия обнаружены по шести из восьми клинических шкал. Таким образом, заболевание выступает в качестве мощного фактора, стимулирующего проявление межполовых личностных различий.

4. Влияние патологии на психологические изменения в личности больного сильнее в группе женщин, нежели мужчин. При этом у женщин с артериальной патологией в большей степени, чем у мужчин выражены показатели по шкалам депрессии и психастении (тревожности). У женщин с венозной патологией в большей степени, чем у мужчин выражены показатели по шкалам психастении и гипомании.

5. Установлена различная степень влияния вида патологии на психологический профиль больных. Наибольшие психологические изменения наблюдаются в личностном профиле мужчин и женщин с артериальной патологией. В психологическом профиле личности больных с этой патологией в качестве ведущего выделяется невротический синдром.

6. Венозная патология оказывает меньшее влияние на изменения в личностном профиле больных в сравнении с артериальной. У больных с венозной патологией выделяются два синдрома: невротический и психотизма. Одной из причин возникновения психотических изменений в личности больных с венозной патологией является длительность заболевания. Наиболее отчетливо тенденция психотических изменений наблюдается в женской выборке больных с венозной патологией.

Список литературы

1. Аверин В.А. Психология в структуре высшего медицинского образования: дис. ... докт. психол. наук. – СПб., 1997. – 322 с.
2. Березин Ф.Б., Мирошников М.Г., Рожанец Р.В. Методика многостороннего исследования личности в клинической медицине и психогигиене. – М.: Медицина, 1976. – 186 с.
3. Гуревич И.Н. Социальная психология здоровья: дис. ... докт. психол. наук. – СПб., 1998. – 316 с.
4. Мельников В.М., Ямпольский Л.Г. Введение в экспериментальную психологию личности: учеб. пособие для слушателей ИПК преподавателей пед. дисциплин университетов и пед. институтов. – М.: Просвещение, 1985. – 319 с.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159.922.1

А. Н. Волкова, Е. Г. Якушенко

Одинокое материнство: психологический портрет проблемы

В статье рассматривается материнская семья как современный портрет проблемы массовой разводимости. Сопоставляются современные материнские семьи с традиционными, где взаимодействие между членами полноценно влияет на формирование личности ребенка.

The article issues mother's family as an example of commonly modern encountered problem. Mothers' families are comparing with traditional families, in which their members' interaction influences positive on child's development.

Ключевые слова: материнская семья, гендерное одиночество, ювенильное материнство, развод, разводимость, повторный брак.

Key words: mother's family, gender's solitude, juvenile maternity, divorce, divorce's frequency, re-marriage.

Последние десятилетия все более актуальной становится проблема одинокого материнства. Особенно это важно в сложной современной демографической ситуации. Возрастает количество неполных материнских семей, формируется нежелание молодых людей иметь детей, число проводимых абортов по-прежнему остается высоким. Данные факты свидетельствуют о необходимости более внимательного отношения к проблемам женщин репродуктивного возраста. По результатам социологических исследований наибольшее и увеличившееся распространение материнская семья получила среди 15–19 летних подростков и женщин после 35 лет. В результате возникает вопрос о достаточности поддержки со стороны общества женщин, решивших по каким-либо причинам воспитывать ребенка (детей) самостоятельно.

Развод является одним из радикальных способов прекращения существования полной семьи. В результате развода образуется семья, обозначаемая термином «неполная», в которой все функции, возлагаемые в полной семье на обоих супругов (воспитание, социализация, обеспечение детей и т. д.), юридически передаются одному родителю, чаще всего матери. «В России, после развода

дети остаются с матерью в 80% случаев расторжения брака» [5, с. 13].

Нас развод интересует как жизненное обстоятельство, оказывающее влияние на жизнедеятельность всех членов семьи. Ниже мы покажем, что развод является серьезным патогенным фактором, оказывающим неблагоприятное влияние на развитие членов распавшейся семьи и провоцирующий у них различные психологические, клинические и социальные нарушения.

Развод как результат разрушения семьи носит многоаспектный характер (юридический, социальный, демографический и т.д.) и оценивается специалистами неоднозначно.

С юридической стороны развод представляет собой «...полное прекращение основного, специфического круга взаимных отношений между супругами, несмотря на сохраняющиеся иногда определенные связи между ними (помощь в содержании, совместная ответственность за воспитание детей и другое)» [10, с. 329].

С точки зрения социума развод, как и неполная семья, ребенок без отца – феномен, который можно считать острой социальной проблемой, где нестабильный брак или нарушения в супружеских отношениях зачастую являются его причиной и предвестником. В рамках христианской цивилизации развод для общества на протяжении многих лет оставался либо запретным, либо исключительным событием. Законодательно разрешенный в прошлом столетии в большинстве промышленно развитых стран развод, как пишет С.И. Голод (1998), тем не менее, до середины 60-х гг. воспринимался общественным мнением как явление маргинальное, накладывающее на тех, кто к нему прибегал, самое настоящее клеймо. Данная точка зрения на развод обосновывается, тем, что «...общество заинтересовано в стабильности семейных отношений, так как это обеспечивает здоровые взаимоотношения супругов, благотворно сказывается на воспитании детей, облегчает решение целого ряда социальных проблем (жилье, социальное обеспечение, трудоустройство и т. д.)» [6, с. 23]. В то же время развод является средством борьбы с неблагоприятным влиянием неудачного брака на всех членов семьи.

Демографы (Королев Ю.А., 1991; Лебедев О.Е. и др., 2002; Маликов Н.С. и др., 2001) изучают массовый процесс расторжения браков у населения, то есть разводимость, с точки зрения ее влияния на процессы воспроизводства населения, на формирование брачно-семейной структуры общества. Демографические исследования в последние десятилетия в России показывают, что ситуация в развитии брачно-семейных отношений представляется неутешительной. Многократный рост уровня разводимости, который в России и почти во всех европейских странах измеряется уже 25–45 и более процен-

тами от общего числа заключенных браков, становится неотъемлемой частью современного общества. Современные демографы (Гуд У., 2000; Русел Л., Келлерхальс Дж., Рэйс А., 1998) считают, что происходит радикальная трансформация природы брака, которая и делает развод нормальным явлением, его атрибутом. Наряду с этим в обществе «происходит далеко не полная компенсация разводов повторными браками, высокий удельный вес неполных семей и детей, воспитывающихся без одного из родителей, трудности, которые эти дети испытывают в процессе социализации, и их непропорционально большой вклад в преступность несовершеннолетних» [10, с. 36].

Психологи (Gottman J. M., Levenson R. W., 2002; Booth A., 1999) считают, что высокий уровень разводимости в обществе влияет на нераспавшиеся, и даже на вполне благополучные семьи. Во многих из них супруги осознают потенциальную возможность развода, что провоцирует многих людей строить свои супружеские отношения как временные. В свою очередь подобные взгляды людей проявляются в ориентации женщин на стремление добиться профессиональных успехов и надежного источника существования вне дома. Вероятно, поэтому в современной России все больше увеличивается число расторгнутых браков по инициативе женщин.

Нередко расторжение брака интерпретируют как трагедию, свидетельство дезорганизации семьи, обращая внимание исключительно на негативные последствия, особенно сказывающиеся на детях. В то же время, по мнению С.И. Голода (1998), развод рассматривается как важный компонент современной семейной системы, который способствует предотвращению перманентного конфликта в обстоятельствах совместного проживания двух взрослых людей или как необходимый шаг для реорганизации семьи в тех случаях, когда сохранить семью в прежнем составе и структуре невозможно. В таких случаях развод может играть положительную роль.

Такое неоднозначное представление о влиянии развода на членов распадающейся семьи вызывает серьезный интерес к разнообразному спектру переживаний, сопровождающих его.

Чаще считается, что развод родителей для детей является травмирующим событием, которое может привести к формированию комплекса психологической травмы. Например, одним из проявлений у детей данного феномена исследователи называют комплекс сиротства (переживания одиночества, слабая способность к близким отношениям, незащищенность и др.), что выражается в трудности создания семьи в будущем, в построении гармоничных семейных отношений и отношений с другими людьми.

Как у отцов, так и у матерей, по мнению Д.Р. Кингма (2005), могут происходить изменения во взаимоотношениях с детьми, которые выражаются в снижении внимания к воспитательным функциям, либо в сверхзаботе о детях. Последнее характерно для покинутых жен-матерей, которые в сверхзаботе находят утешение, в связи с неудавшимся браком или как подтверждение собственной полноты.

Таким образом, можно выделить комплекс специфических реакций детей и родителей, отражающихся в поведенческих, эмоциональных, познавательных проявлениях, подтверждающих, что развод может рассматриваться как вид психологической травмы. Наличие и виды реакций на факт развода, ее адекватности, наличие девиаций как неадаптивного реагирования на фрустрацию, вызванную разводом, а также тип приспособительного поведения, безусловно, зависят от личности разводящихся супругов, их умения провести процедуру расставания.

В.А. Сысенко (1997), автор исследований по проблемам устойчивости семьи и супружеских конфликтов, в результате анализа последствий развода делает выводы о следующих возможных последствиях:

1. Снижение рождаемости. Возможности деторождения разведенных женщин остаются нереализованными, что крайне отрицательно влияет на процессы расширения воспроизводства населения. Супруги, расторгнувшие брак стремятся не оставаться в одиночестве, через определенное время они заключают новые браки и создают новые семьи. Чаще вступает в новый брак мужчина; несколько реже – женщина, особенно оставшаяся с ребенком.

Однако если повторный брак и восполняет потери в рождаемости, вызванные прекращением первого брака конкретной женщины, то потери, связанные с тем, что во второй брак вступают не все разведенные женщины в поколении, он, конечно, восполнить не может. Большая часть разведенных мужчин и женщин не имеют возможности или желания вступить в повторный брак, а значительная часть разведенных женщин, имеющих детей, совсем не вступает в повторный брак.

2. Ухудшение условий семейного воспитания, рост безотцовщины при живом отце увеличивает вероятность отклоняющегося поведения среди подростков. С ростом разводимости возникает ряд проблем не только количественной, но и качественной стороны воспроизводства населения, формирования всесторонне развитой личности. То, что развод играет здесь и положительную роль, как избавление от необходимости находиться в неблагоприятной атмосфере семейных конфликтов, не снимает этих проблем. Значительная часть разведенных женщин вынуждена воспитывать детей

самостоятельно. Это не всегда положительно отражается на личности ребенка. В последнее время в стране по данным Госкомстата ежегодно расторгается примерно 800 тысяч браков, в результате около 400 тысяч детей остаются без одного из родителей.

3. Вследствие разводов увеличивается численность неполных семей, в которых ребенок воспитывается одним из родителей. В них создается специфическая система отношений между матерью и ребенком, «...формируются образцы поведения, представляющие собой в некоторых отношениях альтернативу нормам и ценностям, на которых основывается институт брака» [8, с. 18].

4. Падение производительности труда.

ухудшение показателей здоровья, увеличение заболеваемости и смертности; рост алкоголизации, риск невротического развития, депривации личностно значимых потребностей.

5. Увеличение суицидальных исходов.

6. Увеличение риска психических заболеваний. Развод создает травмирующие ситуации, способные вызвать нервно-психические расстройства как у родителей, так и у детей.

В виду того, что развод является серьезным патогенным фактором и создает своеобразную социальную ситуацию развития, в которой находится ребенок, рассмотрим, насколько разведенная мать, являющаяся основным воспитателем в неполной семье, может обеспечить полноценное и развитие своих детей.

Хотя существуют неполные семьи, возглавляемые отцом, и особенности развития в такой семье отличаются от особенностей материнских семей, но мы рассматриваем особенности материнских семей, так как это наиболее частая модель неполной семьи, образующаяся в результате развода супругов.

Проблема семей одиноких матерей в нашей стране сама по себе не нова, но работ, посвященных этим семьям, немного, причем большинство из них написано на основе материалов исследований дореформенного периода и касаются в основном социальных и психологических аспектов жизнедеятельности неполной семьи.

Структура неполной семьи, в которой женщина выступает в роли и основного источника благосостояния членов этой семьи, и основного воспитателя детей, приводит к возникновению своеобразного комплекса проблем, как у самой женщины, так и у воспитываемых ею детей.

Патогенное влияние развода на женщину достаточно велико. Наиболее уязвима при разводе женщина, у которой остаются дети. Условно все проблемы, с которыми сталкивается одинокая мать можно разделить на клинико-психологические, психолого-

педагогические и социально-экономические. В зависимости от степени выраженности данных проблем зависит уровень адаптации после развода, как самой матери, так и детей, воспитываемых ею.

В ситуации развода супругов психоэмоциональное и физическое состояние женщины может меняться в зависимости от степени ее подготовленности к факту развода, периода распада семьи. Наибольшему неблагоприятному воздействию в ситуации развода у женщины подвержены психоэмоциональная и соматическая сферы.

По мнению А.В. Семеновой (2002), в предразводной ситуации, которая, как правило, сопровождается конфликтами, большинство матерей испытывают нервно-психическое перенапряжение. Пока еще неофициальный разрыв супружеских отношений тяжело сказывается на нервном состоянии матери, она может длительное время пребывать в состоянии хронического стресса, что отражается на ее общем самочувствии, взаимоотношениях с детьми и родственниками.

Во время развода большинство женщин испытывают состояние эмоционального стресса. Он проявляется высокой тревожностью, внутренней напряженностью, повышенной раздражительностью, возбудимостью в условиях семейных проблем в распадающейся семье, общей неустроенности, затем утомляемостью и сниженным фоном настроения, неуверенностью и нерешительностью, пессимизмом.

Мать, находящаяся в постоянном эмоциональном стрессе, чаще представляет источник повышенного беспокойства для ребенка, особенно когда испытывает тревогу предстоящего одиночества после развода. Тогда, в случае «чрезмерной опеки ребенка, мать в буквальном смысле слова "привязывает" его к себе, делая зависимым от собственного настроения, тревожно предохраняя от воображаемых, несуществующих опасностей» [8, с. 23]. В ситуациях посещения ребенком детского сада, школы он испытывает каждый раз все большее беспокойство, если остается без матери, легко теряется, волнуется и боится. Вместо активности и самостоятельности у ребенка развиваются пассивность, зависимость, «цепляние» за мать и подобные им черты поведения. В итоге, можно говорить о формировании так называемой невротической привязанности, основанной на тревожности матери и аффективно заостренной потребности детей в безопасности.

Amato P.R. (2000), Forehand R., Armistead L., David C. (1997) считают, что подобные трудности в развитии ребенка в свою очередь отрицательно сказываются и на формировании полноценного чувства привязанности, реализации потребности в безопасности у детей особенно младшего возраста, подрывая формирование дове-

рия к окружающему миру, создавая характерный эффект эмоциональной депривации.

По данным исследователей (Исаев Д.Д., 2000; Amato P.R., 2000) дети, болеющие неврозами, имели проблемы эмоционального контакта с матерью, обусловленные особенностями воспитания, как до развода, так и после него. Матери в предразводный период, с одной стороны, могут чрезмерно опекать и тревожиться за ребенка, а, с другой – страдают гипертрофированным чувством долга, повышенной принципиальностью и снижением душевности в контактах. Следствием стресса матери и ее беспокойства становится появление у детей ответного беспокойства.

Кризис отношений с супругом для женщины вовсе не заканчивается с расторжением брака, разрыв с мужчиной всегда переживается трудно. В переживаниях женщины не имеет значения, по каким причинам пришли к концу взаимоотношения между супругами. Даже если решение разойтись является единственно верным, женщине не удастся избежать болезненных переживаний и сомнений. Личностные проблемы у нее не только не уменьшаются, чаще всего они возрастают, это касается и тех женщин, которые активно добиваются развода. Чувство обиды, страх перед будущим, гнев и ненависть к бывшему супругу, а часто – бессознательно – и по отношению к детям, обнаруживаются в каждом разводе.

Часто агрессивное поведение матери, ее ребенка непосредственно связано с разводом. Душевные перегрузки матери влекут за собой частые смены настроения. В момент стресса самые обычные повседневные запросы детей могут вызвать у нее ощущение, что к ней проявляют чрезмерно высокие требования. Для большинства матерей развод – это своего рода попытка нового начала жизни. Но чем больше прошлое напоминает ей о ее несостоятельности, тем больше она проявляет по отношению к своему ребенку чувство гнева, стыда, ведь он на всю жизнь остается «репрезентантом» этого прошлого.

Это отражается и на внутреннем мире матери, здесь может произойти ухудшение характера в сторону психопатии. Иногда необходимость заменить в семье отца для ребенка провоцирует развитие в характере женщины чисто мужских качеств: жесткости, скупости в проявлении чувств по отношению к ребенку, требовательности и так далее.

Беспокойство доставляет и соматическая сфера после развода. Проблемы со здоровьем чаще наблюдаются у тех женщин, которые не сами стали инициаторами развода, а которые были оставлены мужьями. Психосоматические нарушения у разведенных женщин включают в себя главным образом функциональные колебания ар-

териального давления, головные боли (чаще, чем в норме, мигреноподобного характера), боли в области сердца, нарушения со стороны желудочно-кишечного тракта (гастрит, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, дискинезии желчевыводящих путей), а также нарушения сна.

В неполных семьях при выраженности собственных проблем у матери (например, эмоциональной неудовлетворенности и напряженности), трудностей во взаимоотношениях с оставшимися без отца детьми, «индекс невротизации у матерей мальчиков достоверно выше, чем у матерей в полных семьях» (Эйдемиллер Э.Г., 2005).

Ряд специалистов (Алешина Ю., 1999; Бестужева-Лада С., 2002; Видра Д.О., 2000) при оценке отношений матери с детьми в неполной семье по сравнению с полной, отмечают, что взаимоотношения матерей с мальчиками более, а с девочками – менее конфликтные. Матери в неполных семьях чаще оценивают своих детей независимо от пола как более упрямых.

Таким образом, мальчики из неполных семей находятся в более неблагоприятной жизненной ситуации, чем девочки. Положение осложняется еще больше, если мать была конфликтна со своим отцом в детстве и сын походит на мужа, с которым она длительное время также была в конфликтных отношениях. Закономерным откликом на отсутствие эмоционального признания и понимания со стороны матери будет появление у мальчиков аффективных расстройств преимущественно истерического круга.

По данным зарубежных исследователей (Gardner R. A., 1999; Hetherington E. M., 1993; White L.K., 1995; Dunne J., Hedrick M., 2001), некоторые женщины не справляются со сложной жизненной ситуацией, возникающей в результате развода. У женщин меняется отношение к жизни, к своему ребенку вплоть до крайних случаев: алкоголизма матери, беспорядочности в сексуальных отношениях и других форм асоциального поведения, практической отстраненности матери от ухода за ребенком и его воспитания. Одной из причин таких ситуаций может быть недоброжелательное отношение к ребенку, являющемуся для женщины напоминанием о ее неудачах в личной жизни.

«Особенно противоречивы чувства матери к ребенку, если он сильно напоминает ей бывшего мужа, которого она так хотела бы забыть навсегда» (Вроно Е.В., 1998).

Иногда женщина сталкивается и с другим видом переживаний по поводу развода. После развода волей-неволей она начинает переоценивать многие вещи, сравнивая новых людей и события, которых им раньше не хватало, с тем, что у них уже было во взаимоотношениях с бывшим супругом. Часто случается, что женщина находит разорванную связь действительно важной и нужной,

понимает, что заменить ее ничем нельзя. В лучшем случае, женщина находит возможность сойтись с мужчиной, но гораздо сложнее женщине адаптироваться к новой жизни, если ее бывший супруг уже обрел свое счастье с другой женщиной. В этой ситуации ей сложнее восстановить самооценку.

Перед разведенными женщинами обычно стоит проблема адаптации к новому образу жизни. Часть женщин в этой ситуации «восстанавливаются» быстрее, чем мужчины в подобной ситуации, так как с ними обычно остаются дети, и им после развода приходится решать больше проблем. Часто женщины, которые недавно развелись, обычно указывают на то, что «стали спокойнее», «больше уделяют внимания и времени ребенку», «стало легче жить», хотя некоторым «стало не на кого опереться», «трудно без мужчины в доме» [7, с. 56].

Некоторые женщины, по мнению О.А. Гаврилицыной (1998), оставшись с детьми после развода, теряют уверенность в себе, не верят в перспективу повторного брака, либо просто не могут пережить расставание с супругом и здесь как наиболее страшное последствие выступает пристрастие женщины к алкогольным напиткам. Женский алкоголизм существенно отличается от мужского алкоголизма, так как он развивается намного быстрее и дает наиболее серьезные разрушения, как в организме женщины, так и в ее психике.

Отсутствие регулярной половой жизни у разведенной женщины, случайные половые связи также могут приводить к различным соматическим проблемам в организме. Длительное воздержание в половых отношениях не на всех женщин влияет положительно. По мнению М.Л. Крымской (1989), застой крови в половых органах провоцирует развитие онкологических заболеваний, гормональные нарушения и так далее. Случайные половые связи, как правило – это риск заражения венерическими заболеваниями, что для любой женщины наносит большой вред не только для жизнедеятельности организма, но и создает проблемы психологического характера. Часто женщина после перенесенного венерического заболевания становится осторожной в общении с мужчинами, а это в свою очередь затягивает процесс вступления в повторный брак.

Неудовлетворенность одинокой женщины, ее обиды на бывшего мужа, опасения в отношении с противоположным полом проецируются на будущее дочерей. В ситуации, когда матери пытаются наладить свою личную жизнь и меняют несколько партнеров, либо начинают воспринимать мужчин как дополнительный источник существования, дочери усваивают именно такой стиль общения с мужчинами, то есть рассматривают поиски материальной выгоды из

контактов с противоположным полом или неразборчивость в сексуальных отношениях как норму.

«Проблемы социального и экономического характера также способствуют возникновению различного рода негативных проявлений в поведении у матери» [7, с. 19]. Наиболее типичная проблема неполной семьи – материальная. Основная «кормилица» – женщина в большинстве случаев не в состоянии содержать себя и ребенка на высоком уровне. Некоторые одинокие матери, получив свободу от пьющих мужей, зарабатывают более чем хорошо, а иные находятся на грани потери работы, а значит – и полной нищеты.

Архангельским В.Н. (2002) выявлено, что преобладающее большинство одиноких матерей занимают низкооплачиваемые должности в бюджетных организациях или на государственных предприятиях с целью сохранения социальных гарантий. Это в свою очередь порождает снижение уровня самоуважения у женщин и снижает уважение со стороны детей (чаще дочерей-подростков) к матери.

К снижению материального уровня жизни у разведенной матери добавляются физические перегрузки дома и на работе. Все это приводит к социальной изоляции: на свободное общение и развлечения не остается ни времени, ни свободных средств и жизнь матери постепенно приобретает оборонительный характер. В результате ребенок может стать заложником социальной изоляции матери, так как матери не способствуют развитию навыков социальных контактов ребенка с окружающим миром.

Цветкова Н.А. (2005) обращает внимание на проблемы семьи разведенных женщин, тесно связанные с предыдущими – совмещение профессиональной и родительской ролей. В тех случаях, когда одинокая мать не получает помощи по уходу за ребенком со стороны родственников, ей приходится работать полный рабочий день, что сказывается на воспитании детей.

Трудности, возникающие у матерей при воспитании ребенка, и собственно проблемы ребенка, растущего в неполной семье, являются специфической проблемой одинокого материнства. Большое количество исследований (Бойко В.В., Оганян К.И., 1999; Бондарская Г.А., 1999 и др.) затрагивают сложные деформации в воспитательном процессе в разведенных семьях.

Причины проблем в воспитании ребенка у одиноких матерей разные. Часто одинокая мать располагает меньшим количеством времени на воспитание ребенка, поскольку она должна постоянно заботиться о материальном достатке в семье. В силу трудностей, сопровождающих послеразводный период, матери могут относиться к детям, как к уже «почти взрослым», наделяя их всеми атрибутами взрослого поведения и требуя от них выполнения различных пору-

чений без достаточного учета возрастных особенностей. Влияние отсутствия авторитета отца также порождает педагогические проблемы в семье.

Выделяются типичные ошибки в процессе воспитания в неполной семье. Например, «гиперопека», в случае, когда ребенок и проблемы, связанные с ним, выдвигаются на первое место в системе жизненных целей и ориентаций семьи. Отстраненность матери от собственно воспитательного процесса и чрезмерная ориентация на материальную заботу о ребенке и другие. Эти ошибки приводят к различным отклонениям в развитии детей.

Чувство вины является неразлучным спутником развода. «Разведенная женщина может испытывать чувство вины, например, по отношению к детям, и не только тогда, когда развод совершается ради новой любви или против воли другого супруга» [3, с. 56]. «Брошенная» женщина, как ни странно, испытывает и чувство собственной несостоятельности, и чувство вины, даже если она является жертвой в данной ситуации. Чувство вины матери в свою очередь может проецироваться на ее детей. Чаще всего это происходит, если родители не объяснили, по каким причинам они развелись, и ребенок может считать, что из-за его поведения или болезни родители не стали жить вместе.

Многие одинокие женщины считают воспитание и уход за детьми своим главным предназначением и отодвигают на второй план профессиональный успех и карьеру, и в тоже время чрезмерная озабоченность материальным благополучием и нередко занятость на двух работах отстраняют одинокую мать от воспитания и ухода за ребенком, и он предоставлен самому себе.

Исследователями отмечается, что воспитание одинокой матерью сына деформирует его полоролевою ориентацию. Мальчик психологически формируется по женскому типу в связи с отсутствием мужского примера поведения. Это происходит, если родители развелись, когда ребенок еще не достиг 2–3 лет.

Характерным феноменом отношений в неполной семье будет инверсия воспитательных ролей, когда роль матери берет на себя бабушка с авторитарными чертами личности, роль отца играет мать с твердыми чертами характера и повышенной принципиальностью или же дедушка. В наиболее травмирующей семейной ситуации оказываются опять же мальчики, лишенные как любви матери, так и авторитета отца. К тому же матери имеют обыкновение препятствовать встречам отца с сыном, усугубляя этим его переживания.

Если дети живут с матерью, то формально забота о них заметно не различается в неполных и полных семьях. Однако в отношении социального контроля существуют различия. Они заключаются

в большем числе ограничений и запретов в неполной семье у мальчиков и в меньшем их числе у девочек. В семьях мальчиков большую строгость матерей можно расценивать как реакцию на неприятие в мальчиках нежелательных черт характера бывшего мужа. Со стороны матерей угрозы, порицания и физические наказания чаще применяются к мальчикам из неполных семей по сравнению с полными. Сыновья здесь становятся нередко своеобразными «мишенями» для уменьшения у матери нервного напряжения и чувства эмоциональной неудовлетворенности. В семьях девочек «...отмечается противоположная тенденция – уменьшения угроз, порицаний и физических наказаний в неполных семьях по сравнению с полными, т. е. матери более бережно относятся к психике девочек, если остаются с ними вдвоем либо значительно меньше обращают внимания на них в воспитании» [4, с. 18].

Таким образом, развод и негативные переживания одинокой матери, ее дезадаптивное психологическое состояние, сопровождающие его (эмоциональный стресс, невротизация, депрессивные состояния, алкоголизация) несут высокий патогенный потенциал воспитанию ребенка. В силу кумулятивного эффекта негативных проявления у детей как реакции на развод родителей и состояние матери мы можем ожидать в развитии у детей из неполной семьи формирование различных параклинических и клинических нарушений: нарушений в межперсональных взаимоотношениях и/или эмоциональные или поведенческие расстройства.

Разумеется, не правильно утверждать, что развод несет женщине только негативные последствия в ее жизни. Часть женщин после расставания с мужем обретают возможность найти свою половину, лучше разобраться в себе, они избавляются от грубости мужей, злоупотребляющих алкоголем, больше уделяют времени ребенку. Ребенок не видит конфликтов между родителями, которые способствуют развитию у него тревожности, неустойчивости эмоциональной сферы, нарушений в поведении.

Важным моментом в реагировании подростков на развод родителей выступает объем и качество информации, которую родители дают подросткам по поводу развода. Не все родители готовы открыто обсуждать с детьми факт развода и в результате подросток может делать выводы, искажающие действительность на основе каких-либо обрывков фраз, брошенных родителями или родственниками. Таким образом, появляется излишняя напряженность негативных чувств, переживаемых подростком, что отражается в поведении, соматическом состоянии ребенка.

Часто переживания подростков осложняются появлением у них чувства вины за распад семьи. Хотя в глубине души подростки, скорее всего, знают, что не несут ответственности за то, что их родите-

ли разошлись, тем не менее, им свойственно ощущать свою причастность к произошедшим изменениям в семье. «Часто подростки задают себе вопросы такого характера. Почему это произошло? Виновен ли я в этом? Что я такого сделал?» [2, с. 17]. Психологи отмечают, что подростки больше склонны чувствовать свою ответственность, чем дети младшего возраста. Ведь у них часто отношения с родителями носят конфликтный характер. Поэтому подростку может казаться, что он виноват в распаде семьи. Низкая самооценка, высокий уровень тревожности часто являются результатом появившегося чувства вины у детей после развода родителей.

«Кроме психологических и поведенческих изменений, у ребенка, как правило, изменяются и многие представления о жизни. Меняются представления о верности, о том, какой должна быть семья, о том, какую роль в семье играют тот или иной ее член. Дети разведенных родителей меньше всего дорожат сплоченностью семьи, в них с детства закладывается неверие в прочный супружеский союз. Они не имеют навыков позитивного разрешения семейных конфликтов» [9, с. 34]. Многие подростки с тревогой думают о том, что они обречены на повторение грустного опыта своих родителей и не настроены создавать семью. Это в свою очередь негативно отражается на развитии подростка, так как, разочаровавшись в самом понятии «семья» молодой человек не сможет создать в будущем полноценную семью либо будет иметь различные проблемы в браке.

«По результатам долговременных психологических исследований почти половина детей из разведенных семей вступает в юность тревожными, подавленными, неуверенными в своих способностях, а то и попросту озлобленными» [2, с. 17].

Сегодня наиболее актуальным становится грамотный подход к организации психолого-социального сопровождения подростков, чьи семьи распались, а также помощь оставшемуся рядом с подростком родителю. Увеличение числа беспризорных и безнадзорных детей из неполных семей, большинство из которых совершают противоправные действия, подтверждает данное предположение. Поэтому важно в организации психолого-социальной помощи этой категории семей не делать акцент на помощи каждому члену данной семьи в отдельности. Помогая ребенку и не организовывая помощь самой матери, даже если она не обращается за ней, будет сложно добиться положительных результатов в адаптации к новым условиям жизни неполной семьи после развода.

Список литературы

1. Видра Д.О. Помощь разведенным родителям и их детям. – М.: Академия, 2000.
2. Гарднер Р. Психотерапия детских проблем. – СПб.: Речь, 2002.
3. Гаврилицына О.А. Чувство вины у работающей женщины // Вопр. психологии. – 1998. – №4. – С. 56–59.
4. Зайцев Д.В. Социологический анализ современной семьи России // Дефектология. – М., 2001. – № 6.
5. Коренева Е. Развод неминуем // Здоровье. – 2004. – №7–8.
6. Логушко Т. Как пережить развод. – СПб.: Питер, 2002.
7. Михеева А.Р. Отцы и матери после развода: ответственность, права проблемы. Теоретические материалы к курсу «Социология семьи»/ Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002.
8. Свон-Джексон Э. Меж двух огней / подгот. Н. Михайлова // Семья и школа. – 2000. – №7/8. – С. 32–34.
9. Социальная энциклопедия / ред. кол.: А.П. Горкин, Г.Н. Корелова, Е.Д. Катувльский и др. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – С. 329–331.

УДК 159.922

О. В. Клопова, М. Г. Королева, В. А. Прокофьева

Гендерные различия и особенности самопредставлений

В статье рассматриваются вопросы относительно гендерных различий в популяции взрослых людей. На основании эмпирического материала дается характеристика личностных особенностей мужчин и женщин с различными гендерными особенностями.

This article discusses the issues regarding gender differences in the populations of adults. Based on empirical material the author describes the personal characteristics of men and women with different gender features.

Ключевые слова: гендер; гендерные различия; самопредставление.

Key words: gender, gender differences; self-presentation.

Во все времена одним из самых распространенных способов классификации людей являлось их деление на мужчин и женщин. Это деление настолько основополагающе и вездесуще, что его важность не требует доказательств. Полученные эмпирические данные о поведенческих и личностных различиях между мужчинами и женщинами представлялись как факт, не предполагающий обоснования

и интерпретации. Некоторые авторы уже названиями своих книг предлагают поверить в существование фундаментальной разницы между полами. Чего стоит в этом смысле бестселлер Д. Грея «Мужчины – с Марса, женщины – с Венеры». Данное, явно далекое от науки произведение пользуется популярностью у миллионов читателей, по всей видимости, тем, что лишний раз в остроумной форме подкрепляет и без того стойкие гендерные стереотипы.

Т.П. Хризман и В.Д. Еремеева в своей книге «Мальчики и девочки. Два разных мира» напротив, апеллируют к научным данным, которых, тем не менее, не хватает, чтобы считать слова, вынесенные в название, аксиомой [12].

Сейчас, возрастающий интерес науки к изучению аспектов данной тематики, вызван, прежде всего, изменениями в системе гендерного порядка, которые сами по себе «сглаживают» противоположность мужского и женского. Мужчины и, в особенности, женщины все чаще своим поведением «нарушают» стройную систему традиционных представлений о них как о существах с разных планет.

Традиционные различия, как считает И.С.Кон, не столько исчезают, сколько трансформируются, что открывает дорогу «проявлению множества индивидуальных вариаций, которые могут быть связаны или не связаны с полом или гендером» [7]. Неслучайно проблемой разницы полов интенсивно занимается социальная психология, учитывающая в данном случае, прежде всего влияние среды. Таким образом, данная тема является актуальной в аспекте изучения характера социальных взаимоотношений. Актуальность тематики связана и с влиянием по-прежнему стойких гендерных норм и стереотипов, препятствующих проявлению индивидуальности.

В соответствии с современными воззрениями считается, что гармоничная интеграция маскулинных и феминных черт повышает адаптивные возможности андрогинного типа. Крайне интересны в этом отношении исследования франко-канадского ученого С. Д`англюра, который установил, что до 20% детей эскимосов-иннуитов, живущих в центральной арктической Канаде, воспитываются своими родителями в духе противоположного пола. Такое же гендерное воспитание распространено и среди эскимосов в Гренландии. Люди «третьего пола» (по выражению Д`англюра) успешно выполняют ролевые обязанности как мужчин, так и женщин. Так, мужчина, получивший в детстве «женские навыки», может, например, ухаживать за престарелыми родителями, а женщина, воспитанная как мальчик, успешно помогает своему мужу на охоте, оставив детей на попечение родственников. Подобная практика ока-

зывается очень полезной для выживания социума в условиях крайне сурового арктического климата и низкой плотности населения [примечание редактора к книге Ш. Берн] [2]. По воспоминаниям очевидца, довольно интересный подход к обучению трудовым навыкам существовал в некоторых ленинградских школах в конце 50-х – начале 60-х гг. Так, в младших классах и девочек и мальчиков учили вышиванию (крестиком, гладью) и штопке. В средних же классах при отдельных уроках труда (по традиционному принципу) время от времени девочек обучали столярным и слесарным работам, а мальчикам предлагалось выполнение типичных «женских» задач (кулинария, шитье). Не являлась ли подобная практика призванной повысить адаптивные навыки школьников в условиях послевоенного времени?

Мастерс и Джонсон, правда, считают, что андрогиния не делает человека более приспособленным и разносторонним [9]. Авторы приводят в пример исследования Ли и Шрейер, доказывающие, что для обоих полов более целесообразно наличие «чисто мужских черт, а не слияние мужских и женских характеристик». Следует заметить, что речь идет о лучшей эмоциональной приспособленности маскулинного типа. Андрогиничные мужчины чаще спиваются, тогда как «мужественные» лучше управляют собой, менее склонны к самокопанию и больше ориентированы на результат. Обследование преподавательского состава ряда колледжей выявило, что преподаватели андрогинного типа получали большее удовлетворение от работы, но при этом больше уставали. Вопрос о целесообразности маскулинных черт, таким образом, становится довольно интересным. Маскулинность безусловно целесообразна для ее носителя, но насколько она целесообразна для других? Р.Бернс отмечает низкую самооценку мальчиков, у которых авторитарные отцы (авторитаризм как форма доминантности может быть свойственна маскулинному типу). Что таким образом целесообразней: отсутствие внутриличностных конфликтов у отца или душевное здоровье его ребенка? [3].

Интересно то, что за отклонения от гендерных норм больше страдают мужчины, нежели женщины. Ряд исследований показали, что несоответствующее полу поведение сильно вредит популярности среди мальчиков [2]. Возможно, это связано с тем, что агентом изменений в системе гендерного порядка являются, как отметил И.С. Кон, главным образом женщины, «деятельность, социальное положение и психика которых изменяются сейчас значительно быстрее, чем мужская психика» [7]. И хотя тот же И.С. Кон отмечает ослабление поляризации образов маскулинности и феминности и большую терпимость общества к проявлениям индивидуальности [6], нормативные ожидания и стереотипы в отношении мужчин, по

мнению многих исследователей, остаются достаточно жесткими. По данным Арканцевой Т.А. и Дубовской Е.М. идеальный мужчина в представлении подростков – это маскулинный тип с присущими ему смелостью, силой, выносливостью, уверенностью, ответственностью, в то время как идеальная женщина – андрогинный тип: нежная, ласковая, заботливая, но и активная, ответственная, уверенная [1].

Мальчика, не желающего или не умеющего драться, поддразнивают, называя «девчонкой», отмечает В.Н. Квинн. Девочку, которая лазает по деревьям, назовут «сорванцом». Но при этом взрослые снисходительнее относятся к девочке-сорванцу, чем к изнеженному мальчику [5]. Что касается языкового аспекта, можно отметить широкое применение выражения «маменькин сынок», имеющего явную негативную окраску (словосочетание «папина дочка» может звучать в комплиментарном ключе) и то, что слово «слюнтяй» не употребляется в женском роде.

«Мальчики и девочки, конечно же, должны воспитываться по-разному», – замечает Т.Г. Румянцева. Необходимость различного воспитания объясняется автором необходимостью подчинения социальным требованиям и, таким образом, лучшей адаптацией к общественным нормам [11].

Целью пилотажного исследования явилось изучение специфики гендерных различий и особенностей самопредставления мужчин и женщин разных гендерных типов.

Была сформулирована рабочая гипотеза о том, что мужчины и женщины одного и того же гендерного типа характеризуются разными чертами.

Объектом исследования были мужчины и женщины возраста 20–38 лет, общим количеством 63 человека. Из них 32 человека – женщины и 31 человек – мужчины.

В диагностическую программу были включены следующие методики:

- многофакторный личностный опросник FPI;
- методика диагностики межличностных отношений Т. Лири в модификации Ю.А. Решетняк и Г.С. Васильченко;
- методика диагностики самооценки психических состояний Г. Айзенка;
- методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана в модификации В.В.Бойко.

С помощью шкалы маскулинность-феминность FPI была произведена дифференциация испытуемых по гендерному типу. Таким образом, мы получили 6 рабочих групп (подгрупп): женщины с выраженной феминностью (т. е. те, которые по шкале маскулинность –

феминность набрали от 1 до 3 баллов) в количестве 12 человек, маскулинные женщины (от 7 до 9 баллов) в количестве 6 человек, женщины так называемого андрогинного типа (те, которые набрали среднее количество баллов по этой шкале – от 4 до 6) в количестве 14 человек и аналогичные группы мужчин: мужчины условно феминного типа – 8 человек, маскулинного – 8 человек и андрогинного – 15 человек.

По результатам анализа полученных данных можно отметить, что феминные женщины отличаются от маскулинных женщин более низким уровнем раздражительности, реактивной агрессивности ($p < 0,05$) и более высоким уровнем застенчивости ($p < 0,01$).

Застенчивость преобладает у феминных женщин и по сравнению с женщинами андрогинного типа ($p < 0,05$) Факт, кажущийся вполне естественным, (преобладание агрессивности и раздражительности у маскулинного типа, и застенчивости у феминного, вроде бы, очевидно), перестает быть таковым при сравнении показателей феминных и маскулинных мужчин, у которых подобные различия не выявлены, а средние значения по склонности к аффективному реагированию, то есть раздражительности практически идентичны: 6,63 – у феминных и 6,75 – у маскулинных. Между тем, у маскулинных женщин этот балл самый высокий – 7,83. И, поскольку, различий между маскулинными мужчинами и женщинами вообще не выявлено, можно сказать, что агрессивность – показательная черта мужчин и маскулинных женщин, а застенчивость – характерная особенность феминных женщин (но не феминного типа).

Различия в показателях феминных и маскулинных мужчин достоверно выявлены по показателю депрессивности ($p < 0,05$), которая значительно ярче выражена у первых. Уровнем депрессивности же отличаются феминные мужчины от феминных женщин. Вообще у феминных мужчин самый высокий средний показатель по депрессивности – 6,63.

Таким образом, можно сделать вывод, что депрессивность (а точнее: наличие депрессивных признаков в эмоциональном состоянии, поведении, в отношении к себе и социальной среде) является стойкой чертой феминных мужчин, отличающей их от феминных женщин и от мужчин других типов.

Феминные мужчины отличаются также меньшей выраженностью готовности к общению (достоверны различия по шкале «общительность» между феминными и андрогинными мужчинами). У них самый низкий балл по этому показателю – 2,88. Таким образом, получается, что феминные мужчины более замкнуты и обособлены.

Интересны данные по шкале «открытость». Уровень открытости выше у андрогинных мужчин по сравнению с андрогинными женщинами ($p < 0,05$) и у феминных мужчин по сравнению с феминными

женщинами ($p < 0,01$). У феминных женщин самый низкий средний балл по данной шкале – 7,83, у феминных мужчин максимально высокий – 9. Если учесть, что высокие оценки по шкале «открытость» свидетельствуют о стремлении к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими людьми, а так же то, что эти оценки в той или иной степени способствуют анализу искренности ответов (шкала «открытости» используется как шкала «лжи»), можно сделать вывод о большей склонности женщин вообще к лицемерию, что может быть обусловлено воспитанием.

Результаты исследования самооценки психических состояний позволяют говорить о следующем:

Показатели маскулинных и феминных мужчин достоверно отличаются по уровню агрессивности ($p < 0,05$).

При учете того, что средний балл по агрессивности является самым высоким у маскулинных мужчин (12,5), а на втором месте по среднему показателю агрессивности находятся маскулинные женщины (10,5), можно констатировать, что агрессивность свойственна маскулинности как таковой. Отличаются маскулинные мужчины и низким уровнем тревожности (достоверны различия в тревожности в сравнении маскулинных и андрогинных мужчин). У маскулинных мужчин самый низкий средний показатель уровня тревожности – 3,5. Это с одной стороны подтверждает данные Ю.Я. Копейко [8], а с другой свидетельствует о большей эмоциональной стабильности мужчин маскулинного типа.

Можно отметить меньшую, по средним баллам регидность андрогинных женщин (достоверных различий не обнаружено) среди женщин, в частности, и вообще среди всех, что может свидетельствовать об их высокой ситуативной гибкости.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что агрессивность является признаком маскулинности как таковой, а маскулинные мужчины менее тревожны.

Результаты исследования по методике Вассермана говорят о большей фрустрированности феминных мужчин. У них самый высокий средний коэффициент общего уровня фрустрации – 2 балла. Достоверно по этому показателю они отличаются от мужчин андрогинного типа (у тех, кстати, самый низкий средний балл – 1,61). Феминные мужчины больше неудовлетворены своим положением в обществе по сравнению с феминными женщинами и с теми же андрогинными мужчинами ($p < 0,05$). Средний балл по этому показателю у них опять таки самый высокий – 2,75. Недовольство своим положением в обществе мужчин феминного типа можно объяснить их несоответствием гендерным требованиям. Отнюдь не низкие показатели фрустрации маскулинных мужчин можно объяснить скорее

повышенным уровнем притязаний, нежели недовольством своей ролью.

Хочется отметить также следующий факт: у мужчин маскулинного типа самый высокий средний балл по неудовлетворенности отношениями с друзьями (хотя достоверных статистических различий не обнаружено). Это может свидетельствовать об их конфликтности.

Таким образом, по результатам данной методики, можно охарактеризовать феминных мужчин как самых фрустрированных и неудовлетворенных своим положением в обществе, что предположительно связано с их несоответствием гендерным нормам.

При сопоставлении самопредставлений не было выявлено каких-либо достоверных межгрупповых различий, за исключением одного: «Я-идеальное» феминных женщин отличается от «Я-идеального» андрогинных женщин по уровню скептицизма (там, где не указывается уровень статистической значимости, имеется в виду $p < 0,05$). В описании того, какими бы они хотели быть, феминные женщины представляют себя более недоверчивыми, нежели женщины андрогинного типа. Возможно, это связано с их большей зависимостью от окружающих.

Следует также заметить, что представление об идеальных мужчине и женщине абсолютно во всех группах характеризуется большей, в той или иной степени, выраженностью у «идеального мужчины» агрессивных и доминантных черт (первые 4 тенденции по методике Т. Лири), и с преобладанием в описании «идеальной женщины» качеств, связанных с дружелюбием и подчинением (последние 4 тенденции), что в принципе отражает традиционную точку зрения по поводу предназначения мужского и женского.

Интересны результаты внутривыборочных сравнений. Так, например, у феминных женщин представление о себе («Я-реальное») отличается от желаемого образа («Я-идеальное») по всем шкалам, кроме уверенности и отзывчивости.

Феминные женщины хотят быть более доминантами, но менее уступчивыми, доверчивыми ($p < 0,01$) и добросердечными. Возможно, женщины этой группы, как это уже было сказано выше, ощущают свою зависимость и пассивность, и именно поэтому «отказываются» от проявления качеств, характерных для этих трех тенденций (интересно, что показатель отзывчивости как стремления заботиться о близких, практически не изменяется). Феминные женщины проявляют так же критику к себе в отношении своих тенденций к требовательности и скептицизму. Показатели и по той и по другой шкале в «Я-идеальном» выражены меньше. Вообще, что касается скептицизма, абсолютно все группы в своем «Я-идеальном» преуменьшили показатели этой шкалы, причем во всех группах различия между

«Я-реальным» и «Я-идеальным» в скептицизме выявлены достоверно. Так что можно считать это общей тенденцией и вполне естественной: никому не хочется быть более подозрительным, ревностным, обидчивым и упрямым.

«Я-реальное» и «Я-идеальное» маскулиных женщин различаются лишь по двум тенденциям: требовательности и скептицизму.

Желание маскулиных женщин быть менее требовательными (раздражительными, критичными, нетерпимыми по отношению к другим) в общем можно считать объективно самокритичным и достаточно обоснованным, если вспомнить, что по FPI у них самый высокий балл по шкале «раздражительность». Но, как бы там ни было, можно уверенно говорить о том, что женщины маскулиного типа в общем и целом вполне довольны собой.

Следует также отметить отсутствие различий у маскулиных и феминных женщин в оценке «Я-идеального» и «Я-идеальная женщина». Что касается женщин феминного типа, можно сказать, что они стремятся, таким образом, соответствовать гендерной норме, а маскулиные женщины, учитывая схожесть «Я-реального» и «Я-идеального», считают себя более менее соответствующими образу идеальной женщины.

У андрогинных женщин представления «Я-реальное» и «Я-идеальное» отличаются требовательностью ($p < 0,01$), скептицизмом ($p < 0,01$), уступчивостью, доверчивостью. Меньшая выраженность этих качеств проявляется в описании «Я-идеального». Похожую ситуацию можно наблюдать в оценке «Я-реальное» и «Я-идеальное» андрогинными мужчинами (различие в скептицизме на уровне $p < 0,001$ и в уступчивости на уровне $p < 0,01$). Только они видят себя еще менее самоуверенными ($p < 0,01$).

Представление об идеальной женщине у андрогинных женщин отличается от их «Я-идеального» все тем же скептицизмом (которого у идеальной женщины, конечно же, должно быть меньше), а также, что интересно, более высоким у идеальной женщины, уровнем требовательности и добросердечия.

Представление об идеальном мужчине у андрогинных мужчин отличается от их «Я-идеального» исключительно уровнем уступчивости. Идеальный мужчина должен быть, по их мнению, менее подчиняемым.

Заслуживают особого внимания особенности самопредставления феминных и маскулиных мужчин.

Так, феминные мужчины в своем «Я-идеальном» видят себя менее скептическими, менее уступчивыми (расхождение в средних по шкале «уступчивость» больше, чем в 4 балла!) и менее доверчивыми; то есть считают себя, видимо, слишком робкими и послушными.

А представление об идеальном мужчине отличается от «Я-идеального» большей требовательностью. Интересно то, что средний балл по требовательности в «Я-идеальном» меньше, чем в «Я-реальном», а в представлении об идеальном мужчине – самый большой. Таким образом, относясь к себе самокритично, маскулинные мужчины считают, тем не мене, что требовательность (критичность по отношению к другим) является неотъемлемой чертой «настоящего мужчины».

Внутривыборочные сравнения представлений об идеальной женщине и идеальном мужчине, в принципе, не выявили чего-то особенного. Достоверные различия касаются предполагаемого преимущества у мужчин качеств первых четырех тенденций. Лишь андрогинные мужчины отметили помимо этих качеств более высокий уровень отзывчивости у идеального мужчины в сравнении с идеальной женщиной. А маскулинные женщины считают, что идеальный мужчина должен быть более доверчивым, чем идеальная женщина, причем при преобладании у него требовательности и скептицизма. Как не вспомнить Ж. Пиаже, который говорил о том, что девичья мечта о суженом является «своеобразной теорией, объединяющей множество свойств, либо вовсе несовместимых друг с другом, либо сочетающихся крайне редко» [10].

Следует также заметить, что при сравнении образов идеальной женщины и идеального мужчины в представлении феминных женщин вообще не обнаружено статистически достоверных различий (да и по средним показателям ярких различий не наблюдается). Не думается, что они не видят разницы между тем, какими должны быть мужчины и женщины (по нашим наблюдениям, именно феминные женщины и маскулинные мужчины склонны усматривать «пропасть» между полами; видимо, по факту своей принадлежности к самым полярным гендерным категориям). Скорее всего феминные женщины настолько желают быть более доминантными (и, возможно, настолько страдают от доминантности мужчин), что различия в описании идеальных мужчины и женщины неосознанно сглаживаются.

Таким образом, исследование самопредставлений мужчин и женщин показало следующее:

- феминные женщины больше недовольны собой, чем феминные мужчины, и желают быть более доминантными, в то время, как феминные мужчины хотят лишь избавиться от пассивности;
- при этом феминные женщины, в отличие от феминных мужчин, демонстрируют стремление соответствовать гендерной норме;
- у маскулинных мужчин и женщин наблюдается отсутствие внутриличностных конфликтов (они вполне довольны собой и видят себя соответствующими гендерным нормам);

- андрогинный тип характеризуется средней выраженностью этих конфликтов;
- представления об идеальных мужчинах и женщинах, в общем и целом, у всех групп достаточно традиционны.

Говоря о гендерных различиях, есть смысл указывать скорее на значимость социальных факторов, нежели, чем на биологическую обусловленность. Статистически зафиксированные межполовые различия можно объяснить стойкостью гендерных стереотипов, спецификой гендерных норм, которые, «загоняя» мужчин и женщин в определенные рамки поведения, и способствуют проявлению этих различий.

Анализ эмпирического материала позволяет сделать следующие *выводы*:

1. В показателях индивидуально-психологических особенностей мужчин и женщин маскулинного типа не выявлено каких-либо достоверных различий. Если учитывать точку зрения Кагана В.Е., который заключил, что различия между маскулинными мальчиками и девочками полностью совпадают с общеполовыми различиями [4], то наше исследование, таким образом, нивелирует разницу между полами.

2. Экспериментальные данные показывают, что маскулинные мужчины и женщины обнаруживают большую склонность к принятию себя и готовность соответствовать, по крайней мере, своим гендерным нормам.

3. Несмотря на внутреннюю стабильность и гармоничность мужчин маскулинного типа, следует все-таки отметить их конфликтность с окружающими. Это дает право предположить, что маскулинные черты благоприятны для их носителей, но отражение этих черт на других может иметь негативные последствия (не зря маскулинные мужчины, по данным исследования, неудовлетворены своими отношениями с друзьями).

4. Стойкой чертой феминных женщин можно считать застенчивость, проявляющуюся в тревожности, неуверенности, и отражающую предрасположенность к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации. На лицо также недовольство собой феминными женщинами, хотя и обнаруживается их стремление к идентификации себя с представлением об идеальной женщине.

5. Мужчины феминного типа отличаются депрессивностью, замкнутостью, повышенным, по сравнению с другими, уровнем фрустрации и недовольством своим положением в обществе, что, скорее всего, связано с невозможностью (по причине неспособности или нежелания) соответствовать гендерным нормам.

6. Как феминные, так и маскулинные мужчины могут переживать гендерно-ролевой конфликт, только у первых это проявляется скорее внутрличностно, в то время как у вторых – в нарушении контактов с окружающими.

7. Стереотипы, касающиеся мужского и женского, по-прежнему остаются достаточно стойкими у людей среднего возраста. Участники рабочей группы оказались в той или иной степени единодушными в своих представлениях об идеальном мужчине как о носителе доминантных и эгоистических черт, и об идеальной женщине как об альтруистичной и дружелюбной.

Есть основания предполагать, что определенные гендерные установки могут быть как причиной возникновения внутрличностных конфликтов, так и факторами, нарушающими плодотворное взаимодействие с социумом в любой сфере: будь то взаимоотношения в семье или контакты в процессе профессиональной деятельности. Таким образом, исследования гендерной психологии представляют интерес, прежде всего для психологов, специально изучающих различные (в том числе и гендерные) аспекты формирования личности и ее взаимоотношений с социальным окружением.

Список литературы

1. Арканцева Т.А., Дубовская Е.М. Полоролевые представления современных подростков как действенный фактор их самооценки. Мир психологии. – 1999. – №3.
2. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб., 2002.
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986.
4. Каган В.Е. Воспитателю о психологии. – М., 1991.
5. Квинн В.Н. Прикладная психология. – СПб., 2000.
6. Кон И.С. Вкус запретного плода. – М.: 1997.
7. Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI в. // Вопр. философии. – 2001. – №8.
8. Копейко Ю.Я. Гендерные аспекты агрессивности. Психология XXI в.: Тезисы международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. – СПб., 2000.
9. Мастерс, Джонсон О любви и сексе. – СПб., 1991.
10. Пиаже Ж. Избр. психологические произведения. – М.: 1967.
11. Румянцева Т.Г. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке. – М., 1991.
12. Хризман Т.П., Еремеева В.Д. Мальчики и девочки. Два разных мира. – СПб., 2000.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 159.922.4

И. А. Куницина, Н. П. Лескинен

Мотивация выбора трудовой деятельности российских эмигрантов в Финляндии

В статье рассматриваются проблемы мотивов выбора трудовой деятельности эмигрантов из России, проживающих в Финляндии. Описаны основные мотиваторы социально-психологической активности мигрантов в зависимости от их возраста, образования; наличия родственников в Финляндии.

This article discusses the problem of the motives of choice of employment of immigrants from Russia living in Finland. It describes the main motivators for social and psychological activity of migrants depending on their age, education, presence of relatives in Finland.

Ключевые слова: мотивация; личностная направленность; трудовая деятельность; эмигранты.

Key words: motivation, personal orientation, employment, immigrants.

В конце XX столетия миграционные процессы во всем мире достигли небывалого размаха. В большинстве случаев принятие гражданами России решения об эмиграции обусловлено экономической мотивацией: неудовлетворенностью материальным благополучием в своей стране и возможностью накопить капитал за границей. Также немаловажными факторами для эмиграции являются обеспокоенность за будущее своих детей и переезд к ранее выехавшим членам семьи или родственникам.

Попадая в условия новой культурной среды, эмигранты неизбежно сталкиваются с рядом трудностей, в том числе и с психологическими проблемами. Они заключаются в неприятии со стороны коренного населения, в путанице социальных ролей и ценностей, в ощущении безнадежности и безрезультатности взаимодействия с неизвестной им ранее культурой. Известно, что зачастую первые годы пребывания в новой стране оказывают отрицательное воздей-

ствии на психическое здоровье эмигрантов. При этом на восстановление психологического равновесия может потребоваться много времени и жизненных сил.

Успешность адаптации эмигрантов к новым условиям жизнедеятельности во многом зависит от трудоустройства. Найти в чужой стране такую работу, которая была бы высоко оплачиваемой, соответствовала бы имеющемуся образованию и так далее, достаточно сложно. Поэтому на поиск работы, как правило, уходит несколько месяцев, а порой и несколько лет. Выбор вида трудовой деятельности зависит от доминирующих мотивов. Мотивы выбора места работы – это «внешние» и «внутренние» факторы, которые рассматриваются человеком в процессе принятия решения – куда лучше пойти работать (Ильин Е.П., 2004). В основном это касается оценки внешней ситуации (положительные и отрицательные производственные факторы), своих возможностей (состояние здоровья, наличие профессионально важных качеств и т. д.) и соответствия выбираемой работы своим интересам и склонностям.

С целью изучения мотивации выбора места работы эмигрантами из России, проживающими в Финляндии, было организовано экспериментальное исследование. Оно проводилось в течение трех лет, с 2006 г. по 2008 г. в городах Котка, Коувола и Миккели.

В исследовании принимали участие 40 эмигрантов из России, имеющих вид на жительство в Финляндии.

Процедуре тестирования предшествовал сбор данных об испытуемых. Учитывались факторы, которые могли влиять на их отношение к ситуации выбора вида трудовой деятельности. Так, испытуемым следовало указать: возраст; пол, национальность, владение финским языком, продолжительность проживания в Финляндии, российское образование, образование, полученное в Финляндии, а также наличие родственников в Финляндии.

В исследовании принимали участие лица в возрасте от 20 до 40 лет. Среди испытуемых было 23 женщины и 17 мужчин. Принималась во внимание национальность. Было обследовано 23 русских и 17 ингерманландцев. Ингерманландцы – это субэтническая группа финнов.

Обследованные эмигранты проживают в Финляндии от 5 до 20 лет. Основными причинами переезда в Финляндию являются финно-угорские корни, замужество, наличие рабочего места, реже – обучение, после которого молодые люди находят рабочие место в Финляндии.

У 62,5% обследованных родственники проживают в Финляндии. 42,5% испытуемых получили в России среднее специальное образование и 25% – высшее.

Практически всем обследуемым пришлось обучаться в Финляндии заново (за исключением грузчиков). Дипломы о высшем образовании подтверждали в финских университетах. Некоторые эмигранты обучались в Финляндии в колледжах, кто-то заканчивал курсы в школах для взрослых.

Уровень владения финским языком у эмигрантов различный. Молодые эмигранты, как правило, дома общаются на русском языке, а те, кто постарше – на финском.

Требование к владению финским языком при поиске работы зависит от сферы деятельности и должности. Так, в сфере услуг знание языка должно быть на достаточно высоком уровне. При выборе какой-либо физической работы хорошее владение финским языком не столь важно.

В исследовании были применены следующие психодиагностические методики: методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (автор А.А. Реан), методика «Диагностика мотивационной структуры личности» (автор В.Э. Мильман), методика «Диагностика мотиваторов социально-психологической активности личности» и методика «Изучение мотивации профессиональной деятельности» (автор К. Замфир).

В ходе изучения мотивации успеха и боязни неудачи эмигрантов из России, проживающих в Финляндии, было выявлено, что у 57% респондентов преобладает мотивация на успех (рис. 1). Эти люди уверены в себе, целеустремленны. При поиске рабочего места они не пугаются трудностей и уверенно идут к намеченной цели.

У 5% опрошенных доминирует мотивация избегания неудач. Данный вид мотивации принято относить к негативной мотивации. Активность этих эмигрантов связана с потребностью избежать порицания, неудачи. Начиная дело, они уже заранее боятся возможной неудачи, думают о путях ее избегания, а не о способах достижения успеха. Как правило, лица с преобладающей мотивацией избегания неудач отличаются повышенной тревожностью, низкой уверенностью в своих силах.

Больше чем у трети испытуемых мотивация на успех или неудачу не выражена.

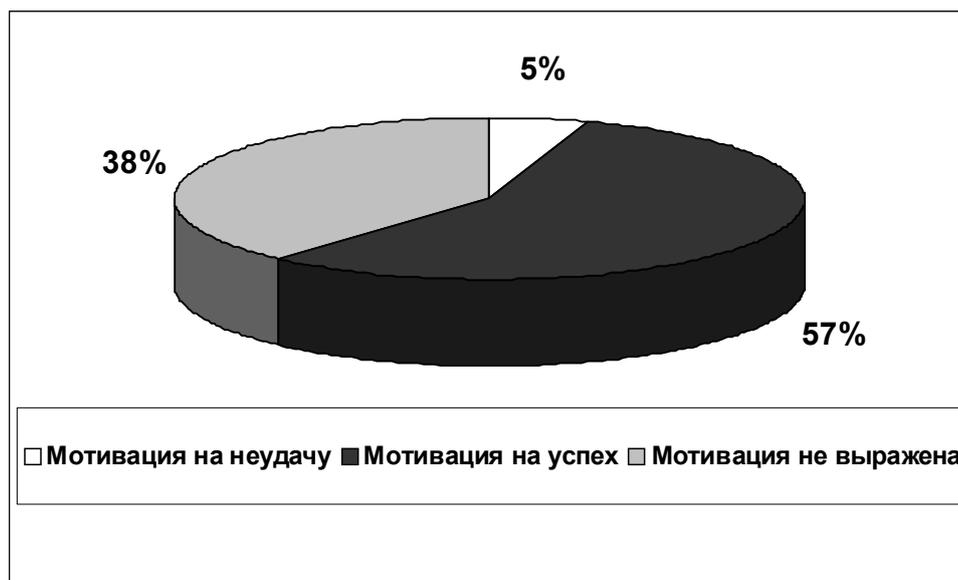

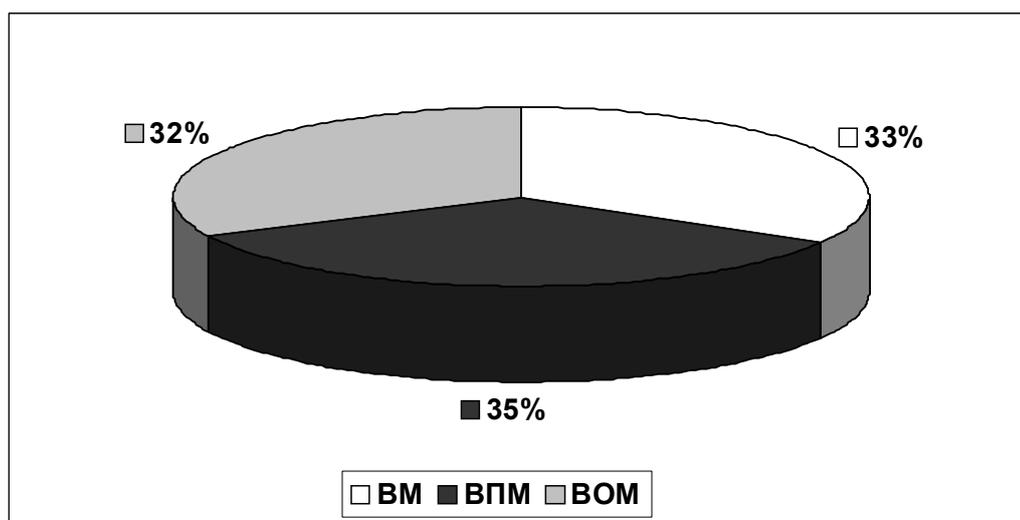
Рис. 1. Мотивация успеха и боязнь неудачи эмигрантов из России, проживающих в Финляндии

Полученные результаты тестирования эмигрантов обусловлены их личным опытом поиска работы. На момент обследования все испытуемые были трудоустроены в Финляндии. Из них 27,5% лиц удалось устроиться на должность, аналогичную той, которую они занимали в России: поваром, учителем, бухгалтером, парикмахером, диспетчером, контролером, строителем. Поэтому и при опросе испытуемых было выявлено, что более чем у половины эмигрантов доминирует мотивация на успех. Они уверены, что найти достойную работу реально. Тем не менее, оставшимся 43% эмигрантов пришлось столкнуться со значительными трудностями при поиске работы.

Стремление к власти при поиске места трудовой деятельности является характерным лишь для 15% эмигрантов. Это связано с тем, что властными полномочиями обладают специалисты, занимающие высокие должности, а эмигранты вряд ли способны конкурировать с финнами в конкурсах на такие должности.

Высокий уровень потребности в аффилиации, проявляющийся при выборе работы, был у 35% опрошенных.

Среди эмигрантов из России, проживающих в Финляндии, одинаково часто встречаются лица с ведущей внешней положительной, внешней отрицательной и внутренней мотивацией выбора трудовой деятельности (рис. 2).

Примечания: **ВМ** – внутренняя мотивация;
ВПМ – внешняя положительная мотивация;
ВОМ – внешняя отрицательная мотивация.

Рис. 2. Внешняя и внутренняя мотивация трудовой деятельности эмигрантов из России, проживающих в Финляндии

Для сравнения значимости различных мотивов выбора вида профессиональной деятельности эмигрантами разного возраста все испытуемые были разделены на две равные по численности группы: от 20 до 30 лет и от 30 до 40 лет. Результаты тестирования этих испытуемых сравнивались через t-критерий Стьюдента. Дополнительно для изучения связи возраста и значимости разных мотивов профессиональной деятельности был проведен корреляционный анализ полученных результатов.

Было выявлено, что для лиц в возрасте от 20 до 30 лет, по сравнению с более старшими эмигрантами, существенно более значимы следующие мотивы выбора вида трудовой деятельности:

- мотив жизнеобеспечения ($t=2,13$ при $p < 0,05$),
- мотив творческой активности ($t=2,65$ при $p < 0,01$).

Следовательно, у молодежи преобладает желание найти такую работу, которая позволила бы быстрее приобрести финансовую самостоятельность, а также оставляла бы время для личной жизни. Также молодые люди стремятся максимально проявить свой творческий потенциал и иметь возможность развиваться. Лица в возрасте 30-40 лет, как правило, уже имеют некую материальную базу и уже достигли профессионального мастерства в прежней профессиональной деятельности, поэтому данные мотивы для них несколько менее значимы.

Выявленные факты подтверждают результаты корреляционного анализа. Существует значимая отрицательная корреляционная

связь возраста эмигрантов и значимости таких мотивов, как: жизнеобеспечение ($r=-0,52$ при $p<0,01$), общая активность ($r=-0,39$ при $p<0,05$), творческая активность ($r=-0,53$ при $p<0,01$), социальная полезность ($r=-0,38$ при $p<0,05$), «рабочая» направленность ($r=-0,49$ при $p<0,01$). Следовательно, чем старше человек, тем меньше он стремится к проявлению активности, тем меньшее значение для него имеют различные бытовые блага и внешнее одобрение, принятие окружающими. Он, как правило, уже состоялся как личность и как профессионал.

Значимость таких мотивов, как комфорт, социальный статус, общение для лиц разных возрастов существенно не различается. С возрастом у человека не утрачивается значимость данных мотивов.

Выраженность стремления к достижению успеха у лиц разных возрастных групп значимо не различается. Однако желание получить общественное признание и стремление к власти существенно более характерно для более молодых эмигрантов, по сравнению с лицами 30–40 лет (табл. 1).

Лица в возрасте 30–40 лет не то чтобы не стремятся к власти. Они, возможно, более реалистично смотрят на жизнь и понимают, что получить руководящую должность в чужой стране крайне сложно.

Таблица 1

Мотиваторы социально-психологической активности эмигрантов из России, проживающих в Финляндии

Показатель	Среднее значение и стандартное отклонение		Значение t-критерия Стьюдента
	Лица 20-30 лет	Лица 30-40 лет	
Достижение успеха	20,15 ± 2,96	18,7 ± 3,42	1,36
Стремление к власти	15,65 ± 3,27	13,6 ± 2,96	2,19 при $p<0,05$
Тенденция к аффилиации	17,95 ± 2,19	15,55 ± 2,96	2,56 при $p<0,05$

Описанные выше факты подтверждаются и результатами корреляционного анализа. Существует отрицательная корреляционная связь возраста эмигрантов и значимости таких мотивов, как: стремление к власти ($r=-0,41$ при $p<0,01$), и тенденция к аффилиации ($r=-0,37$ при $p<0,05$).

Выраженность внешней и внутренней мотивации у лиц 20–30 лет и 30–40 лет существенно не различается.

Связь значимости мотивов выбора трудовой деятельности и продолжительности проживания в Финляндии не выявлена. Вероятно, привыкание к новой культуре, которое происходит в процессе жизни в другом государстве, все же не сопровождается быстрыми и

глубокими личностными изменениями. По крайней мере, в зрелом возрасте.

Значимость мотивов выбора вида трудовой деятельности для мужчин и женщин эмигрантов существенно не различается, то есть они в равной степени стремятся обеспечить для себе материальный достаток, комфортные условия труда, заботятся о сохранении и повышении своего социального статуса, желают найти ту сферу деятельности, где они могли бы реализовать свой творческий потенциал и так далее. Женщины, так же как и мужчины, ориентированы на достижение успеха, стремятся к власти, нуждаются в аффилиации. И у мужчин, и у женщин действия, связанные с поиском работы, обусловлены внешними и внутренними мотивами.

Анализ значимости мотивов выбора вида трудовой деятельности для эмигрантов разных национальностей показал, что мотив жизнеобеспечения имеет существенно большее значение для ингерманландцев, чем для русских ($t=2,71$ при $p < 0,01$). По остальным мотивам значимых различий не выявлено. Ингерманландцы относятся к Финляндии как к родине своих предков, куда они стремились и где они были лишены возможности проживать в силу разных причин. Кроме того, в Финляндии к ним особое отношение, по сравнению с русскими. Они получают дотацию («подъёмные») от финского государства. Также следует отметить, что ингерманландцы, как правило, сохраняют свои традиции и в семье общаются на финском языке, поэтому в Финляндии у них нет языкового барьера. В связи с этим они ощущают себя частью нации, стремятся создать для себя достойные условия жизнедеятельности и считают, что для этого у них есть все возможности.

Значимость мотиваторов социально-психологической активности, таких как достижение успеха, стремление к власти, тенденция к аффилиации, а также выраженность внешней и внутренней мотивации, для русских и ингерманландцев существенно не различается.

Эмигранты, владеющие финским языком, отличаются от тех, кто еще недостаточно хорошо освоил язык, существенно более высоким уровнем выраженности стремления к власти ($t=2,19$ при $p < 0,05$) и потребности в аффилиации ($t=2,56$ при $p < 0,05$).

Эмигранты со средним и средним специальным образованием, по сравнению с лицами, закончившими высшие учебные заведения в России, характеризуются существенно более высоким уровнем значимости мотивов жизнеобеспечения, творческой активности и социальной полезности (табл. 2). У них более выражено желание достичь успеха в профессиональной деятельности, стремление к власти и признанию окружающими. То есть лица со средним и средним специальным образованием существенно более замотивирова-

ны на поиск достойной работы, в которой можно было бы реализовать свой потенциал. Лица с высшим образованием, видимо, очень дорожат своей специальностью.

Таблица 2

Значимость мотивов выбора трудовой деятельности для эмигрантов из России с разным уровнем образования

Показатель	Среднее значение и стандартное отклонение		Значение t-критерия Стьюдента
	<i>Высшее образование</i>	<i>Среднее и среднее специальное образование</i>	
Жизнеобеспечение	11,33 ± 2,29	17,62 ± 2,57	6,02 при p < 0,001
Творческая активность	18,78 ± 3,27	23,85 ± 4,22	3,17 при p < 0,01
Социальная полезность	17,33 ± 3,16	22,69 ± 5,33	2,95 при p < 0,01
Достижение успеха	16,44 ± 1,88	20,38 ± 1,8	4,92 при p < 0,001
Стремление к власти	12,11 ± 2,47	16,46 ± 3,48	3,43 при p < 0,001
Тенденция к аффилиации	15,78 ± 3,23	18,46 ± 1,76	2,27 при p < 0,05

Внешняя и внутренняя мотивация также не зависит от уровня российского образования. Значимость мотивов выбора трудовой деятельности для лиц, получивших и не получивших финское образование, существенно не различается.

Эмигранты из России, родственники которых проживают в Финляндии, по сравнению с теми, у кого в эмиграции нет близких, при поиске работы в большей степени ориентированы на мотив жизнеобеспечения (t=3,17 при p < 0,05). Они в той или иной степени ожидают помощи родственников в решении вопроса трудоустройства. Это может быть всего лишь совет, куда обратиться, как составить резюме и так далее. А может быть и рекомендация на конкретную должность в ту или иную организацию. В Финляндии очень распространен способ устройства на работу через знакомых.

В отношении значимости других мотивов выбора трудовой деятельности для эмигрантов, имеющих и не имеющих родственников в Финляндии, значимые различия выявлены не были.

Таким образом, в большей степени замотивированы на активный поиск рабочего места следующие группы эмигрантов из России, проживающие в Финляндии: молодежь, ингерманландцы, лица, владеющие финским языком, те, у кого родственники проживают в Финляндии, а также специалисты со средним и средним специальным российским образованием. Труднее всего тем, кто недостаточ-

но хорошо владеет финским языком, лицам с высшим образованием, достаточно долго проработавшим по специальности и уже в зрелом возрасте эмигрировавшим из России.

Список литературы

1. Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Ностальгия российских эмигрантов: пробный опрос в Финляндии // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С. 75–79.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2004.
3. Красинец Е.С. Международная миграция населения в условиях перехода к рынку. – М.: Наука, 1997.
4. Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. – М., 1994.
5. Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения: тез. докл. и сообщ. науч. конф. – М.: РГГУ, 1997.

УДК159.922

И. А. Шмелева

Ценности как проблема психологии экологического сознания

В статье рассматриваются вопросы, посвященные проблеме формирования экологического сознания. На основе эмпирических данных дается характеристика ценностей (таких как, экологические ценности, универсализм), в различных группах студентов. Анализируются особенности установок, мотивов проэкологического поведения, профессиональной мотивации, студентов, обучающихся по разным специальностям.

This article discusses the problem of formation of ecological consciousness. Description of students' values (such as, ecological values, universalism) is given on basis of empirical data. Particularities of attitudes, motives of ecological behavior, professional motives are analyzed in different professional groups of students.

Ключевые слова: экологическое сознание, ценности, экологические ценности, универсализм, установки и мотивы проэкологического поведения, профессиональная мотивация.

Key words: ecological consciousness, values, ecological values, universalism, attitudes and motives of ecological behavior, professional motives.

Несмотря на видимые успехи российской психологии, роль человека как активного субъекта взаимодействия с глобальной окружающей средой, глобальными экологическими проблемами недостаточно осознана российским научным (и в особенности психологическим) сообществом. Слова, произнесенные вице-

президентом США А. Гором еще в 1993 г. о том, что люди всех наций стали ощущать себя частицами поистине глобальной цивилизации, объединенной общими интересами и заботами, среди которых главной задачей станет спасение окружающей среды, пока имеют слабое отношение к российским гражданам. Контекст российских образовательных программ, дискурс российских средств массовой информации, политических выступлений, административных решений последних лет говорит о том, что российское общество, российские политики, профессионалы и просто граждане находятся в начале пути развития экологического сознания и формирования экологической культуры.

Психология экологического сознания – относительно новая для российской психологии проблема. В пространстве психологических дисциплин она лежит на пересечении таких областей, как психология взаимодействия с окружающей средой, экологическая психология, экопсихология. Также попадает в поле интересов собственно психологии сознания, психологии развития, этнической и кросс-культурной психологии, а также социальной и политической психологии (Дерябо, 1997, Акопов, 2000, Ясвин, 2000, Медведев, Алдашева, 2001, Панов, 2004, Шмелева, 2006). Экологическое сознание в рамках последних из перечисленных областей является наименее изученным.

По нашему мнению, экологическое сознание – это многомерный, динамичный, рефлексивный пласт в сознании человека, в котором представлены многовариантные, целостные аспекты взаимодействия человека с окружающей средой и окружающим миром (домом, местообитанием человека) как представителя вида и представителя человеческого сообщества (И.А. Шмелева, 2006). Уровень его развития непосредственно влияет на формирование «картины мира» и системы ценностей, на установки и мотивы проэкологического поведения, соблюдение моральных и этических норм по отношению и к естественной и к преобразованной человеком среде, на принятие управленческих и политических решений в области взаимодействия с окружающей средой и природой.

Аксиологический компонент в развитии и формировании экологического сознания представляется нам наиболее значимым, поскольку ценности и нормы, являясь частью индивидуального и общественного сознания, задают ориентиры выбора целей и способа действий, регулируют поведение людей и групп в обществе. Как показал анализ теоретических воззрений и эмпирических исследований именно аксиология является ключевым аспектом формирования и развития экологического сознания. В современных психологических исследованиях ценности рассматриваются как мотивационный конструкт и как элемент сознания, результаты иссле-

дований показывают взаимозависимость ценностей, про-инвайроментальных установок сознания и про-инвайроментального поведения (И.А. Шмелева, 2006).

Понятие «ценности» многогранно. В понимании сущности феномена ценности выделяют два аспекта. Первый – это рассмотрение ценности как значения того или иного предмета либо явления для человека. Ценность характеризует качество данного предмета. Второй аспект – это понимание под ценностью самого явления (материального или идеального), имеющего значение для человека.

Ценности и нормы составляют единую нормативную систему, которая регулирует поведение людей и социальных групп в обществе. Ценностно-нормативная система является ориентиром при выборе способа действий, проверяет и выбирает идеалы, выстраивает цели, содержит способы достижения этих целей. Ценности и нормы являются частью *сознания* отдельного человека, общественного *сознания*, частью культуры, следовательно, они могут изучаться и измеряться как на уровне индивидуальных различий, так и на уровне культуры, проявляясь в социальных нормах, обычаях и традициях социальных групп.

В российской психологии предпочтение отдается понятию «ценностные ориентации», понимаемые как важный компонент мировоззрения личности или групповой идеологии, выражающий (представляющий) предпочтения и стремления личности или группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей (благополучие, здоровье, комфорт, познание, гражданские свободы, творчество, труд и т. п.). Синонимом понятия «ценностные ориентации» выступает понятие «система ценностей». К представлению об усвоении (интериоризации, интернализации) так называемых социальных ценностей следует, по мнению Б. Мещерякова, относиться с осторожностью, так как ценностные ориентации нередко трактуются как социальные ценности, которые «вкладываются» в личность в процессе ее социализации и являются главным фактором, регулирующим, детерминирующим ее мотивацию, и следовательно, поведение. Именно формирование ценностных ориентации нередко рассматривается как основная цель воспитания, в отличие от обучения (Мещеряков, Зинченко, 2005). Ряд исследователей рассматривают ценности в большей степени как социологическое понятие, которое приобретает психологический смысл в связи с анализом мотивов и поступков отдельной личности. Концепция ценностей в явном или скрытом виде присутствует в психологических теориях Г. Олпорта, З. Фрейда, Янга. Э. Фромма, К. Хорни, Э. Эриксона, К. Дихтера.

На развитие и формирование ценностей личности влияют внешние и внутренние факторы. Внешние факторы – это элементы микросреды (ценности, разделяемые группами членства, референтными группами) и макросреды (система общечеловеческих ценностей, социальные институты, средства масс-медиа, система образования). К внутренним факторам относятся возраст, пол, особенности темперамента, задатки, способности, потребности и уровень развития самосознания. Таким образом, ценности – это идеи, идеалы и цели, к которым стремится человек и общество.

Ценность, в понимании Г. Олпорта – это некий личностный смысл. Шкала ценностей, по Г. Олпорту, включает в себя: теоретические; социальные; политические; религиозные; эстетические; экономические; конфликтующие ценности. При этом Олпорт утверждал, что конфликт ценностей может быть источником их развития (Г. Олпорт, 2002).

Осмысленность ценностей, по словам В. Франкла, придает им объективный универсальный характер. Он понимал под ценностями личности «универсалии смысла», т. е. смыслы, присущие большинству членов общества, всему человечеству на протяжении его исторического развития (Франкл, 1990). Существуют общепринятые ценности – универсальные, социальные, политические, религиозные, которые определяют «нормальное» поведение для общества или группы, и индивидуальные (личностные) ценности.

В научной литературе существует множество определений ценностей, их насчитывается более 180, и многие авторы сходятся во мнении, что понятие ценностей часто используется как аналитическое средство для того, чтобы связать макросоциальные феномены с индивидуальными установками и поведением.

Ценности – это эксплицитные и имплицитные концепции желаемого, характеризующие индивида или группу и определяющие выбор типов, средств и целей поведения (С. Kluckhohn, 1953). Ценности обеспечивают ориентацию в действительности, помогают различать нужное и ненужное, уместное и неуместное, добро и зло. Индивид опирается на ценности при организации своей жизни, обществу ценности необходимы для определения наиболее значимых целей и форм поведения.

Для индивида и общества необходима стабильность ценностей. При нестабильности индивидуальных ценностей человек воспринимается другими людьми как незрелый, ненадежный и непрогнозируемый. В том случае, если общество не имеет стабильные и всеобъемлющие ценности, возникает коллективная дезориентация, ведущая к конфликтной блокаде активности и неуверенности ее членов (Б. Шледер, 1994). По мнению М. Рокича, ценности занимают основополагающее и центральное место в ие-

рархии целостных инстанций, участвующих в принятии решений (M. Rokeach, 1973).

Ценность (по определению Рокича) – это устойчивое убеждение в том, что представляется важным человеку в его жизни. Под ценностными ориентациями Рокич понимает абстрактные идеи, положительные или отрицательные, не связанные с определенным объектом или ситуацией, выражающие человеческие убеждения о типах поведения и предпочитаемых целях. В концепции Рокича рассматриваются две категории ценностей: *терминальные и инструментальные*.

Ценности представляют собой основу, определяющие переживания и поведение людей (Б. Шледер, 1994). В психологии ценности традиционно рассматриваются как индивидуальные (субъективные) атрибуты, отражающие относительно стабильные интраиндивидуальные структуры, которые организуют феномены поведения и представления. В социологии ценности понимаются как конструируемые социальные объекты или как абстрактные регулирующие принципы (предписываемые утверждения, нормы, системы убеждений), которые регулируют социальное поведение. В этом случае они представляют собой трансиндивидуальные (интерсубъективные феномены), которые имеют отношение к индивидам, принадлежащим к определенным группам. Ценности действуют как общий генератор непротиворечивости, формируя модели аттитюдов и поведения.

Ценности не могут быть абсолютно стабильными и меняются на протяжении жизни общества так же, как меняются ценностные ориентации отдельной личности на основе ее жизненного опыта (Б. Шледер, 1994). В то же время идентичность личности в обществе определяется ценностями. Следовательно, в качестве отличительных признаков ценностей могут быть выделены *целостность, ориентирующая функция, относительная стабильность*.

В 70-х гг. XX столетия в американской социальной психологии появилась гипотеза (R. Inglehart, 2000) о том, что «материальные ценности» постепенно заменяются на «постматериальные». Материальная ориентация – это ориентация на экономическое благополучие и защищенность, а постматериальные ценности – это ориентация на *социальные, эстетические и экологические аспекты* человеческой жизни – субъективное благополучие, качество жизни, человеческие права и достоинства, самовыражение, интеллектуальные, эстетические и экологические потребности. Исследователи утверждают, что постматериальные ценности приобретают большее значение в обществе в период экономиче-

ского благополучия и материальной защищенности. Однако данная гипотеза постоянно критикуется, как указывает Б. Шледер (1994).

В качестве альтернативной концепции в 1984 г. была предложена теория изменения ценностей Х. Клагеса. Им были введены различия между двумя классами ценностей: ценностями общественного долга и ценностями самореализации. На протяжении трех десятилетий – с 50-х до конца 70-х гг., исследования, проведенные в Германии, показали, что ценности общественного долга снижаются, а ценности самореализации повышаются (по Шледер, 1994). По Клагесу, процессы признания ценностей и отказа от них протекают независимо от друга и могут породить различные комбинации новых ценностей.

Ольдемейер (1978) (по Шледер, 1994) определяет четыре направления, в которых функционируют ценности:

1) отношения «Я – ты», «мы – вы», ценности в области межличностных отношений;

2) отношения «Я – оно» – «мы – оно», ценности в области отношений «человек-природа»;

3) отношения «Я – Я», «Я – мы», ценности, направленные на собственное «Я»;

4) отношения «я – мы – сверх – Я сверх – Мы», ценности, направленные на высшие смысловые институты и смысловое содержание.

Ольдемейер различает «до сих пор доминирующие и нормативные ценности» и «альтернативные ценности», которые по его гипотезе приобретают все большую значимость. Схема ценностей Ольдемейера содержит априорно-апостериорные компоненты. Априорные компоненты представлены в четырех различных областях, которые обозначают предметную направленность ценностей, в которой выражено институционально нацеленное отношение к объекту оценивания. Апостериорные компоненты представляют специальные тенденции снижения или повышения роли ценностей. Эти тенденции можно представить как противоположные полюса, каждый из которых соответствует ценностному измерению.

В эмпирическом исследовании Шледера (1994) изучались ценности, предпочитаемые в различных студенческих группах, и выявлялись различия между этими группами. Двойная дескриптивная цель исследования заключалась в том, чтобы на эмпирической основе определить проявление и структуру ценностных ориентаций. На основе идеи Ольдемейера был разработан вопросник из 180 пунктов. Он был предъявлен двум группам молодых людей в возрасте от 20 до 25 лет – студентам, изучающим психологию и педагогику, и планирующим стать преподавателями,

и студентам профессиональной школы, изучающим финансовые, правовые и технические проблемы. Группы различались по образовательному уровню, социальному положению, практическому опыту и интересам. Общий результат, полученный Шледером в исследовании, продемонстрировал отчетливую разницу между доминирующими и альтернативными ценностями. Доминирующие ценности были оценены более негативно, чем альтернативные. Проявилось и явное различие между группами: во второй группе (студентов профессиональной школы) и позитивные и негативные оценки были более сдержанными, чем у студентов университета. В обеих группах были высоко оценены такие альтернативные социально-экологические ценности, как единство, согласие, пацифизм, в то время как индивидуалистические и рационалистические ценности (техника, культурное превосходство, критика религии), были оценены значительно ниже. Высокий ранг был определен для классических либеральных ценностей достижений, профессионального равноправия женщин, семейных ценностей.

Для нас особый интерес представляет тот факт, что уже в начале 90-х гг. среди студентов Германии первое и второе ранговые места заняли *социально-экологические* ценности. Результаты исследования Б. Шледера показали, что при незначительных различиях в ценностных предпочтениях по гендерному признаку, основные различия обнаруживаются при сравнении двух профессиональных групп. Поскольку опрошенные респонденты отдали предпочтение альтернативным ценностям, Шледер делает вывод о том, что гипотеза Ольдемейера об изменчивости ценностных ориентации подтвердилась. Однако, согласно предположению Инглекхарта и Клаггесса, повышение значимости альтернативных ценностей ни в коем случае не предполагает снижения значимости доминантных ценностей. Шледер полагал, что результаты исследований отражают ситуацию, сложившуюся в ФРГ к концу 80-х гг. Обнаружена большая значимость ценностей человечности и сотрудничества, а также скептическая отстраненность от ценностей достижения, что отражает восприятие жизни, которое развивается в стране в период относительной экономической стабильности и уверенности.

Наиболее востребованной теорией и методическим инструментарием по исследованию ценностей является сегодня концепция ценностей Ш. Шварца, которая начала им разрабатываться в середине 80-х гг. и была окончательно оформлена в 1992 г. Начиная с этого момента, она используется в масштабном кросс-культурном исследовании ценностей, руководимом Ш. Шварцем, и периодически дополняется на основании вновь полученных данных в разных культурах.

Ценности, по определению Ш. Шварца (S. Schwartz, 2004), – это мотивационный конструкт. Они имеют отношение к задуманным целям, которые люди намереваются достигнуть. Ш. Шварц выделяет следующие основные характеристики ценностей.

Ценности – это убеждения (верования), связанные непосредственно с эмоциями, а не с объективными холодными идеями.

Ценности выходят за пределы специфических действий и ситуаций. Они представляют собой абстрактные цели. Абстрактная природа ценностей отличает их от таких понятий, как нормы и attitudes, которые обычно имеют отношение к специфическим действиям, объектам или ситуациям.

Ценности направляют выбор или оценку действий, линий поведения, людей или событий. Таким образом, ценности выполняют функции стандартов или критериев. С их помощью человек решает, будут ли действия, линии поведения, люди или события хорошими или плохими, законными или незаконными, тем, что следует достигать или избегать, зависящими от того, поддерживаются они или подрываются достижением ценностей. Влияние наших ценностей на наше каждодневное поведение едва ли осознано. Мы осознаем наши ценности, когда действие или суждение, которое мы рассматриваем, имеет конфликтующее привлечение тех ценностей, которые мы разделяем.

Ценности распределяются по важности относительно друг друга. Человеческие ценности составляют упорядоченную систему ценностных приоритетов, которая характеризует их как индивидуальность. Эта иерархические черты также отличают ценности от норм и attitudes.

Перечисленные черты имеют отношение ко всем ценностям. То, что отличает одну ценность от другой, представляет собой тип цели или мотивации, которые данная ценность выражает. Отобранные ценности были выявлены в предшествующих теориях, религиозных и философских учениях. Теория ценностей определяет десять базовых ценностей (мотивационных целей), которые лежат в ее основе.

Ш. Шварц полагает, что базовые человеческие ценности с высокой вероятностью обнаруживаются во всех культурах. Ценности считаются универсальными, поскольку они основываются на универсальных потребностях человеческого существования: биологических потребностях, необходимостью координации социального взаимодействия и потребностями благосостояния социальных групп.

Теория Шварца определяет 10 основных ценностей в соответствии с тем мотивационным типом, который лежит в их основании. Эти ценности предназначены для того, чтобы объединить в себе

весь уровень мотивационно различимых ценностей, которые существуют в различных культурах. В соответствии с теорией Шварца эти ценности являются универсальными, поскольку они имеют корни в трех универсальных условиях человеческого существования, с которыми они помогают совладать человеку. Все индивидуумы и все сообщества должны отвечать на эти требования, к которым относятся: потребности индивидуумов как биологических организмов; то, что необходимо для координации социальных взаимодействий и потребности для выживания и благополучия социальной группы. Индивидуумы не могут успешно совладать с этими проблемами в одиночку. Практически во всех социальных группах люди должны проговаривать эти проблемы, взаимодействовать и кооперироваться по их поводу.

Таким образом, ценности Ш. Шварца определяет в терминах широкой цели, которую они выражают, указывает на ее связь с универсальными требованиями и соотносит с соответствующими концепциями ценностей своих предшественников. Эти аспекты, по мнению Шварца, делают значение каждой ценности более конкретным и эксплицитным. Итак, в соответствии с предлагаемой Ш. Шварцом теорией (см. Карандашев, 2004), эти 10 ценностей следующие: самостоятельность; стимуляция; гедонизм; достижение; власть; безопасность; конформность; традиции; доброта и универсализм.

Наиболее значимой ценностью с позиции целей настоящего исследования является «универсализм». Мотивационная цель данного типа ценностей – понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы. Это контрастирует с внутригрупповым фокусом ценностей доброты. Ценности универсализма также проистекают из потребностей в выживании индивидуумов и групп.

С ценностью «универсализм» ассоциируются такие понятия, как защита окружающей среды, мир и красота, единение с природой, широта мышления, социальная справедливость, равенство, мирное сосуществование, внутренняя гармония, здравый смысл, мудрость. Корреспондирующей ценностью является доброта. С ценностью «доброта», ассоциируются такие понятия, как помогающий, правдивый, прощающий, лояльный, ответственный, истинная дружба, духовная жизнь, зрелая любовь и смысл жизни. Универсализм и доброта объединяются в ценность более высокого порядка – «самотрансцендентность», которая понимается как открытость опыту, изменениям, выход за пределы интересов личного существования.

Именно «универсализм», по мнению большинства исследований, может рассматриваться как экологическая (инвайронментальная) ценность, определяющая основные установки экологического сознания и мотивацию про-экологического поведения. Во многих исследованиях показана зависимость между ценностями, установками (аттитюдами) по отношению к различным проблемам окружающей среды и про-инвайроментальным поведением (W. Schultz, 2005). Все эти исследования продемонстрировали устойчивый результат: индивидуумы, которые оценивали цели *самотрансцендентности* выше, оказывались более озабоченными проблемами окружающей среды. Как показали результаты (Schultz., Zelezny, 1998) установки, определяемые по шкале NEP (Новая инвайроментальная парадигма), могли быть значимо предсказаны мотивационными типами, определяемыми по методике Ш. Шварца. В кросс-культурных исследованиях отношения между ценностями и инвайроментальными установками были протестированы через серии регрессионного анализа, рассчитанного отдельно по каждой стране. Результаты показали, что «универсализм» является сильным позитивным предсказателем инвайроментальных установок, а власть и традиция – сильными негативными предсказателями. По мнению М. Раудсепп (Raudsepp, 2002), ценности позволяют человеку «переводить» дискурс «устойчивости» в каждодневную жизнь. Экологические установки и экологически ориентированное поведение могут проявлять себя в каждодневной активности, ориентированной по отношению к окружающей среде, личном интересе к проблемам окружающей среды и убеждениях по поводу охраны окружающей среды, установкам по отношению к «главному природному объекту», личной привязанности к природе (включенности в природу), общих верований по поводу взаимоотношений человека и окружающей среды.

Результаты кросс-культурных исследований, проведенных Т. Нийтом с коллегами (Niit, T. et al. 2004) по сравнительному анализу ценностей в различных выборках Эстония (эстонцы, русские) и Галиция (Испания) показали, что среди позитивных предсказателей инвайроментальных установок выделяются такие ценности, как универсализм, гедонизм, среди негативных предсказателей – власть и стимуляция.

На российской выборке были проведены немногочисленные исследования ценностей по методике Ш. Шварца (Бызова, 2002, Лебедева 2000, Карандашев, 2004), в которых вопросы инвайроментальных ценностей не затрагивались и не обсуждались. Как правило, в таких исследованиях в качестве респондентов выступали студенты и учителя, профессиональная ориентация которых во внимание не принималась. Этническая принадлежность

респондентов в ряде других исследований учитывалась, однако никогда не связывалась с профессиональной мотивацией и ориентацией.

Наше исследование (Шмелева, 2006) было посвящено изучению собственно инвайроментальных ценностей представителей целевых групп, связанных в своей профессиональной деятельности или обучении с образованием для устойчивого развития, экологическим менеджментом, решением проблем в области экологии.

Исследование ценностей проводилось нами в 2004–2006 гг. по методике Ш. Шварца в различных целевых группах. В качестве методического инструментария был использован русскоязычный вариант вопросника, рекомендованный автору лично профессором Ш. Шварцем, в переводе В. Карандашева (2004). Использован полный вариант методики, включающий анализ ценностей на уровне нормативных идеалов (список из 57 ценностей) и на уровне индивидуальных приоритетов (профиль личности, включающий 40 описаний людей, с которыми необходимо сопоставить себя на предмет похожести или непохожести).

Выборку исследования составили 9 подгрупп респондентов (более 400 человек), различающиеся по профессиональной направленности, статусному положению и возрасту, по направленности, связанной с решением проблем окружающей среды, этнической принадлежности и географическому месту проживания (представители коренных народов Крайнего Севера). В выборку вошли группы студентов различных факультетов вузов Петербурга – психологи, медики, юристы, геологи-экологи, экологи – представители коренных народов Севера, режиссеры мультимедиа, а также группы экологов-профессионалов и преподавателей.

В качестве контрольных использовались опубликованные результаты, полученные по методике Ш. Шварца по различным группам (В.М. Бызова, 2002, Н.М. Лебедева, 2000, Н.В. Гришина и др. 2006, S. Schwartz, 2005). Результаты продемонстрировали близкие значения по обобщенной ценности *самотрансцендентности* (универсализм и доброта) по сравнению с репрезентативной российской выборкой 1995–1999 гг., и расхождения (в сторону меньшей значимости), по сравнению с общемировой (материалы для сравнения были предоставлены автору Ш. Шварцем)

Результаты исследований показали статистически значимые различия между группами в предпочтениях таких ценностей, как универсализм, безопасность, гедонизм, традиции и власть в зависимости от их профессиональной направленности и этнической принадлежности. Универсализм оказался отвергаемой ценностью в группе психологов и юристов и имел слабую выраженность у

студентов гео-экологов, до момента исследования имевших в программе обучения только естественно-научные дисциплины. В то же время в группе профессионалов, связанных в своей деятельности с решением проблем экологии и устойчивого развития, экологического менеджмента и преподавания дисциплин в рамках программ образования для устойчивого развития, а также в группах студентов-экологов младших курсов – представителей коренных народов Севера универсализм занял II ранговое место как наиболее предпочитаемая ценность. Высокие уровни значений универсализма в группе профессионалов подтверждают основное положение Ш. Шварца о том, что ценности – это мотивационный конструкт. Высокие значения ценности в группе студентов – представителей коренных народов Севера могут быть объяснены влиянием традиций этноса по отношению к природе, религиозными верованиями, традициями семейного воспитания, сакральным отношением к природе.

Результаты, полученные по группам студентов других специальностей (особенно психологов и юристов), заставляют задуматься о ценностно-смысловом содержании и отражении глобальных проблем окружающей среды в современном гуманитарном образовании и о необходимости широкого внедрения принципов образования для устойчивого развития в рамках десятилетия (2005–2015) образования для устойчивого развития, объявленного Организацией Объединенных Наций.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / ред. Б.Г. Мещерякова, В.Л. Зинченко. – М., 2005.
2. Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. – Самара, 2002.
3. Бызова В.М. Жизненные ценности молодежи республики Коми на рубеже веков: кросс-культурный аспект // Психол. журн. – 2002. – Т. 23. – № 1. – С. 101–112.
4. Голд Д. Психология и география: основы поведенческой географии. – М., 1990.
5. Гришина Н.В., Мирошников С.А., Погребницкая В.Е., Честновок В.Б. Индивидуальность: развитие и стиль жизни «Ананьевские чтения – 2006». 40 лет факультету психологии СПбГУ: материалы науч.-практ. конф. 24–26 октября 2006 г. – С. 651.
6. Дерябо С.Д. Методологические проблемы психологии экологического сознания // Материалы I Всесоюзн. конф. по экологической психологии. – М., 1997.
7. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. – М., 1994. – 335 с.
8. Иванова Т.И. Экологические ценности в общественном сознании // Вопр. психологии. – 1999. – № 3. – С. 83–89.
9. Карандашев В.Н. Методика Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций личности. – СПб., 2004.

10. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психол. журн. – 2000. – Т. 21. – № 3. – С. 73–87.
11. Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание: учеб. пособие. – М., 2001.
12. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М., 2000.
13. Нийт Т. Хейдметс М., Круусвал Ю. Психология среды в Эстонии // Средовые условия развития социальных общностей / ред. Т. Нийт, М. Раудсепп, М. Хейдметс. – Таллинн, 1989.
14. Олпорт Г. Становление личности. Избр. труды. – М.: Смысл, 2002. – С. 166–216.
15. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. – М., 2004.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла / ред. Л.Я. Гозман, Д.А. Леонтьев. – М., 1990.
17. Шледер Б. Структура ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование // Иностран. психология. – 1994. – Т. 2. – № 2(4). – С. 47–56.
18. Шмелева И.А. Психология экологического сознания. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2006.
19. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. – М., 2000.
20. Inglehart R. Globalization & Postmodern Values // The Washington Quarterly. 2000. – Vol. 23. – № 1. – P. 215–228.
21. Kluckhohn C., Murray H.A. Personality in Nature, Society & Culture. 2nd ed. Revised and Enlarged. – New York, 1953.
22. Niit T., Kailo H., Link K., Mira R. Relationship between values and environmental attitudes in Estonia and Galicia // XVII International Congress of the IACCP. X'ian (China): The Book of Abstracts, 2004. P. 110.
23. Raudsepp M. Values and environmentalism // Trames Journal of Humanities and Social Sciences. 2001 b. Vol. 55/50. № 3. – P. 211–233.
24. Rokeach, V. The Nature of Human Values. – New York, 1973.
25. Naess Ar. Self realization: an ecological approach of being in the world // People, Penguins, and Plastic Trees. Basic issues in environmental.
26. Schultz W.P. et al. Values and their Relationship to Environmental Concern and Conservation behavior // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2005. Vol. 36. – № 4. – P. 457–475.
27. Schultz W.P., Zelezny L. Values as Predictors of Environmental Attitudes: evidence for Consistency Across 14 Countries // Journal of Environmental Psychology. 1998. Vol. 19. – P. 255–265.
28. Schwartz S.H. Basic Human Values. Their Content and Structure across Countries // Valores e comportamento nas organizacoes [Values and behavior in organizations] / Eds A. Tamayo, J.B. Porto. Brazil: Petropolis. Vozes 2005 a. P. 21–64.
29. Schwartz S.H. Robustness and Fruitfulness of a Theory of Universal in Individual Human Values // Valores e comportamento nas organizacoes [Values and behavior in organizations] / Eds A. Tamayo, J.B. Porto. Brazil: Petropolis. Vozes 2005 b. P. 56–95.
30. Стратегия образования для устойчивого развития.
<http://www.unesco.org/env/documents/2005/cep/ac.13/cep.ac.13.2005.3.rev.1.r.pdf>

Сведения об авторах

Аверин Владимир Афанасьевич – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Волкова Антонина Никитична – доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры общественных связей и психологии массовых коммуникации, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Грязнов Алексей Николаевич - доктор психологических наук, Институт педагогики и психологии профессионального образования, г. Казань, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Еремеев Борис Алексеевич – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Клопова Ольга Владимировна – аспирант, преподаватель, Уральский техникум экономики и права, г. Екатеринбург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Колпакова Анна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры логопедии и олигофренопедагогики психолого-педагогического факультета, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого e-mail: a_n_kolpakova@mail.ru

Королева Мария Геннадьевна – психолог-консультант, компания «Консультант Плюс», г. Екатеринбург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Куницина Ирина Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Лескинен Наталья Павловна – психолог, торговый центр «Ситимаркет», г. Коувола, Финляндия, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Маклаков Анатолий Геннадьевич – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Мироненко Ирина Александровна – доктор психологических наук, доцент кафедры психологии, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, e-mail: mironenko_i@mail.ru

Мухаметзянова Гузель Валеевна – доктор педагогических наук, профессор, действительный член РАО, директор, Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО, г. Казань, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Панферов Владимир Николаевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Петренко Виктор Федорович – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Прокофьева Виктория Альбертовна – кандидат психологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Скворцов Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Супрун Анатолий Петрович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН, Москва, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Софьина Вера Николаевна – доктор психологических наук, профессор, Северо-Западная академия государственной службы, Санкт-Петербург, e-mail: ies@reipk.spb

Шмелева Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет Международных отношений, кафедра Мировой политики, e-mail: irina_shmeleva@hotmail.com

Якушенко Елена Геннадьевна – аспирант факультета клинической психологии, Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия, e-mail: Dekanat@psy-lgu.spb.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (серия психология) принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем общей, медицинской, социальной и педагогической психологии, психологии развития и труда, психофизиологии.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5: с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург,

г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина
№1**

серия психология

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. В. Чернышева*
Оригинал-макет *Н. В. Чернышевой*

Подписано в печать 18.02.2009. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,75. Тираж 500 экз. Заказ № 22

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а